

Международная Академия
Психологических Наук

**М А С Т Е Р
П С И Х О Л О Г И И**

Ярославль
2024

Мастер психологии: коллективная монография / под ред. В. В. Козлова,
Ю. Н. Слепко. – Ярославль: МАПН, 2024. - 348 с.

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография приурочена к юбилею выдающегося отечественного психолога, теоретика, методолога, историка психологии Владимира Александровича Мазилова. В монографии представлена оценка научного творчества юбиляра коллегами и друзьями, раскрыты основные этапы его жизненного и научного пути. Анализируя вклад В.А. Мазилова в развитие психологической науки, авторы обратили отдельное внимание на разработку им проблем истории, теории и методологии психологии. Рассматривая эти три раздела психологической науки в единстве, ядром психологических взглядов юбиляра авторы считают разработку им когнитивной и коммуникативной методологии психологии, а также методологии психологической науки и практики.

В качестве дополнительных материалов представлена избранная библиография, а также другие материалы, раскрывающие многогранность личности и деятельности В.А. Мазилова.

Монография будет полезна историкам, теоретикам и методологам психологии, а также всем, кто занимается проблемами развития психологии как самостоятельной отрасли научного знания.

Коллектив авторов:

Введение - Козлов В.В., Слепко Ю.Н.

Биография - Козлов В.В., Слепко Ю.Н.

Глава 1:

1.1. - Леньков С.Л., Рубцова Н.Е.

1.2. - Рьльская Е.А.

1.3. - Бугайчук Т.В.

Глава 2: Козлов В.В., Слепко Ю.Н.

Глава 3:

3.1. - Базиков М.В.

3.2. - Слепко Ю.Н.

3.3. - Слепко Ю.Н.

Глава 4: Козлов В.В., Слепко Ю.Н.

Глава 5: Козлов В.В., Слепко Ю.Н.

УДК 159.9

ББК 88.2

ISBN 978-5-6051440-2-1

© Международная Академия
Психологических Наук, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Мастерство везде в почете	9
С мастерством люди не рождаются, но добытым мастерством гордятся	87
Глава 1. Дело мастера боится.....	91
1.1. Многомерность творческой вселенной Владимира Александровича Мазилова	91
1.2. «Путеводные звезды» для исследователя сложных психологических феноменов: о методологических «находках» в.А. Мазилова	111
1.3. Борьба за предмет психологии. Рыцарю «призмы и хроноскопа» посвящается	124
Глава 2. На все руки мастер	134
2.1. Проблемы психологии мышления	135
2.2. Теория и метод в психологии	149
2.3. Общая психология.....	162
2.4. Психология образования.....	168
2.5. Методология и история психологии.....	183
Глава 3. Слово мастеру	209
3.1. «Человек на все времена».....	209
3.2. К 100-летию м.С. Роговина - интервью с учеником.....	229

3.3. Владимиру александровичу мазилу - 65. Интервью с юбиляром.....	257
Глава 4. Избранная библиография.....	275
Глава 5. Диссертации, защищенные под руководством юбиляра	302
Библиографический список	305
Сведения о авторах	347

ВВЕДЕНИЕ

Мастеру надо иметь ось, органическую, бесспорную, в себе...
Л.Д. Троицкий

Глубокоуважаемый читатель, Вы держите в руках весьма необычную книгу. Посвящена она предстоящему юбилею выдающегося российского ученого - психолога, философа, теоретика, методолога, историка психологии Владимира Александровича Мазилова. И необычность книги, конечно же, не в ней самой, а именно в юбиляре, которому она посвящена. Для начала хотелось бы внести некоторые пояснения относительно названия книги. Знакомые с творчеством юбиляра хорошо знают, что он никогда не скупится на лестные отзывы о коллегах - при чем речь может идти как о заслуженных и признанных классиках психологии, так и о тех, кто к этому почетному статусу только стремится. Вот лишь несколько типичных примеров.

«Маэстро учения, академик, императрица» - эти слова о Н.Ф. Талызиной.

«Последний титан» - эти слова о одном из учителей юбиляра - М.С. Роговине.

«Романтик и мечтатель в психологии» - этих слов удостоился друг юбиляра - В.А. Урываев.

«Человек на все времена» - это о еще одном из учителей - В.В. Новикове.

«Комета по имени Зубр» - так был охарактеризован один из авторов настоящего текста в преддверии своего юбилея.

Это лишь некоторые примеры, в которых юбиляр отдает дань уважения и признания тем, кто действительно его заслуживает. При этом каждый текст, озаглавленный порой весьма необычным образом, раскрывает суть заложенной в название метафоры. Оттого такие тексты и особо интересно читать.

Что же можно сказать о названии настоящей книги. Зная невероятную скромность юбиляра, авторы заранее убеждены, как его оценит юбиляр. Тем не менее, мы решили использовать в качестве заголовка наиболее подходящую характеристику личности и деятельности В.А. Мазилова, которая несет в себе и элементы метафоры, и элементы вполне заслуженной оценки всех тех качеств, которыми юбиляр обладает. Толковый словарь русского языка предлагают такую трактовку слова «мастер», согласно которой им является «специалист, достигший высокого искусства в своем деле». Стоит, наверное, только добавить, что искусство это носит выраженный *высочайший*, а не просто *высокий* характер. Если же посмотреть шире официальных трактовок, то мы увидим, что термин «мастер» используется для самых разных характеристик человека:

Мастер - человек, который вкладывает в свой труд смекалку, творчество, делающий предметы необычные и оригинальные, а также превосходно знающий свое ремесло.

Мастер - наставник начинающего рабочего конкретного ремесла.

Мастер - полноправный член цеха в Средние века.

Мастер - руководитель первичного производственного участка (бригадир).

Мастер - квалифицированный рабочий.

Мастер - уорэнт-офицер (на британском парусном флоте), отвечающий за все на корабле, касающееся морской практики: навигация, совместное плавание, лоцманское плавание, паруса, постанковка/съёмка с якоря и прочее.

Мастер - квалификационная ступень в спорте.

Мастер - ведущий ролевой игры и многое другое.

Нужно ли пояснять, что В.А. Мазиллов может быть с легкостью охарактеризован с использованием каждой из приведенных трактовок. Не будем утруждать читателя пояснением определений - используя воображение, не так и сложно вместе с авторами додумать их смысл. Главное же в них то, что юбиляр может быть охарактеризован не просто

каждым определением в отдельности, а вбирает в себя все их одновременно. Именно это многообразие личности, деятельности, жизненного пути юбиляра и позволило авторам взять на себя смелость выбрать такое название книги.

Правда смелость эта подкрепляется не только воображением авторов, но и теми оценками и добрыми словами, которые высказали в адрес юбиляра его друзья и коллеги. В следующем за этим текстом разделе книги своими оценками поделились те, с кем юбиляра свела судьба на разных этапах его жизненного пути. Ввиду этого мы хотели бы высказать слова особой благодарности и признательности за участие в подготовке настоящего издания А.Л. Журавлеву, В.Д. Шадрикову, Е.А. Белан, А.С. Берберян, Л.Г. Жедуновой, Т.С. Злотниковой, Е.В. Карповой, Е.Н. Корнеевой, А.А. Костригину, Н.М. Панковой, Ю.П. Поваренкову, В.П. Познякову, Н.Ю. Стояхиной. Дорогие коллеги, Ваши теплые слова в адрес юбиляра бесценны!!!

Конечно, не все читатели в полной мере знакомы с личностью и деятельностью В.А. Мазилова. Ввиду этого мы подготовили небольшой раздел, в котором представлены основные биографические сведения о нем.

Когда авторы настоящего введения планировали структуру книги, они предполагали самостоятельно описать основные этапы научного пути юбиляра и наиболее значимые его достижения. Однако по ходу подготовки ряд коллег решил не ограничиваться поздравительными текстами и прислал в наш адрес развернутые тексты, характеризующие многогранность творческой деятельности юбиляра. Ввиду этого в структуре издания была выделена самостоятельная первая глава, в которой и представлены эти тексты. Мы хотели бы высказать слова признательности авторам трех параграфов этой главы - С.Л. Ленькову, Н.Е. Рубцовой, Е.А. Рыльской и Т.В. Бугайчук. Каждый из этих текстов значительно отличается друг от друга - и по жанру, и по способу анализа творческой деятельности юбиляра. Оттого первая глава и заняла особое место в структуре книги.

Конечно, нельзя было обойтись и без систематического обзора научного пути юбиляра. Авторы введения подготовили вторую главу, в которой раскрыты основные результаты его научной деятельности - разработка проблем психологии мышления, теории и метода в психологии, проблем общей психологии, психологии образования, методологии и истории психологии. Правда необходимо специально отметить, что вторая глава ни в коей мере не претендует на сколь-нибудь полноценное описание всего многообразия научных интересов юбиляра.

Третья глава настоящего издания занимает особое место в его структуре. В нее вошли три интервью, взятые у юбиляра в разное время М.В. Базиковым и одним из авторов настоящего издания. Ценность первых двух интервью в том, что в них В.А. Мазиллов делится воспоминаниями о своих учителях и коллегах - Михаиле Семеновиче Роговине и Викторе Васильевиче Новикове. Уверены, читатель почерпнет немало новой и интересной информации о этих выдающихся отечественных психологах и организаторах науки. Третье же интервью было взято пять лет назад в преддверии предыдущего юбилея. Интересно оно прежде всего тем, что в нем были раскрыты и некоторые личные аспекты жизни юбиляра.

Заключительные главы издания (четвертая и пятая) носят справочно-библиографический характер и помогут читателю сориентироваться в многообразии научных интересов и достижений юбиляра.

Мы хотели бы еще раз поблагодарить всех, кто откликнулся на приглашение принять участие в подготовке издания. Дорогие коллеги, Ваше время и внимание к юбиляру бесценны. А самого юбиляра просим простить нам некоторую вольность, допущенную как в заголовке книги, так и в названиях некоторых глав.

В.В. Козлов, kozlov@zi-kozlov.ru

Ю.Н. Сленко, slenko@inbox.ru

МАСТЕРСТВО ВЕЗДЕ В ПОЧЕТЕ

Об истоках взаимодействия с профессором В.А. Мазилковым (поздравление с юбилеем)

Когда поздравляют юбиляров, нередко начинают с того, что вспоминают о времени первой встречи с ними. В этом я не буду оригинальным и с большим удовольствием скажу, что впервые я увидел Володю Мазилова в октябре 1973 года. Если оценивать прошедший период, опираясь на мою память и представления, то было это не так давно, но, если иметь в виду физическое измерение времени, то прошло более 50 лет.

В тот период Владимир приступил к учебе на третьем курсе факультета психологии Ярославского госуниверситета, а я работал ассистентом кафедры общей психологии того же университета, преподавая курс «Общей психологии» соответствующих разделов – психологии личности и индивидуальности. Впервые я увидел студента Мазилова в «психологическом деле» на семинарских занятиях по данной дисциплине. Обычно он сидел тихо, не проявляя инициативу и не включаясь в разговоры по обсуждавшимся вопросам. Однажды же, когда сложилась «тупиковая» ситуация с ответом на один из довольно сложных рассматривавшихся вопросов, я обратился к студентам группы с просьбой, чтобы кто-нибудь из них ответил на соответствующий вопрос. И в этой ситуации Володя оказался единственным студентом, кто добровольно вызвался предложить ответ. Он говорил негромко, при этом излагал свои мысли очень четко и развернуто. Я сразу же обратил внимание не столько на то, о чем он говорил (суть ответа была верной), сколько на его манеру рассуждать, аргументировать и убедительно излагать.

За короткий период времени я неоднократно убеждался в том, что Володя Мазилков всегда был хорошо подготовлен к занятиям, к разнообразным обсуждениям рассматривавшихся вопросов. Я редко просил его подключаться к общей работе на

семинарах, а обычно обращался к нему в сложных для группы ситуациях, при этом он надежно выручал свою группу.

Довольно быстро прошел 1973-74 учебный год. Наступило время экзаменационной сессии в июне 1974 года. Подходила вторая, за период моей работы в ЯрГУ, летняя экзаменационная сессия. Понятно, что я по-прежнему переживал за уровень освоения студентами содержания моей дисциплины, так как на факультете психологии считалось, что второй набор студентов 1971 года, в целом, был несколько слабее первого набора 1970 года.

За день до предстоявшего экзамена состоялась намеченная консультация. На нее собралось довольно много студентов, которые задавали большое число вопросов. Я хорошо понимал, что в эту сессию «Общая психология» была для них главной дисциплиной, поэтому естественным было их желание сдать экзамен нормально, получив хорошие и отличные оценки. Наше взаимодействие, по-моему, характеризовалось слегка напряженной, конечно, сосредоточенной на экзамене атмосферой. Я обратил внимание на то, что вопросы мне задавались несложные, самые обычные, чаще всего уточнявшие то или иное содержание курса, ответы на которые в достаточной мере были представлены в моих лекциях, на семинарских и практических занятиях. Помню, что меня это несколько настораживало...

По завершению консультации ко мне подошел Владимир Мазилев и задал мне какой-то очередной вопрос, на который последовал мой ответ. Сам вопрос я совсем не помню, но хорошо запомнил другое. Воспользовавшись ситуацией, в свою очередь, я обратился к нему: «Отчего студенты вашего курса так подробно спрашивали меня о том, о чем говорилось в течение года на разных формах занятий?». Он ответил так, что меня это вполне устроило.

В процессе этого разговора мы вышли из здания факультета на Советскую улицу, и я предложил ему пройти пешком через Красную площадь по улице Октября в сторону корпуса моего

общезития. Как-то непроизвольно получилось так, что я стал его спрашивать о представлениях студентов его курса по самым разным вопросам, имевшим отношение к моей дисциплине и интересовавшим меня, хотя в разной степени. Совсем не по какому-то моему замыслу, но Володя Мазиллов стал «ответственным», в моих глазах, за уровень подготовки всего своего курса. Через короткое время я легко обнаружил, что он очень толково, рассудительно и адекватно отвечал на все мои вопросы. После этого я стал их усложнять, но результат был тем же – глубокое понимание их сути, уместные рассуждения, сопоставление разных точек зрения. Мазиллов демонстрировал великолепное владение материалом, причем по большому числу тем, самых разнородных, из разных частей моего курса. При этом содержательные ответы следовали без всякой предварительной подготовки! Об этом я задумывался, полагаясь на свой прошлый индивидуальный опыт сдачи экзаменов и зачетов, когда я предпочитал получить время, хотя бы даже короткое, для подготовки ответа по той или иной теме.

В полной мере я убедился в бессмысленности проведения с ним завтрашнего экзаменационного испытания. Практически, мне не о чем было далее спрашивать, экзамен превратился бы в чистую формальность, а мне в принципе не хотелось этим заниматься. Поэтому я принял решение, что наш стихийно сложившийся разговор следует считать настоящим экзаменом. Об этом решении я тут же объявил В. Мазиллову. Внешне он не отреагировал «никак». Я попросил его назавтра прийти на экзамен, чтобы я смог поставить ему отличную оценку в официальную ведомость и его зачетную книжку. На следующий день все произошло так, как мы договорились. В моей многолетней истории преподавательской деятельности такой случай был единственным! Несколько раз я делал попытки повторить такое, но в конечном счете это у меня не получалось по самым разным причинам.

Я навсегда остался доволен тем, что такой случай в моей практике имел место, причем с таким талантливым студентом,

как В. Мазиллов – будущим известным профессионалом-психологом.

В июне 1974 года я, конечно, совсем не представлял, продолжится ли в будущем наше с Мазилловым взаимодействие, а оно, как оказалось, не просто сохранилось на долгий период, но и сопровождало очень значимые для нас, даже знаковые, профессиональные жизненные события. Мне очень хочется вспомнить о некоторых из них. Во-первых, в период подготовки В.А. Мазилова к защите докторской диссертации в 1999 году, он обратился ко мне за дополнительной научной экспертизой его работы в форме неофициального отзыва на автореферат докторской диссертации. Будучи в тот период кандидатом наук, я сделал это с огромным удовольствием и гордостью за успехи одного из лучших бывших студентов факультета психологии ЯрГУ. Защита его докторской диссертации, естественно, прошла блестяще!

Во-вторых, работая главным редактором «Психологического журнала» с 2003 г. по настоящее время, я регулярно заказывал профессору В.А. Мазиллову подготовку ответственных статей, посвященных юбилеям выдающихся ученых. Владимир Александрович всегда принимал такие заказы, выполняя их в срок и очень профессионально. Буквально за последние три года на страницах «ПЖ» были опубликованы его интереснейшие работы к 200-летию К.Д. Ушинского, 100-летию М.С. Роговина, 65-летию В.Н. Дружинина и др. К этим публикациям необходимо прибавить его статьи о крупных ученых в электронных журналах ИП РАН – К.К. Платонове, Н.А. Соколове (совместно с Ю.Н. Слепко).

В-третьих, в июне 2020 года в Институте психологии РАН заседала комиссия по присуждению Премии им. С.Л. Рубинштейна, которая является самой высокой наградой за достижения в области психологической науки. Премия учреждена Президиумом Российской Академии наук и по ее регламенту присуждается один раз в три года. Она была единогласно присуждена профессору В.А. Мазиллову за

выдающийся вклад в методологию и историю современной психологии. Это событие состоялось ровно через 46 лет после описанного выше экзамена по «Общей психологии». Состав комиссии из 9 человек включал только академиков и членов-корреспондентов РАН и РАО. Интересно то, что в обсуждении и принятии решения по этому вопросу принимал участие академик РАО В.Д. Шадриков – бывший преподаватель и декан факультета психологии ЯрГУ в период обучения студента В. Мазилова. Все это не случайно, а закономерно!

Многочисленные и многообразные формы нашего сотрудничества можно было бы описывать и далее. Однако, по моему, уже сказанного достаточно, чтобы назвать профессора В.А. Мазилова выдающимся специалистом прежде всего в таких отраслях, как методология психологии и история психологии – важнейших для развития современной психологической науки.

Владимир Александрович стал также известным научным экспертом в психологии, реализуя продолжительный период экспертные функции в самых разных формах. Он на высоком профессиональном уровне занимается образовательной и воспитательной деятельностью, посвящает свое время выполнению важнейшей издательской деятельности. Очень сильной стороной его исследовательской работы является поиск и раскрытие исторических корней Ярославской психологической школы. Помня и описывая истоки своей научной школы, он обеспечивает ей развитие и достойное будущее!

Дорогой Владимир Александрович! С замечательным Вас юбилеем!

*Журавлев Анатолий Лактионович
академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
научный руководитель Института психологии РАН, г. Москва
5-6 февраля 2024 г.*

Теория развития человека в трудах В.А. Мазилова

В.А. Мазиллов является известным психологом, опубликовавшим более 1000 работ по различным проблемам развития человека. Спектр этих работ достаточно различен, но все они относятся к одной теме. В исследованиях большое внимание уделяется методологическим проблемам психологии. Это очень важно подчеркнуть, так как неопределившемуся с методологией и методом исследования «не бывает попутного ветра» (Сенека). Он начинает рассматривать методологию исследования с феноменологического уровня, утверждая, «что в нем реально определяются потенциальные пространства психической реальности» (Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002. С. 9.). Далее эта проблема расчленяется на отдельные явления и завершается переходом на теоретический уровень объяснения наблюдаемых явлений. «На теоретическом уровне психическое становится психологическим» (там же, с. 10). Феноменологический и теоретический уровни связаны с методологическим уровнем, которые и определяют отношение к ним. «Именно методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследование психического, определяет способы объяснения» (там же, с. 11).

В.А. Мазиллов выступает как один из авторов коммуникативной методологии.

Разобравшись с проблемами методологии, В.А. Мазиллов вносит существенный вклад в психологию мышления. Он, прежде всего, определяет роль мышления в структуре психологического знания. В последнее время В.А. Мазиллов обращается к новой фундаментальной проблеме - отношению мысли и мышления, которое неправомерно забыто в отечественной и зарубежной психологии.

Рассматривая всю сложность проблем, которыми занимается В.А. Мазиллов, задаешься вопросом: «Каковы источники этой

активности?» Я бы ответил на этот вопрос так: он всегда сочетал теорию с педагогической практикой. Будучи по образованию «чистым» психологом, он много времени работал на кафедре психологии и педагогики. Был доцентом кафедры педагогики и психологии, деканом факультета начальных классов. Именно это единство педагогики и психологии позволило В.А. Мазилу поставить ряд проблем совершенства образования на основе психологического знания.

В жизни В.А. Мазилу характеризует как добрый, креативный, всегда стремящийся к сотрудничеству человек.

Пожелаем ему долгих лет творческой работы, семейного благополучия верных учеников.

Шадриков Владимир Дмитриевич

доктор психологических наук, профессор, академик РАО, г. Москва

Некоторые методологические размышления о «психологии будущего»

Среди научного сообщества особое место всегда принадлежало ученым, чья мысль поднималась до высших уровней обобщения, позволяющих не только охватить целостную картину становления и развития науки в целом, но и проникнуть в суть организующих принципов, фундирующих генезис научного знания.

Таков Владимир Александрович Мазилов – ученый, методолог, психолог, мыслитель.

Данный текст, несмотря на несколько пафосное название, не претендует на серьезную научную рефлексию. Здесь, скорее, хотелось поделиться теми мыслями, которые возникают при чтении трудов В.А. Мазилова.

Отправной точкой, выступающей предпосылкой методологических построений в работах В.А. Мазилова, является факт методологического кризиса в психологии, который просматривается в том, что на протяжении достаточно длительного периода «интерес к теории неуклонно падал. Вместе с тем, стремительно росло желание заниматься практическими вопросами» [Мазилов, 2022]. Неуклонное снижение интереса психологов к методологическим и теоретическим проблемам сопровождалось в том числе и «падением интереса к психологии, снижением общественных ожиданий от психологической науки, падением престижа научной психологии, а также усилением конкуренции со стороны нейронаук и когнитивных наук» [Мазилов, 2023].

В.А. Мазилов не сомневается, что кризис в психологии «имеет методологический характер» [Мазилов, 2022], протекает длительно и непродуктивно, и к настоящему времени «так и не был преодолен» [Мазилов, 2022]. Интересен тот факт, что методологический кризис продолжает развиваться на фоне разрастания тематики эмпирических исследований: современная психология «продолжает множить

альтернативные подходы к исследованию психических явлений» [Мазиллов, 2022]. Однако не происходит главного – «накопления, обобщения, интеграции добытого знания» [Мазиллов, 2022], т.е. прогресса психологии как науки. На этом основании В.А. Мазиллов справедливо делает вывод «о больших проблемах с идентичностью психологии как науки, ибо де-факто отмеченные тенденции свидетельствуют о постепенной утрате психологией статуса фундаментальной науки» [Мазиллов, 2022]. Эта мысль подкрепляется мнением других ученых, в частности, В.Ф. Петренко, который видит в психологии «конгломерат наук о человеке» [Петренко, 2009]. Утрата психологии как целостной фундаментальной науки, однако, не решит существующих методологических проблем, и принесение в жертву (пусть даже пока гипотетического) единства системного психологического знания – недопустимое и неразумное действие.

В своих работах Владимир Александрович предлагает последовательное и планомерное решение методологического кризиса в психологии. Остановимся на некоторых важных, в нашей точки зрения, идеях.

1. Идея уточнения предмета психологии, его онтологического статуса.

В.А. Мазиллов однозначно определяет причину методологических проблем психологии – он пишет: «суть кризиса состоит в неадекватном определении предмета психологии» [Мазиллов, 2023]. Не углубляясь в детали (их можно уточнить в работах Владимира Александровича [Мазиллов, 2008; Мазиллов, 2022 и др.]), сконцентрируемся на принципиальном, на наш взгляд, постулате: «Предмет психологии должен быть сконструирован не узко-аналитическим способом, а синтетическим» [Мазиллов, 2022].

Для понимания этой мысли необходимо вспомнить о кантовском учении об аналитических и синтетических суждениях, изложенном им в «Критике чистого разума» [Кант, 2006]. По мнению И. Канта, синтетические суждения являются

подлинной целью всех наук, поскольку не просто расширяют наши познавательные возможности, но и зависят от отношения субъекта и предиката. В отличие от аналитических суждений, истинность синтетических суждений не определяется логической формой, а оценивается через внутреннюю логику объективной (апостериорные синтетические суждения) или субъективной (априорные синтетические суждения) реальности. Только априорные синтетические суждения достоверны [Кант, 2006].

Тем самым, правила познания не задаются субъектом эмпирически, а «встроены» в познающий разум априори. Соответственно, если предмет психологии должен быть определен синтетически, то он должен быть соотнесен с внутренней логикой самого субъекта, т.е. быть его внутренним миром.

Поэтому полностью соглашусь с высказыванием Владимира Александровича: «Внутренний мир охватывает все пространство психической жизни человека, поэтому представляет собой совокупный предмет общей психологии человека» [Мазилев, 2022]. Единство внутреннего мира человека очевидно и несомненно. Однако, «в него входят составляющие, имеющие различную природу и происхождение» [Мазилев, 2022]. Так, согласно В.Д. Шадрикову, функционирование внутреннего мира человека обеспечивается индивидуальным, субъектным и личностными уровнями [Шадриков, 2006; Шадриков, 2022].

Тем самым, в предмет психологии должны быть с необходимостью включены процессы, результаты, психические свойства человека и его субъективные качества, т.е. «... внутренний мир человека, его субъективный мир» [Шадриков, 2022]. Не случайно Г.В.Ф. Гегель, описывая свою систему саморазвития Абсолютного идеи, определил психологию в стадию развития субъективного духа [Гегель, 1977], подчеркнув тем самым не только внешнюю, но и внутреннюю определенность активности познающего во взаимодействии с окружающим миром.

Отметим, что понятие внутреннего мира все же не равно понятию субъективной реальности. К примеру, общеизвестные правила поведения, усвоенные человеком в процессе социализации, вполне объективны (хоть и носят идеальный характер) – однако эти правила встраиваются в систему внутреннего мира, «обрастают» субъективными мнениями, эмоциями, отношениями, жизненным опытом, и становятся (или не становятся) регуляторами индивидуального поведения. В мысли же, как в «потребностно-эмоционально-информационной субстанции» присутствует единство идеального и материального [Шадриков, 2022]. В силу этого, внутренний мир человека одновременно и соотнесен с субъектом, и независим от него, т.е. психическое оказывается встроенным в систему базовых философских категорий, чем и доказывается его онтологический статус.

2. Идея необходимости философии психологии как методологического базиса построения науки.

Определяя зону ближайшего развития психологической науки, В.А. Мазиллов высказывает идею построения философии психологии, которая «должна обеспечивать «вписывание» психического в научную картину мира» [Мазиллов, 2023]. Искусственное размежевание философии и психологии (это, впрочем, относится и к другим наукам) ничего хорошего психологии в научном плане не принесло. Дистанцирование от логико-исторических принципов построения научного познания привело к излишнему увлечению эмпирическими фактами и, как следствие – к преобладанию индуктивно или вероятностно-статистически обоснованных выводов (т.е., к невозможности логического обобщения), а также к недостатку сущностной логической аргументации и интерпретации материалов психологических исследований. Можно заключить, что в психологии при разработанности требований к деталям эмпирического исследования остаются слабо разработанными (или же не унифицированными) требования к построению психологических теорий.

Между тем, в методологической системе должны с необходимостью присутствовать принципы и способы «организации и построения теоретической и практической деятельности» [Философский..., 1989]. Эту задачу, по аналогии с наукоучением И.Г. Фихте [Фихте, 2000], следует реализовать посредством философии психологии, которая «должна обеспечивать интеграцию различных потоков психологического знания» [Мазилов, 2023].

Система философии психологии должна учитывать и многоуровневость психологического знания: «первый уровень – знание на уровне идеи; второй уровень – знание предметное (на этом уровне идея прорабатывается, явление подвергается исследованию, выявляются структура, функция, процессуальные характеристики, генезис, уровни. Это уровень концептуализированного знания); третий уровень – операциональный. На этом уровне определяются процедуры, позволяющие воспроизводить явление, измерять, модифицировать и т.д.» [Мазилов, 2023].

Тем самым, философия психологии обеспечит методологический «каркас», архитектуру психологии как единого системного знания о внутреннем мире человека.

3. Идея коммуникативной методологии как организующего принципа психологии.

Коммуникативная методология включает систему принципов, методов и процедур, позволяющих приводить психологическое знание к единым философско-эпистемологическим основаниям. В более широком смысле к коммуникативной методологии можно отнести и концепции интегративной методологии [Козлов, 2017; Мазилов, 2008], методологию и теорию реализации комплексных и междисциплинарных исследований в психологии [Мазилов, 2017], методологический аппарат, позволяющий производить соотнесение психологических теорий [Мазилов, 2017].

Процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией [Мазилов, 2020] позволяют минимизировать

«мультивариативность концептуального наполнения» [Мазиллов, 2021] психологии и реализовать «тезис о соизмеримости психологических теорий» [Мазиллов, 2013; Мазиллов, 2020].

Важнейшую идею коммуникативной методологии, на наш взгляд, выражает следующий постулат: «методологические понятия необходимо рассматривать в их взаимосвязи, в общем контексте, задаваемом структурой психологического исследования» [Мазиллов, 2021].

Здесь уместно вспомнить о диалектическом методе, разработанном Г.В.Ф. Гегелем [Гегель, 1977; Гегель, 1990]. Сущность этого метода – в отражении реальных связей, фактически формирующихся, существующих и развивающихся в становящемся действительном бытии. Исходное тождество бытия и мышления (Абсолютная идея) через взгляд извне, отчуждение себя в физической Природе (материальная, фактическая объективация), восходит к себе как к абсолютному бытию истины (Абсолютный дух). Разумное при этом составляет субстанциональную первооснову мира, пока еще скрытую в себе, но впоследствии, раскрываясь для себя как понятие, приобретает целостность действительности (вот поэтому «все действительное разумно, и все разумное – действительно» [Гегель, 1990]). То есть, разумное начало интенционально любому развитию, любому действительному факту, независимо от того, скрыто ли оно (имплицитно), находится в стадии экспликации, или завершено в логическом понятии.

В.А. Мазиллов вводит понятие предтеории – сложного ментального образования, компоненты которого исследователем «не формулируются и очень часто вообще не осознаются» [Мазиллов, 2021], основывающегося на использовании «латентных психологических знаний, которыми располагает исследователь» [Мазиллов, 2021]. То есть предтеория – это психологическое знание «в-себе», идея. Идея-предтеория, реализуемая вовне – в собственно научном

исследовании, с необходимостью получает многообразие непосредственной предметности, которое и приводит к методологической путанице. В силу этого, предтеория не может стать полноценной теорией, т.е. не может стать «для-себя» тем, чем мыслилась изначально. Получается множество частных теорий: используя терминологию Гегеля – фаза синтеза не завершается, абсолютное единство не достигается.

Соответственно, предлагаемое В.А. Мазиловым в качестве метода сопоставление компонентов предтеории, вне сомнения, будет способствовать логическому развёртыванию научного исследования как системы и позволит избежать ненужного умножения сущности психологического знания.

Завершая свои размышления, вспомню вот о чем. История культуры знает немало примеров, когда мыслитель (философ, художник, композитор, писатель) в своем творчестве опережает свое время. Так, например, гениальнейший немецкий композитор 19 в. Рихард Вагнер называл свои творения «музыкой будущего» (с этим приходится согласиться, поскольку до сих пор значение Р. Вагнера для западноевропейской – да и общечеловеческой – культуры еще не полностью оценено и определено).

Думаю, вправе высказать аналогию, что Владимир Александрович Мазилев пишет о «психологии будущего» – о той психологии, к которой всем неравнодушным к судьбе науки ученым хотелось бы принадлежать: фундаментальной науке, с едиными объяснительными принципами, выстроенной методологией, полноценно определенным предметом.

В любом случае, значение системообразующих для фундаментальной психологии идей, представленных в научном творчестве Владимира Александровича Мазилова, нам еще предстоит осмыслить.

*Белан Елена Альбертовна
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры философии, теологии и религиоведения
Кубанского государственного университета, г. Краснодар*

Мазилев В.А. - ученый, психолог, педагог, активный проводник международного сотрудничества ученых России и Армении

Мазилев В.А. - ученый, психолог, педагог, известность которого вышла далеко за пределы российской науки. Он - настоящий Учитель и Наставник для сотен и сотен студентов-психологов и для тех, кому он читает лекции в России и Армении.

Он входит в плеяду ученых-исследователей, которые создают теоретико-методологическую конструкцию российской психологической науки и организывает образовательное пространство психологии как области профессиональной подготовки специалистов не только в России, но и в Армении. В истории психологической науки он, прежде всего, известен работами в области методологии психологии, психологии образования.

Общительность и незаурядные личностные качества позволяют Владимиру Александровичу, человеку широких взглядов и интересов, «быть своим» не только в российской психологической среде, но и в среде армянских коллег, что способствует объединению профессиональных интересов психологов разных направлений и школ разных стран. Он желанный гость на конференциях армянских университетов, причем тематика этих конференций часто не узкопрофессиональная, а имеет междисциплинарный характер и большое социально-психологическое значение.

Научное творчество Владимира Александровича Мазилова

Сфера научных интересов В.А. Мазилова разнообразна: он и специалист в области методологии психологии, и истории и философии психологии, и общей психологии. Автор известен своими многочисленными публикациями по известной концепции коммуникативной методологии

психологической науки (2001), направленной на установление взаимопонимания между различными психологическими школами и направлениями. Им предложена методология и технология интеграции психологического знания (2004), он является автором направления «поэтической психологии» (2004), активно занимается разработкой общей (интегративной) теории методологии (2007, 2008). Мазилев В.А. имеет более 500 публикаций, в том числе десять монографий и дюжину учебников и учебных пособий, которые имели широкий отклик в профессиональном сообществе и стимулировали развитие идей в научных работах: диссертациях, научных статьях, монографиях, его научные идеи были отражены в многочисленных дискуссиях на научных семинарах, на страницах психологических журналов. Более того, обсуждению его идей была посвящена специальная книга, что бывает не часто. Он действительный член Международной Академии Психологических Наук. Им подготовлен учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «История психологии» для студентов направления «Психология», Учебно-методический комплекс по дисциплине «Методологические основы психологии» для студентов направления «Психология» (совместно со Слепко Ю.), *Общая психология: учебник для академического бакалавриата*. - М.: Издательство Юрайт, 2015. - 411 с. (совместно с Шадриковым В.Д.). Мазилев В.А. - эксперт РГНФ, РФФИ и РНФ, член Этического комитета Российского психологического общества.

Масштабу его личности соответствует тематический разброс исследуемых проблем. Будучи заведующим кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, профессором, он всегда неравнодушно относится к вопросам профессионального стандарта, профессиональной этики, подготовки и повышения квалификации психологов, психолого-педагогического анализа педагогического опыта, психологии педагогического общения, психологии творческого

мышления, практической психологии, методики преподавания психологии, психологии личности и личностного роста и др., отстаивая право психолога на широкий спектр исследовательских возможностей, творческого подхода и развития.

Мазилев В.А. принимает активное участие в научных дискуссиях, связанных с одной из ключевых тем его научного творчества: «Предмет психологии в XXI столетии». В статье: «Психология: становление наукой» В.А. Мазилев подвергает сомнению традиционный вывод, согласно которому психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX столетия. Он высказывает тезис, что психология еще не стала самостоятельной наукой. Он считает, что эта цель еще не достигнута. В статье он анализирует условия и первые шаги на этом пути.

Дискуссия по проблеме предмета была очень своевременна, автором обосновываются основные признаки методологического неблагополучия (падение престижа научной психологии; продолжающийся методологический кризис; угроза исчезновения психологии как фундаментальной науки и замена ее «конгломератом наук о человеке»; кризис репликации). Автор логично и последовательно делает вывод о том, что причиной указанных негативных явлений в психологической науке является недостаточное внимание к проблеме предмета психологии в контексте перманентного методологического кризиса.

В.А. Мазилев убедительно утверждает, что в современной психологии необходим подход - рассматривать нужно совокупный предмет. Другая важнейшая причина, по мысли автора, состоит в том, что современная психология по-прежнему недооценивает роль методологии. Предмет науки - центральное понятие в структуре методологии, поэтому конструкт «предмет» должен выполнять определенные функции и отвечать определенным требованиям. В связи с этим утверждением совершенно ясно, что далеко не любое широкое

понятие может конструктивно выполнить роль предмета психологии. На примере категории сознания показано, почему сознание не стоит использовать в качестве предмета. Предложена трактовка в качестве предмета психологии внутренний мир человека. Начало дискуссии, открытой Мазиловым, является продуктивным, содержательным, оригинальным и новым.

Другая грань таланта В.А. Мазилова - ученого - разрушать стереотипы. Он считает, что тиражируются устаревшие взгляды на проблему объяснения, которые препятствуют развертыванию научных исследований и дальнейшему продвижению в разработке теории объяснения. В.А. Мазилов отмечает несоразмерность значения проблемы объяснения в психологии и количества исследований, направленных на ее решение, утверждая, что необходимо выявить стереотипы, мешающие построению современной концепции объяснения. Владимир Александрович показал, что неудовлетворительное решение этих вопросов связано с ограниченным пониманием самого объяснения: оно трактуется исключительно как причинно-следственное, другие виды в методологических построениях практически не используются; в теории объяснения применяется конструкт «сознание», который рассматривается отдельно от конструкта «поведение»; неправоммерно постулируется изоморфизм сознательных и физиологических процессов. Им формулируются положения, которые необходимо соблюсти для того, чтобы разработка современной концепции объяснения в психологии, отвечающей задачам сегодняшнего дня, стала возможной. Владимир Александрович обосновал эти положения: «во-первых, необходимо включить объяснение в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты (например, в схему структуры психологического исследования). Во-вторых, необходимо признание множественности видов объяснения, нужно отказаться от монополии причинного объяснения. В-третьих, новая концепция объяснения потребует новой

трактовки предмета психологии (модель, использованная Ж. Пиаже, представляется неудовлетворительной). В-четвертых, необходим отказ от концепции психофизического параллелизма, поскольку лежащее в основе положение об изоморфизме физиологических и психологических структур никак не обосновано. Заметим, что реально у Пиаже речь идет об изоморфизме логики и физиологии (на эту подмену мы уже обращали внимание). В-пятых, необходим перенос объяснения в структуру предмета». Мазиллов по крупицам, словно под микроскопом, рассматривает отдельные аспекты методологической науки, показывая и доказывая несостоятельность устаревших взглядов, стереотипных мнений.

Оптимистично звучат слова великодушного оптимиста Владимира Александровича, абсолютно в его духе: «Будущее психологии светло и прекрасно... Психология - несомненно, фундаментальная наука. И наука будущего тоже. И она таковой станет, когда будут выполнены некоторые условия. О некоторых из них будет сказано в тексте настоящей статьи.

Прогресс, связанный, в первую очередь, с тем, что становится все более понятно: развитие психологии происходит закономерно, от простых одномерных моделей психического к все более сложным, более адекватно отражающим специфику психической реальности. В свете такой перспективы пройденный психологией путь не воспринимается случайным, он отмечен вехами значимых достижений, отрицать которые было бы неправильно. Психология как самостоятельная наука очень молода, ее становление как научной дисциплины еще не завершилось, она несомненно станет фундаментальной наукой. Можно полагать, это время приближается».

Мазилов - основатель нового подхода в методологии психологической науки

В конце 2017 года вышла из печати книга «Методология психологической науки: история и современность» (Ярославль, изд-во ЯГПУ, 2017. 419 с., Рецензенты: член-корреспондент РАО Г.В. Залевский, Доктор психологических наук, профессор В.А. Янчук). Поскольку работ по методологии в последнее время выходит не так уж мало, событие это, по всей вероятности, не привлекло бы к себе значительного внимания: появилось еще одно издание по проблемам методологии. Правда, оценка несколько меняется, если учесть очень точное замечание академика РАО В.Д. Шадрикова из предисловия к упомянутой книге, согласно которому «очень важно подчеркнуть, что стоит различать методологию психологии как учебный предмет (большинство литературы по методологии составляют учебные пособия и учебники, излагающие методологические положения) и методологические исследования и разработки, в которых методология получает дальнейшее развитие. Данная монография, безусловно, относится к классу методологических исследований, немногочисленных в отечественной психологии, но тем более значимых». И если прислушаться к этому мнению, то можно изменить оценку: для методологии это событие значимое.

Поэтому выход данной монографии можно полагать важным событием: значимость данной монографии - в содействии возможных изменений установок психологов относительно актуальных фундаментальных проблем истории и теории психологии, так как многие методологические проблемы психологии порождены неопределенностью самой главной - понимания предмета психологии, если перефразировать классика, в особенности новейшей психологии.

Исследования автора, как он неоднократно подчеркивает, продолжают традиции отечественной психологии в разработке методологии на исторической основе, заложенные Н.Н. Ланге,

В.Н. Ивановским, Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном, впоследствии продолженные в методологических работах известных ученых (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, М.С. Роговин, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Д.И. Фельдштейн, М.Г. Ярошевский и др.).

Заслуживает внимания следующее: книга подводит итог двадцатилетним размышлениям автора по поводу методологии психологической науки. Программа методологических изысканий была намечена автором еще в 1997 году, сегодня основные задачи этой программы решены, могут быть подведены предварительные итоги.

Методологические исследования автора направлены в первую очередь на осмысление исторического пути психологии и, главное, на выяснение ее ближайших перспектив. Хотелось бы подчеркнуть - размышления автора важны не сами по себе, но мотивированы переживаниями за судьбу психологической науки. Подкупает авторская убежденность, что психология фундаментальная наука, нынешние трудности в ее развитии временны, а будущее ее светло и прекрасно: тогда сбудутся предсказания и прогнозы мыслителей и больших психологов о предстоящей «психозойской эре», «веке психологии», а сама эта наука о «возвышенном и удивительном» (Аристотель) займет достойное место в структуре научного знания.

Автор подчеркивает, что, обсуждая методологические вопросы, мы должны иметь в виду в первую очередь не утилитарное использование методологического знания - это очевидно и тривиально - а речь должна идти о сверхзадаче, миссии методологии и ее роли в сегодняшней системе психологического знания. Психология как наука, как считает автор, чрезвычайно далека от финальности, от завершенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел - только мелкие доработки». Рассуждения Мазилова

о незавершенности психологии как науки, о том, что процесс развития идет полным ходом и никто не может поручиться, что психология через пару-тройку десятков лет не изменится кардинальным образом, вполне убедительны. Автор, на основе учета перманентного характера кризиса в психологической науке, длящегося уже в течение целых полутора столетий, не исключает возможность того, что путь психологии оказался не самым удачным. На основе собственного видения того, что методология на исторической основе может подсказать, где были точки выбора, в чем именно состоял методологический выбор (если придется менять курс, то желательно делать это не вслепую), автору представляется удивительным, сколько неявных методологических предписаний сохраняется в психологии сегодняшнего дня с давних времен. Направленная их экспликация без методологии тоже весьма затруднена. Позиция Мазилова состоит в том, что научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Исходя из сложности предмета ставится задача поиска адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления, так как пока психология, по мысли автора, лишь подражала естественным и герменевтическим наукам. Перспективность изучения методологии психологии - в обнаружении и верификации новых средств исследования. Нить рассуждений приводит автора к осознанию уникальности предмета и поиска своего пути. Отсюда специальные требования к современной методологии. Приведем эти авторские рассуждения.

«1. Методология должна быть методологией «снизу». Методологию «сверху» мы слишком хорошо знаем. Такой была традиционная официальная советская методология, аподиктический (предписывающий) характер которой представители старшего поколения хорошо помнят. Философским уровнем методологии выступала философия диалектического и исторического материализма. Методология предписывала, как она должна действовать. Психологии

оставалось лишь комментировать и конкретизировать принципы. По нашему мнению, методологические положения должны идти от самой психологии, от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки.

2. Методология должна быть на исторической основе. Собственно, здесь ничего нового нет. Традиция, заложенная в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, М.Г. Ярошевского, продолжается в отечественной науке многими современными авторами. Современная методология должна следовать этой традиции.

3. Мы не разделяем позиции, согласно которой руководством к созданию методологии психологии должны явиться положения философии и методологии науки. Как будет показано в тексте настоящей книги, есть основания полагать, что положения, разработанные философией науки на материале естественных дисциплин, не учитывают своеобразия психологии и специфики ее предмета, по уровню сложности своего устройства намного превосходящие предметы естественных наук. Вот почему, решая психологические вопросы, мы не можем абстрагироваться от трактовки предмета психологии. Относясь к философии и, особенно, эпистемологии науки с величайшим почтением, отметим, что основоположения этих дисциплин к психологии имеют слабое приложение.

4. Представляется, что это должна быть методология, нацеленная на интеграцию».

Интеграция - чрезвычайно важное понятие в методологии автора. В.А. Мазиллов предупреждает, что речь вовсе не идет о разработке единой супертеории, которая бы все объяснила. Об этом говорил в свое время К. Юнг - время обобщающих универсальных теорий еще не пришло. Да и за прошедшие десятилетия ситуация мало изменилась. Автор не предлагает выстроить единую методологию - возможно много различных методологических подходов: речь идет лишь о том, чтобы определить, как они будут сосуществовать. Автор предлагает

идею установления отношений между подходами, некоторого взаимопонимания между ними. По его глубокому убеждению, главное, чего не хватает нашей психологии, это воли к взаимопониманию и собственно взаимопонимания.

Несоизмеримость теорий применительно к психологии не доказана. В книге отстаивается мысль, что возможен - и он предлагается - методологический аппарат, позволяющий «соотносить различные концепции и подходы».

Во-первых, автор отвергает декларативный характер подхода к интеграции. Сознательные устремления психологов к интеграции важны, что, безусловно, позитивно, но без наличия соответствующих механизмов обеспечить интеграцию просто не в силах.

Во-вторых, обращается внимание на то, что интеграция как объединение (и сообщества, и научного знания) представляет собой ценность, но это весьма далекая (если вообще достижимая) перспектива.

В-третьих, на этом пути масса трудностей, как объективных, так и субъективных. И их необходимо преодолеть.

Вместе с тем, в психологии накоплен колоссальный массив информации, богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. «Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию. Подчеркнем, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация: методология должна предложить средства, способствующие такого рода упорядочению знания».

Не станем пересказывать содержание всей монографии и отдельно каждой из глав: дробление и мозаичное представление фрагментов может привести к потере цельности, единой картины современной методологии психологии. Для обеспечения единообразия и достоверности исходных данных,

которые автор переосмысливает как в теоретическом плане, так и при интерпретации на уровне конкретных научных теорий, попытаемся дать общие соображения и размышления по поводу выдвинутых автором положений.

Определение методологии и методов исследования - это основной исходный элемент любой научной работы. Л.С. Выготский обозначил стратегию в изучении методологии:

«Нужна методология, т.е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» (Выготский, 1982, с. 419), однако сам Выготский разработать концепцию методологии не успел. В.А. Мазилев в отношении методологии придерживается и следует определенному подходу: методология должна представлять собой набор, совокупность определенных положений (в том числе и существенно различных), приложимых в различных случаях и по различным поводам.

Логика изложения строго подчиняется логике осмысления основных методологических положений. Вначале автор обсуждает проблему мотивации изучения методологии. Он не ставит перед собой цель осветить традиционные задачи, которые должна решать любая версия методологии психологии. Он опирается на подход, представляющий методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, С. 359).

Подчеркнем одну принципиальную для книги мысль: все рассуждения приводят к одному выводу - психология не похожа на другие науки, поэтому у нее свой путь. Анализ любой методологической проблемы проводит к проблеме предмета. По мере чтения книги становится ясно, что центральный пункт методологии сегодня это анализ предмета. В конце книги автор обращается к этой проблеме и показывает всю ее масштабность.

«Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии)

следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. Эта традиция - наследие прежней методологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти никогда не удавалось, в конечном счете довольствовались обсуждением, которая из предложенных единиц более перспективна. Подчеркнем, что такая логика появляется в результате неоправданного перенесения на психологию чуждых методологических идей. Важнее другое: из психологии фактически исчезает совокупный предмет. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет - психе как целое - который в процессе рассмотрения подвергается анализу».

Как утверждает автор, «в этом случае психология впервые обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным - объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей».

Примером реализации нового подхода, к предмету, по мысли автора, является изложение содержания основ общей психологии, предпринятое В.Д. Шадриковым и В.А. Мазиловым.

Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать одушевляющие связи. Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно ограничиться лишь несколькими характеристиками. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и

оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой - независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология.

«Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются отдельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга». И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека - это живой мир. «Внутренний мир человека очевидно не прост, а сложен. Поэтому трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека, подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со средних веков утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но

психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению».

Необходимо отметить, что данная монография не только решает определенные задачи, но и ставит новые. В частности, автор утверждает, что настала пора рассматривать методологические вопросы системно, необходимо построение методологии как целостной теории. По мысли автора, это поможет перевести обсуждение методологических проблем на новый уровень...

Подводя итоги, отметим, что В.А. Мазилу удалось в полной мере реализовать поставленную цель и выдвинутые задачи: наметить и содержательно, и структурно единство и цельность уникальной методологической картины психологии. Ценность данной книги, своего рода рефлексии истории психологического познания, на наш взгляд, состоит, в первую очередь, в том, что предлагается новая трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии. Идея совокупного предмета позволяет по-новому решить методологические проблемы.

Такой подход позволяет четко обозначить не только собственную позицию, но показать весь спектр альтернативных мнений и положений различных позиций: в работе рассмотрены основные проблемы когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии, специальному анализу подвергнуто соотношение психологии и философии, рассматриваемые в актуальном сосуществовании психологии академической и практической. Во-вторых, анализ всего процесса формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрение истории становления методов научной психологии, на наш взгляд, позволяет выявить специфику конкретных методологических проблем и рассмотреть их через призму предлагаемой автором интегративной методологии - это касается прежде всего раскрытия противоречивости и альтернативности

процесса психологического познания - что делает книгу ценным методическим пособием для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих общую психологию в университете, практических психологов, и для всех, интересующихся научной психологией.

В монографии тщательно анализируется концептуальный статус различных методов, их место в структуре психологической науки. Работа написана прекрасным научным языком, отличающимся по стилю глубокой содержательностью, логической последовательностью в изложении, упорядоченностью связи между частями высказываний, стремлением автора к точности, лаконичности, однозначности при сохранении насыщенности и емкости содержания и одновременно образностью, метафоричностью. Полагаем, что монография продолжает лучшие традиции Ярославской научной психологической школы и будет воспринята с должной высокой оценкой не только психологами, но и специалистами смежных профессий.

Монография В.А. Мазилова «Методология психологической науки история и современность Ярославль, изд-во ЯГПУ, 2017» вносит весомый вклад в развитие психологической науки на современном этапе.

**Практическая направленность
научно-исследовательской деятельности
В.А. Мазилова**

Вклад исследований В.А. Мазилова в исследование методологии психологии - неоспорим. И особо надо сказать о практической направленности всей научно-исследовательской деятельности, поскольку весь понятийный аппарат психологии тесно связан с психологической практикой в системе образования. В одной из своих статей (совместно со Слепко Ю.Н.) «Компетентностный подход в формировании профессионального сознания психолога» Мазилов В.А.

рассматривает проблему развития, компетентностного подхода в образовании и его места в формировании профессионального самосознания специалиста-психолога. Мазилев В.А. ставит проблему повышения качества образования за счет поиска резервов фундаментальной подготовки психолога. В становлении специалиста он предлагает возможности некоторой перестройки преподавания истории психологии на основе идей коммуникативной и интегративной методологии. В качестве конкретного результата им предлагается разработанная система самостоятельной работы студентов-психологов, изучающих дисциплины «История психологии» и «Методологические основы психологии». Полученные результаты решения заявленной проблематики нашли практическое применение в области существующей профессиональной подготовки психолога в вузе; они также могут быть использованы как условие и механизм профессионального становления не только на уровне бакалаврского обучения, но и при обучении в магистратуре.

В работе: «Инновации в современном образовании: психология и педагогика» В.А. Мазилев утверждает, что в современной российской школе недостаточное внимание уделяется организации понимания, вследствие чего страдает усвоение знаний. Он предлагает организовать школьное обучение с учетом закономерностей понимания. В статье формулируются основные положения, которые необходимо учесть, чтобы добиться понимания изучаемого материала; рассматриваются психологические модели, позволяющие понять психологические закономерности формирования непрерывного образования. При этом важно, что необходимо соблюдать определенные методологические условия в психологии как науке. Показано, что при трактовке предмета психологии как внутреннего мира человека проблемы взаимодействия с педагогикой решаются значительно легче.

Вопросам подготовки педагогов традиционно уделяется повышенное внимание. В работе: «Подготовка педагогов

в современном вузе: некоторые методологические и психологические проблемы» Мазиллов В.А. совершенно справедливо отмечает: особенно заметно повышенное внимание к данным вопросам «в настоящее время, когда Рособннадзор неустанно контролирует вузы, занятые производством документации в промышленных масштабах. Не время и место оценивать здесь контент и аксиологию этой мегадеятельности - все вузы России от Калининграда до Петропавловска производят эти килотонны документов, убедительно свидетельствующих, что высшая школа жива и методическая мысль не оскудела. Существует и успешно реализуется программа Модернизации педагогического образования, определены приоритетные направления его модернизации. В самое последнее время появляются новые перспективы широкого развертывания так называемого непрерывного образования, что применительно к интересующей нас сфере и к заявленной теме неизбежно означает порождение непрерывного педагогического образования».

Звучит очень обнадеживающе утверждение автора о том, что образование должно быть современным, должно отвечать задачам сегодняшнего дня и быть направленным на перспективу. Оно, несомненно, должно отвечать на вызовы современности. Как отмечает автор, «речь исключительно о тщательности планирования и продумывания возможных последствий внедряемых инноваций (то есть не только тех, которые планировались изначально)».

В.А. Мазиллов в качества преодоления существующих объективных трудностей выявления, развития, формирования одаренных детей, их психолого-педагогического сопровождения видит прежде всего в развитии одаренности педагога на этапе его профессионального и послепрофессионального обучения. Принципиальная новизна заявляемого проекта В.А. Мазилова состоит в том, что понятие одаренность используется в том контексте, в каком ранее использовалось редко - в контексте

профессиональном. Одаренность не использовалась для решения задач профессионального развития.

Развернутое понимание внутреннего мира человека дает возможность Мазилову В.А. конструктивно подойти к определению феномена педагогической одаренности, определить ее структуру, охарактеризовать ее связь с педагогическими способностями, психическими функциями, определить механизмы и закономерности развития на разных этапах профессионализации человека.

Мазилов В.А. блестяще выступил на конференции в РАУ. В научном докладе: «Лики личности: категория «личность» в современном психологическом знании», посвященной проблеме личности в современной психологии, Мазилов обсуждает различные подходы к трактовке личности, сформировавшиеся в научной психологии и в практической психологии. Им выявлены различия в подходах к описанию личности, намечены пути взаимодействия между различными подходами.

При всех различиях в определении сущности личности большинство исследователей сходятся в том, что личность характеризуется специфическими качествами, что эти качества объединены в плеяды и образуют определенные структуры. Расхождение наблюдается при трактовке вопросов о том, что лежит в основе этих качеств? являются ли они врожденными или приобретенными? что является психофизиологической основой этих качеств? в какой мере эти качества являются отражением социальной среды? Большинство исследователей согласно с тем, что личность является «наиболее типичной и глубокой характеристикой человека».

Академическая и практическая психологии различаются по многим параметрам. В.А. Мазилов более подробно останавливается именно на трактовке личности в практико-ориентированной психологии. Практическую психологию интересует в первую очередь целостный человек, конкретная личность, так как в практическом отношении важно понять

личность и ее поведение, предсказать ее реакции и поступки, поэтому в большинстве случаев используется не понятие личность из какой-то известной теории, а общее представление, в котором могут акцентироваться актуальные для конкретного случая характеристики. Данная задача В.А. Мазилковым решается блестяще.

Успешный в профессии, общении, социальном функционировании, Владимир Александрович - высокопрофессиональный активный член психологического сообщества. Также необходимо сказать и о большой работе В.А. Мазилова в профессиональных сообществах - Российском обществе психиатров (РОП) и Российском психологическом обществе (РПО), в которых он является членом профильных комитетов и комиссий.

Образовательная и педагогическая деятельность юбиляра

Под руководством Владимира Александровича подготовлены 3 доктора и 20 кандидатов психологических наук. Его ученики, продолжают начатое Учителем дело, сами являются продолжателями его научных идей. Можно с уверенностью говорить о научной школе Владимира Александровича. Мне посчастливилось быть оппонентом докторской диссертации Ю.Н. Слепко, консультантом которой выступал В.А. Мазилков. Я была очевидцем, и приятно удивлена: сколько энергии добра, внимания и психологической поддержки, сил было вложено им в процесс подготовки и защиты докторанта.

Мазилков - активный проводник международного сотрудничества ученых России и Армении

При поддержке В.А. Мазилова на базе кафедры психологии ИГН РАУ было открыто Армянское отделение МАПН. Наша первая встреча состоялась на Ученом совете по защита

диссертаций в АГПУ им. Х. Абовяна (Ереван, Армения), куда был приглашен В.А. Мазилев в качестве оппонента при защите докторской диссертации армянского ученого Р.М. Нагдяна. Его любезно пригласила известный армянский ученый-исследователь, крупный деятель в области психологии, педагогики, замечательный организатор многих научно-практических мероприятий в психолого-педагогической области знания, доктор пс. н., профессор Геворкян С.Р. Высокий научный уровень выступления В.А. Мазилова на Диссертационном Ученом совете сочетался с доброжелательным отношением, с возможностью помочь и поддержать; логично, последовательно, очень аргументированно была выстроена вся система оппонирования, именно защиты докторской диссертации. При первом знакомстве с ним, как и в жизни, хотелось бы отметить, что Владимир Александрович - человек очень скромный, интеллигентный, искренний и честный, рассказывая о своем жизненном пути, он корректен в оценках, говоря о людях и событиях. Он - выдающийся рассказчик. Я остановлюсь на тех событиях его жизни, в которых мне повезло участвовать как коллеге, другу.

Еще одна сфера деятельности Владимира Александровича - педагогическая. Мазилев В.А. несколько раз был приглашен в Российско-Армянский университет в качестве приглашенного профессора для чтения лекций по методологическим проблемам психологии. Студенты с удовольствием слушали и с восхищением вспоминают его курсы по психологии. Манера Мазилова - деликатное приглашение к диалогу, к равнопартнерскому разговору, умение выслушать собеседника, стимулировать не только творческое отношение к предмету диалога, но и позитивную энергию. После лекций В.А. Мазилев всегда был окружен армянскими студентами, которых он заинтересовал, зарядил познавательным интересом, любовью и преданностью науке.

Моя дочь Берберян Эрмине, которая была знакома с Мазилевым, будучи аспиранткой на факультете психологии

в Высшей школе экономики (г. Москва), восхищенная его творчеством и человеческими качествами, была счастлива с ним пообщаться, и мы с удовольствием встретились в Ереване, предложили Владимиру Александровичу экскурсию в Исторический музей Армении. Нас поразила блестящая эрудиция Владимира Александровича в познаниях истории Армении, его любознательность и умение интересно, содержательно общаться. Он всегда проявляет неподдельный интерес к людям: очень часто интересовался личностным ростом Эрмине и очень радовался и радуется ее успехам: ее поступлению в аспирантуру по нейронаукам, защите докторской диссертации в Нидерландах. После этой встречи мы длительное время общались по электронной почте, затем было приглашение в Ярославль, где на Ученом совете блестящий ученый, замечательный профессор, президент МАПН Владимир Васильевич Козлов принял решение о создании Армянского отделения МАПН. В.В. Козлов явился инициатором организации новой структуры в Армении, им по праву куратором был назначен Владимир Александрович Мазиллов.

Началась новая страница в нашем взаимодействии и дружеских отношениях: сотрудничество приняло более масштабные формы - оно вылилось в полноценное российско-армянские сотрудничество. Участие в Конгрессах МАПН, благодаря поддержке В.В. Козлова и В.А. Мазилова, было более продуктивным. В.В. Козлов и В.А. Мазиллов приезжали к нам для участия в Международных конференциях, которые я организовывала, стимулируя профессиональное развитие армянских коллег и, следовательно, российско-армянское сотрудничество, что способствовало взаимообогащению. Особо хотелось отметить участие Владимира Александровича в Гос. аттестационной комиссии в качестве председателя. Гос. аттестационные экзамены и Гос. защита проходили в атмосфере объективной оценки, высокопрофессионального, продуктивного взаимодействия, даже принимали обучающие

формы: это были не просто контроль и оценка, а обучающе-развивающие беседы, именно благодаря участию Владимира Александровича.

Владимир Александрович одну из своих научных работ: «История научной психологии во Франции: марксистский взгляд (О.М. Тутунджян и французская психология)» посвятил творчеству выдающегося армянского психолога О.М. Тутунджяна. При анализе диссертационной работы Тутунджяна автор отмечает, что здесь содержится важный материал, позволяющий ознакомиться с анализом основных работ крупнейших французских психологов. В.А. Мазиллов отмечает, что «О.М. Тутунджяном была проделана колоссальная работа. Характеристика многих психологических произведений французских авторов, предпринятая О.М. Тутунджяном, до сих пор (напомним, с защиты диссертации прошло более полувека) остается единственной русскоязычной аналитической работой. Ценность работы О.М. Тутунджяна значительно увеличивается благодаря приложениям к диссертации, в частности: «Хронологии издания основных работ французских психологов от 1923 до 1967 гг.»; «Хронология основных событий во французской психологии от 1921 до 1967 гг.».

Владимир Александрович подытоживает, что в целом «необходимо подчеркнуть, что диссертация О.М. Тутунджяна внесла неоценимый вклад в ознакомление русскоязычных психологов с картиной развития научной психологии во Франции в XX столетии. Представляется, что издателям стоит обратить внимание на то, что «Историю психологии во Франции» можно было бы издать сейчас, через полвека после написания. Ценность работы в значительной степени сохранилась».

В.А. Мазиллов пронизательно отмечает: «В последние годы жизни Тутунджян работал над составлением тезауруса психологических понятий. По оценке специалистов, знакомившихся с работой, это был уникальный труд, в котором содержалось более 45000 понятий. По ряду причин труд тогда

остался не изданным. Как мне рассказывали в Армении, труд был утрачен в 1990-е годы. Возможно, в архиве ученого этот материал найдется. Значение его переоценить невозможно, поскольку он важен для установления взаимопонимания, в том числе и между психологами, пишущими на разных языках. Это несомненно важно для взаимопонимания между культурами. Отметим, что такая работа и актуальна, и до сих пор в сколь-нибудь значимом объеме не выполнена». Работа пока не издана, однако вопросы, которые поднимает автор, на сегодняшний день актуальны и насущны.

Особую роль в развитии актуальных проблем психологии личности и ее развития как научного направления в контексте российско-армянского сотрудничества сыграла подготовка и проведение на базе РАУ II Международной научно-практической конференции: «Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты», Ереван, 2019 - с публикацией сборника материалов в базе данных РИНЦ 811 стр., (116 научных статей) (председатель Оргкомитета - Берберян А.С.); Международного психологического форума: «Феномен наставничества: экзистенциально-гуманистическая парадигма и технологии реализации в образовании, управлении и межкультурных отношениях», 16-17 мая 2023 года. г. Ереван, Армения (председатель Оргкомитета - Берберян А.С.) и др. Он достойно представляет Россию на международных конференциях и Форумах, в том числе проводимых на площадке РАУ. Во время научных мероприятий, лекций, научных семинаров, проводимых в Армении, В.А. Мазиллов активно общался с учеными Армении.

Психологическое сообщество Армении высоко ценит научные заслуги, активную педагогическую и просветительскую деятельность Владимира Александровича Мазилова. Он содействовал созданию Армянского отделения МАПН и способствует развитию научного и образовательного сотрудничества России и Армении.

Вместо заключения

Роль В.А. Мазилова в становлении российской психологической науки и, прежде всего, методологии психологии в теоретическом и практическом аспекте велика, и созданная им научная школа при его значительном содействии сегодня развивается.

Хочу обратиться к одной фразе А.А. Бодалева, высказанной им в статье «О событиях в человеческой жизни и человеке как событии»: «... человек становится действительно судьбоносным событием для другого человека, если он сам был яркой и поистине многогранной личностью и Мастером в главном для него деле жизни. И это очень согласуется с утверждением великого педагога К.Д. Ушинского, что, чем крупнее личность, тем глубже след, который она оставляет в других людях». Для многих ученых, в том числе армянских, общение и сотрудничество с Владимиром Александровичем Мазиловым является значимым событием в жизни, познавательным и обогащающим, и оно, во благо развития Психологии на сегодняшний день продолжается.

Искренне поздравляю юбиляра и желаю Владимиру Александровичу Мазилу долгих лет плодотворной насыщенной жизни, здоровья, творческого вдохновения на новые научные свершения и победы, оптимизма и реализации научных и учебно-образовательных проектов в деле развития, в том числе и совместно с учеными России, Армении, других стран, великой науки Психологии!

*Берберян Ася Суреновна
заведующая кафедрой психологии ИГН Российско-Армянского
университета,
доктор психологических наук, профессор, руководитель
Армянского отделения МАПН, председатель Армянского отделения
Профессиональной психотерапевтической лиги, г. Ереван*

К юбилею В.А. Мазилова

В знаменитом старом советском фильме режиссера Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника», ставшим культовым для людей моего поколения, снятого в далеком 1967 году, есть эпизод, в котором один из учеников в своем сочинении на свободную тему «Что такое счастье» пишет одну единственную фразу - «Счастье это, когда тебя понимают!». Примечательно, что он пишет ее после того, как ему удалось встретиться взглядом со значимым для него человеком и получить отклик. И он был по-своему прав, этот мальчик. Понимание - это то, без чего невозможна встреча. Реализация возможности быть понятым в диалоге с другим человеком в когнитивном и экзистенциальном контексте, потребность в наличии понимающего субъекта в реальном контакте для меня лично является непреходящей ценностью. Все это вступление, предыстория нужны для того, чтобы точнее выразить мое отношение к Владимиру Александровичу Мазилу. Он был и остается для меня тем самым понимающим человеком, авторитетным методологом, с которым хочется (можно) вести диалог для прояснения и осмысления своих профессиональных идей и гипотез, самоопределения в рамках культурно-исторического контекста. Владимир Александрович являлся своеобразным мотиватором и научным консультантом моей докторской диссертации «Психология личностного кризиса». Я с благодарностью вспоминаю наши обсуждения методологических основ моей будущей работы, его внимательное уважительное отношение к авторской позиции. Результатом чего стала возможной концептуальная интеграция психологических закономерностей столь далеких друг от друга областей, как построение образа в ситуации перцептивного конфликта и переживание личностного кризиса.

Возможно для Владимира Александровича будет неожиданностью тот факт, что его точное понимание моих возможностей, особенностей и способностей, его

«профориентационное напутствие» позволило мне связать свою профессиональную судьбу с Ярославским педагогическим университетом и с замечательными педагогами, ставшими моими близкими друзьями, соратниками по многочисленным совместным инновационным проектам, позволяющим интегрировать педагогические и психологические знания (Речь идет о В.Б. Успенском, Л.В. Байбородовой и С.Л. Паладьеве). А дело было так. В далеком 1987 году с дипломом выпускницы факультета психологии МГУ им М.В. Ломоносова я пришла к Владимиру Александровичу, бывшему тогда деканом дошкольного факультета, узнать про возможности моего трудоустройства. Внимательно выслушав меня, он сказал, что по его представлениям мои знания и подготовка будут здесь несколько избыточны и лучше всего я смогу реализовать свои возможности в команде педагогов под руководством В.Б. Успенского, разрабатывающей новые стратегии психолого-педагогической подготовки руководителей образовательных организаций. Так, благодаря совету В.А. и началась моя профессиональная жизнь в педагогическом университете. Замечательно, что позднее наши траектории пересеклись, мы давно работаем на одной кафедре и я могу рассчитывать на поддержку и понимание, В.А. всегда готового не просто щедро делиться своими энциклопедическими знаниями, но и предоставлять в диалоге критический рефлексивный анализ исходных предпосылок новых идей и замыслов: касаются ли они подготовки будущих психологов или определения направления фундаментальных исследований.

В завершении хочется отметить особое неподражаемое чувство юмора Владимира Александровича, благодаря которому точно и вовремя рассказанная им занимательная история о каком-либо известном, авторитетном представителе отечественной и зарубежной психологии позволяет сместить фокус понимания истории психологии и увидеть за теоретическими конструктами живых людей с их страстями, слабостями и жизненным контекстом.

Владимир Александрович, на мой взгляд, человек возрождения. Подлинный ученый - умный, гуманистичный, высоко образованный, открытый к диалогу.

*Жедунова Людмила Григорьевна
доктор психологических наук, профессор кафедры общей и
социальной психологии Ярославского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль*

Бинарная оппозиция «Мазилов»

Общаясь с коллегой, Владимиром Александровичем Мазыловым, хочется многое опровергать.

Например, традиционные представления об ученом-психологе и об университетском профессоре. Об авторе многостраничных научных монографий и о редакторе научных трудов. О строгом эксперте, о рецензенте, об организаторе научных мероприятий.

Объективность суждений? Да, конечно, но без сурового и жесткого прессинга, без назойливой демонстрации того уровня профессиональной эрудиции, что дает право на безапелляционность высказываний.

Отсутствие категоричности в речи, в интонациях? Да, более того, звуки его речи мягко обволакивают слушателя (если это публичная речь докладчика) или собеседника (если это общение, носящее приватный характер).

Наконец, профессорская манера общения?

Но - какая это манера? Высокомерная? Это не про него. Суровая и сухая? Это тоже не про него. Менторски-дидактичная? Многозначительная? Строго регламентированная? И все это, все такое замечательное, но чужое - вовсе не про него.

Что же про него? Про него двойственность, контрастность, иными словами - бинарность личностных и профессиональных проявлений.

Есть такой аспект профессиональной деформации личности: человек в обыденную жизнь переносит все то, чем он владеет как представитель определенной сферы деятельности. Знаю замечательных врачей, которые говорят длинными «периодами» и употребляют даже при описании маршрута движения от дома на работу бесконечное количество научных терминов. Знаю прекрасных актеров, которые общаются цветистыми фразами, пользуются преувеличенно экзальтированными жестами. Знаю великолепных педагогов, которые говорят, словно диктуют «под запись», а взглядом «ловят» реакцию окружающих.

Профессиональная деформация налицо. Жаль людей - и тех, кто деформируется, и тех, кто с ними коммуницирует (извините за термин).

Так каков же В.А. Мазиллов, если воспринимать его не как мэтра и корифея, не как супер-ученого и экстра-руководителя?

Ну, каков... Хороший он и, конечно, неповторимый!

У него «да» означает согласие, а «нет» звучит как подлинное отрицание. Ни то, ни другое не двусмысленно. Что хотел сказать, то сказал, а чего не хотел - на то даже не намечает.

Он слушает, даже если потом выразит категорическое несогласие. И он говорит, стремясь воспользоваться всеми возможными приемами убеждениями: что лексикой, что построением фраз, что интонациями. Хочет ли быть понятым? Разумеется. Настаивает ли на своем? А вот и нет. Замолкает и не то, чтобы отступает, но не давит.

Зачем давить? Зачем настаивать? Зачем, наконец, доказывать? Достаточно высказаться, совершить поступок - остальное пусть будет на усмотрение людей.

Интересная деталь: общаясь много лет, причем не только в профессиональной сфере, но и, скажем, на отдыхе (на нашей университетской базе отдыха «Лютово»), я не замечала различий между Мазилловым-коллегой, профессором, в частности, и Мазилловым-обыденным человеком.

Очень ценю и специально отмечаю привычку и способность Мазилова быть всегда равным самому себе. Это не формируется на уровне профессии психолога, это выражает жизненную позицию и жизненные пристрастия.

И тогда - нельзя назвать принципиальным ни количество опубликованных книг и статей, ни статус полученных грантов или значимость отстаиваемой (а это - именно так) научной теории. Не в Хирше счастье! А в людях, в отсутствии нелюбви к ним, в готовности несколько десятилетий с ними работать не только как с «материалом», но как с живыми, подчас даже приятными или интересными «объектами».

Мы с В.А. Мазилковым когда-то особенно активно обсуждали проблему, обнаружив пристрастие к экзистенциальной психологии. Понятно, что мне это близко, при изучении художественного творчества. А ему - что эта Гекуба? Но ведь такое жизне-, смыслопонимание востребовано им по душевной потребности, а не по профессиональной обязанности.

Понимание человека и отсутствие отвращения к нему. Полагаю, для психолога это - важная, профессионально значимая бинарная оппозиция. И в этом смысле наш друг и коллега Мазилков - дуален, хотя и совершенно не оппозиционен...

Замечательное свойство!

И человек – замечательный!

*Злотникова Татьяна Семеновна
доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры культурологии Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль*

Дорогой Владимир Александрович, Володя! С Днем рождения тебя! И в этот - твой день - самые теплые слова поздравления. Не пишу слово «юбилей», поскольку число 70 вызывает во мне много амбивалентных чувств и, главным образом, - недоумение. Неужели уже 70... Эта дата тебе совсем «не подходит», и для меня ты - всегда тот молодой человек, с которым учились на одном факультете, работали на одном факультете (где ты был деканом), на одной кафедре (где ты был заведующим), жили в одном доме и даже отдыхали на базе «Лютово» нашего университета.

Всегда обращали на себя внимание твои серьезность, скромность, вдумчивость. Помню, что меня поразило, когда, находясь на упомянутой базе отдыха «Лютово», ты читал солидную, очень толстую психологическую книгу, тогда как все активно «поглощали» детективы, менялись ими, как это и положено, когда хочется отдохнуть от всего.

Как-то ты посетовал, что не хватает времени на чтение. Но ведь успеваешь быть в курсе всего нового, а твои знания являются энциклопедическими, глубокими, особенно, конечно, в области психологии, которой ты не просто интересуешься - это, как мне кажется, то любимое дело, которое на всю жизнь.

Именно преданность психологии, разнообразные интересы к различным ее сторонам и определили твою творческую продуктивность, самостоятельность суждений и глубину идей.

И пусть реализуются все твои планы, сбывается все задуманное. А для осуществления этого необходимо, конечно, здоровье, чего и желаю тебе в первую очередь; а также счастья и добра и всего самого хорошего в жизни. Не будем рассматривать твою юбилейную дату как подведение итогов, а как начало нового.

С уважением,

*Карпова Елена Викторовна, заведующая кафедрой педагогики
и психологии начального обучения Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского,
доктор психологических наук, профессор, г. Ярославль*

Окончательная методология профессора Мазилова В.А.

*Мечты иногда сбываются.
Хочется верить, что рано или поздно психологи
будут лучше понимать друг друга.*

В.А. Мазилев

Владимир Александрович Мазилев попросил меня написать рецензию на свою книгу «Методология психологической науки: история и современность», которая была издана в Ярославле в 2017 году.

Писать рецензию на работу мэтра методологии чрезвычайно трудно, так как автор этой статьи не является методологом психологии, а в большей степени занимается философскими размышлениями о психологии и практикой психологии в течение последних 40 лет [Козлов, 1998; Козлов, 2003; Козлов, 2007; Козлов, 2016; Козлов, 2019; Козлов, Мазилев, Петренко, 2017]. С таким же постоянством Владимир Александрович занимается методологией психологии.

В буддийской традиции тхеравады после 25 лет служения в монастыре бхигшу присваивается звание «тхеро», что означает жрец (апостол) буддизма [Козлов, 2016; Козлов, 2019].

Следует признать, профессор Мазилев является самым признанным методологом советской и российской психологии, апостолом методологии.

Как известно, в буддизме тхеро становятся тогда, когда монах овладевает текстами «Типитаки» - канона буддизма [Козлов, 2019].

В этой логике Владимир Александрович достиг предела - он является последним и единственным энциклопедистом психологии, который в совершенстве владеет историей и современным состоянием этого направления гуманитарной науки.

Как известно, последним энциклопедистом философии был Платон. Во многих смыслах Мазилев В.А. является Платоном психологии.

В квартирах, в которых жил Мазиллов, основную площадь занимали книги. Но они не были элементом интерьера, как у многих, а были пространством его мышления и жизни.

Как известно, еще в 1982 году Мазиллов В.А. защитил кандидатскую диссертацию «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач» в Институте психологии АН СССР. Конечно, как интеллектуал высокой пробы, он мог бы выбрать для дальнейших исследований любое направление психологии, но ограничил зону поиска в процессе решения своих мыслительных задач самым сложным предметом - методологией науки.

Психологи, которые формировались в профессиональном и личностном отношениях в 70-ые и 80-ые годы прошлого столетия, застали последнюю попытку создания «методологии психологии», единственной верной и подлинной научной психологии, основанной на марксистской философии и материалистической методологии науки. В соответствии с каноном этой теории - вся предшествующая историко-психологическая мысль - это только предыстория, подводящая к возникновению и осознанию подлинного содержания научной психологии - понимания, основанного на натуралистической, материалистической метафизике. Только такое понимание является настоящим научным знанием, все другие виды знания - это просто мнения или абсурд. Основная теза, согласно которой методы и допущения (включая эпистемологические и метафизические учения), на которых основаны естественные науки, должны и могут быть использованы в психологии, является основой научного мировоззрения.

Мазиллов В.А. всегда находился в оппозиции к одномерному пониманию психической реальности. В 1989 году Мазиллов В.А. опубликовал первую крупную статью, посвященную изучению проблемы соотношения теории и метода в психологии. Углубленная над данной темой завершилась в конце 1990-х публикацией монографии «Теория и метод в психологии». В 1999 году он защитил докторскую диссертацию «Теория и метод

в психологии» по специальности 19.00.01. «Общая психология, психология личности, история психологии». Руководствуясь историко-методологическим подходом, Мазилову В.А. удалось разработать схему соотношения теории и метода в психологии. Вначале он полагал, что такое соотношение характерно лишь для ранних этапов становления психологии, но впоследствии показал, что схема универсальна и вполне адекватно отражает это отношение и на более поздних этапах.

В конце 90-ых годов Владимир Александрович поставил предельную задачу - разработку новой методологии психологии. По сути, вся дальнейшая его работа в области методологии была подчинена решению этих задач [Мазилов, 1998; Мазилов, 2017 и мн. др.]. Первым этапом в реализации этой программы явился анализ современного состояния методологии психологической науки в нашей стране и за рубежом. Работа над новой методологией психологии продолжалась Мазиловым В.А. в годы «перестройки» (1985-1990) и последующие 1990-е годы, когда методология репрессировалась и девальвировалась во многих психологических кругах, что, на наш взгляд, было связано с оппозицией к материалистической психологии и марксистско-ленинской философии [Мазилов, 1998].

Предварительные итоги формирования новой методологии обсуждались в работе с аналогичной по названию (Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. М, МАПН, 2007. 352 с.) рецензируемой монографии [Мазилов, 2007]. Во многих смыслах рецензируемая монография продолжает и развивает основные положения, выдвинутые в этой работе.

В своей монографии профессор Мазилов придерживается позиции плюрализма и считает, что в настоящее время существует явное многообразие подходов к разработке методологии психологии и все они имеют право на существование и выражают авторское видение методологии психологии. Одновременно Владимир Александрович имеет свое видение методологии, которое сводится к следующим тезисам.

Во первых - научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Поскольку он явно сложнее предмета как естественных, таки гуманитарных наук, предстоит поиск адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления. Пока психология действовала, подражая естественным и герменевтическим наукам. На очереди обнаружение и верификация новых средств исследования. Осознание уникальности предмета и поиски своего пути - магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки.

Методология должна быть методологией «снизу» - методологические положения должны идти от самой психологии, от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки.

Методология должна быть на исторической основе. И в монографии методологическая традиция, заложенная в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, М.Г. Ярошевского, А.Н. Леонтьева, В.М. Аллахвердова, Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломова А.Р. Лурии, М.С. Роговина, А.Л. Журавлева, А.В. Юревича, В.Д. Шадрикова, поддерживается и продолжается Мазиловым В.А. [Аллахвердов, 2002; Аллахвердов, 2003; Волков, 2003; Зинченко, 2003; Панов, 2005; Роговин, 1969; Теория и методология..., 2007; Шадриков, 2006; Юревич, 2012].

Мазилов В.А. не разделяет позиции, согласно которой руководством к созданию методологии психологии должны явиться положения философии и методологии науки. Как показано в тексте монографии, есть основания полагать, что положения, разработанные философией науки на материале естественных дисциплин, не учитывают своеобразие психологии и специфики ее предмета, по уровню сложности своего устройства намного превосходящие предметы естественных наук. Мазиловым В.А. показано, что решая

психологические вопросы, мы не можем абстрагироваться от трактовки предмета психологии.

Мазиллов В.А. считает, что методология психологии должна быть нацеленной на интеграцию. Речь вовсе не идет о разработке какой-то единой супертеории, которая бы все объяснила, а чтобы выстроить единую методологию – возможно много различных подходов. В работе Мазилова В.А. предлагается идея установления отношений между подходами, некоторого взаимопонимания между ними - методологический аппарат, позволяющий соотносить различные концепции и подходы через коммуникативную идею.

В своих работах в начале этого столетия мы обозначили стратегию Мазилова как шестую волну психологии – коммуникативную. Цель этой стратегии мы можем обнаружить как формирование универсальной языковой среды, наподобие языка математики или физики, в которых любая символика истолковывается однозначно независимо от парадигмы [Козлов, 2007].

Коммуникативная методология (В.А. Мазиллов) предполагает кооперативное взаимодействие наук, школ и направлений в решении конкретных вопросов психотерапии и других гуманитарных наук. В этом контексте абсолютно справедливо замечание В.А. Мазилова, что сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психотерапии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, т.е. предполагающей улучшение реального взаимопонимания:

- между различными направлениями в рамках научной психотерапии;
- между академической, научной психотерапией и практико-ориентированными концепциями;

- между научной психотерапией и теми ветвями психотерапии, которые не относятся к традиционной академической науке (трансперсональная, религиозная, мистическая, эзотерическая и т.п.);
- между научной психотерапией и искусством, философией, религией;
- между психотерапиями, которые опредмечивают различные уровни психической организации – персону, интерперсональное и трансперсональное [Козлов, 2007].

В монографии профессор Мазиллов пишет, что декларации об интеграции выражают сознательные устремления психологов, что, безусловно, позитивно, но без предложения соответствующих механизмов, обеспечивающих интеграцию, остаются голыми призывами. Во-вторых, Мазиллов обращает внимание, что интеграция как объединение (и сообщества, и научного знания) представляет собой ценность, но это весьма далекая (если вообще достижимая) перспектива. Вместе с тем, в психологии накоплен колоссальный массив информации. В современной психологии имеется богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию. Автор подчеркивает, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Методология должна предложить средства, способствующие такого рода упорядочению знания [Мазиллов, 2017].

В начале этого столетия автор статьи писал, что интегративная психология предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии, позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности.

Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели, - углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.

Вместо того, чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологии как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого.

Стратегия интегративной психологии - постижение природы человека через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, синтез различных традиций, подходов, логик, диагностического и психотехнического инструментария, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть ее заключается в многоплоскостном, многомерном, многоуровневом, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного исследования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, многомерности психического феномена [Козлов, 2007].

Следует подчеркнуть, что профессор Мазиллов во многом поддерживает интегративную стратегию в методологии, которую мы разрабатывали с начала 90-ых годов прошлого столетия, но при этом движется в перспективу развития механизмов и основ интеграции научной психологии.

Монография имеет следующую структуру.

В первой главе предпринят анализ формирования методологических основ научной психологии, которая впервые заявила о себе как самостоятельной науке в 70-х годах XIX столетия. В этой главе также дается исторический анализ

становления методов научной психологии: самонаблюдения и эксперимента.

Во второй главе дается анализ методологического кризиса в психологии, обсуждаются различные подходы к его трактовке и пути выхода из сложившейся ситуации. Предлагается авторская трактовка и оценка кризиса научной психологии.

В третьей главе предпринимается анализ современного состояния методологии психологии в отечественной науке, выявляются основные направления исследований и разработок. Предлагается структура авторской концепции методологии психологии, которая включает следующие составляющие:

1. Когнитивная (познавательная) методология, описывающая принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативная методология, обеспечивающая соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методология психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Глава четвертая посвящена обсуждению проблем когнитивной методологии: обсуждению вопроса о парадигмальном статусе психологии и перспектив основных парадигм, представленных в современной психологической науке, а также других актуальных проблем когнитивной методологии (проблемы предмета и метода научной психологии, проблемы факта, проблемы объяснения, обсуждается роль междисциплинарных исследований в современной психологической науке, особенности их проведения и условия эффективности).

Глава пятая содержит анализ состояния коммуникативной методологии и главной на сегодняшний день проблемы в этой области – проблемы интеграции научного психологического знания.

В шестой главе затрагиваются вопросы методологии психологической практики. Анализируются сложные отношения между психологической наукой и психологической практикой.

Седьмая глава «Психология и философия: на пути к философии психологии» анализирует взаимоотношения психологии и философии. Рассматривается отношение между научной психологией и концепциями философии науки. Ставится задача разработки философии психологии как психологического учения.

Восьмая глава «Внутренний мир человека как предмет психологической науки» раскрывает перспективы новой трактовки предмета психологии.

Последний раздел монографии «На пути к интегративной методологии психологии. Вместо заключения» намечает некоторые перспективные направления дальнейших исследований [Мазилов, 2017].

Концептуально цель методологии психологии на глубинном уровне проста - это разрешение 5 великих проблем и фактов бытия – абсурдности, тварности, никчёмности, одиночества и страдания с целью переживания (но не окончательного приобретения) смысла, бессмертия, могущества, слияния-единения, наслаждения [Козлов, 2019]. Конечно, монография Мазилова В.А. нас не приближает к разрешению этих великих проблем человеческого существования, так как не посвящена практике психологии в аспекте психотехники. С другой стороны - сделан важный шаг к более широкому толкованию предмета психологии - внутреннему миру человека. Мы предполагаем, что в следующих монографиях Владимир Александрович сделает обширный экскурс в предметную область психологии и раскроет не только ее структуру и содержание, но и опишет методологию практического научного исследования этой области, и, самое важное - изложит основные методы обоснованного научно-методологического воздействия. Как говорил наш общий друг Фетискин

Николай Петрович - покажет мастерство полевого командира психологии. Но это в будущем.

Что касается настоящего - монография является важным шагом в разрешении методологических проблем, актуальных для современной психологической науки. Мазиловым В.А. предложена оригинальная авторская концепция методологии психологии, проанализирован процесс формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрена история становления методов научной психологии.

Чрезвычайно актуальным является рассмотрение основных проблем когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии.

В монографии профессора Мазилова В.А. специальному анализу подвергнуто соотношение психологии и философии, поставлена задача разработки философии психологии как ветви психологического знания, дан эскиз философии психологии.

Существенным является предложение нового понимания предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии.

Монография профессора Мазилова Владимира Александровича - знаковое событие в развитии российской методологии научной психологии. Мы можем только поздравить автора с этим выдающимся событием и пожелать активного продвижения идей этой монографии в интеллектуальное пространство научной психологии России.

*Козлов Владимир Васильевич
Президент Международной Академии Психологических наук,
Ректор Университета Интегративной Психологии
и Психотерапии (УИПП),
доктор психологических наук, профессор
кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им.
П.Г.Демидова, г. Ярославль*

Не подводя итоги

Говорить о Владимире Александровиче Мазилове, будучи знакомой с ним энное количество лет и даже десятилетий, можно много.

Поэтому ограничимся анализом результатов исследования, участниками которого стали студенты бакалавриата и магистратуры факультета социального управления Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Темой исследования выступал непосредственно Владимир Александрович Мазилев. В качестве методов исследования были выбраны свободный ассоциативный эксперимент и контент-анализ заметок и эссе на указанную выше тему.

Результаты анализа данных ассоциативного эксперимента показали, что всего было названо 335 характеристик, которые условно можно отнести к трем кластерам или группа - Владимир Александрович как человек, как преподаватель и как профессор психологии. Они представлены в нижеследующей таблице.

	Человек	Преподаватель	Профессор психологии
Общее количество характеристик	96	115	104
Наиболее часто встречающиеся характеристики	Умный, вежливый, внимательный, воспитанный, тучный, очки, доброжелательный	Требовательный, принципиальный, грамотный, компетентный, один из лучших преподавателей, интересный рассказчик	Научная работа, интересный, оригинальность, талант, узнаваемый, мастер своего дела, автор статей и публикаций, фундаментальный
Уникальные положительные характеристики	Интеллект, эрудиция, харизма	Щедро делится знаниями с другими	Творчество, крутой ученый
Уникальные отрицательные характеристики	Гений в детском саду, темный,	Мало эмоций, сам спросил, сам ответил	Добрый в образе сурового, пугающий

Из данной таблицы видно, что В.А. Мазилу удалось запечатлеться в сознании участников исследования не только как субъекту профессиональной деятельности, преподавателю и научной величине, но и как человеку, наделенному своими уникальными особенностями и не лишенному недостатков (ведь все мы люди, человеки!). При этом одно очень органично сочетается с другим. Даже за непродолжительное время занятий студентам и слушателям его удалось «раскусить»: профессор добрый и только напускает на себя суровый вид.

Контент анализ представленных заметок на вышеназванную тему показал, что основным источником информации для наших респондентов выступала Википедия. Приведем несколько цитат из них, хотя и рискуем наскучить читателям и людям, знающим его не понаслышке:

«Владимир Александрович Мазил - доктор психологических наук, профессор. Заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского».

«Владимир Александрович Мазил известен своими значительными достижениями, включая получение Премии имени С.Л. Рубинштейна Российской академии наук. Он также является активным участником научных сообществ и занимает руководящие должности в докторских диссертационных советах и редколлегиях научных психологических журналов».

«Владимир Александрович Мазил является экспертом в Российском гуманитарном научном фонде, Российском фонде фундаментальных исследований и Российском научном фонде. Он также занимает ответственные должности в Российском психологическом обществе и Международной академии психологических наук».

«Заместитель председателя докторского диссертационного совета, член 3 докторских диссертационных советов по психологическим, педагогическим наукам ЯрГПУ и докторского диссертационного совета по психологии ЯрГУ. Член редколлегии 11 научных психологических журналов (в

том числе трех зарубежных), заместитель главного редактора журнала «Вестник интегративной психологии». Эксперт РГНФ, РФФИ и РНФ. Член Этического комитета Российского психологического общества. Академик, член президиума Международной академии психологических наук, академик Балтийской педагогической академии».

«Владимир Александрович автор более 200 научных и научно-методических публикаций».

«В 1982 году Владимир Александрович защитил кандидатскую диссертацию в Институте психологии АН СССР на тему «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач». В его работе был использован новый подход: механизм ограничения зоны поиска... Такой подход позволил сделать важный вывод: трудность решения творческой задачи состоит не столько в том, чтобы выдвинуть гипотезу, приводящую к правильному решению (как это традиционно считалось), сколько в преодолении заблуждения, препятствующего выдвижению такой гипотезы».

«В.А. Мазиловым проведен ряд исследований, посвященных истории психологической науки, философии психологии, методологии психологии. Им проанализирован процесс выделения психологии в самостоятельную науку... Была обоснована необходимость разработки в современных условиях философии психологии как самостоятельной области знания, очерчен круг ее задач. В результате историко-психологического исследования предложена новая структура методологии, соответствующая задачам психологии в настоящее время».

«Коммуникативная составляющая (методологии психологии) призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов».

Ну что же, спасибо, Википедии. Она позволяет познакомиться с жизнью и творчеством, карьерным ростом и научными достижениями Владимира Александровича, а не только с содержанием конспектов его занятий. Однако, и Википедия тоже может ошибаться и число научных работ В.А. Мазилова (даже наиболее крупных и значимых) давно перевалило за пять сотен. При составлении отчетов кафедры общей и социальной психологии по науке за каждый год перечень публикаций Владимира Александровича требует МНОГО времени и сил и колеблется в пределах 7-8 десятков (ЕЖЕГОДНО). Хотя с точки зрения формальной логики Википедия она не врет, и 500 и 1000 и 2000 – это больше 200. В любом случае исследователям творчества В.А. Мазилова предстоит большая работа.

Поскольку участники нашего исследования имели возможность непосредственно общаться с Владимиром Александровичем, постольку еще одним источником информации и предметом нашего анализа стали подготовленные ими эссе. Контент анализ показал, что ему удалось предстать в глазах студентов и магистрантов как уникальной «глыбе», хранителю личного и почерпнутого из различных литературных источников опыта и психологических сведений, большого человека, отнюдь не по своим физическим габаритам. Общение с ним не прошло для них незамеченным. Также приведем несколько цитат из анализируемых эссе.

«Владимир Александрович, великий человек и гениальный преподаватель».

«... благодаря этому блестящему человеку я полюбила историю психологии, хотя ранее всегда была далека от этой дисциплины».

«...я поражалась его фундаментальной памятью, как интересно и захватывающие он рассказывает, то как точно он помнит события и людей...».

«Его выделяют не только многочисленные заслуги и награды, но и личностные качества, которые зачастую оказываются намного важнее всех достижений».

«...на выходе из нашего факультета социального управления я встретил Владимира Александровича. Я думал он меня не узнает и пройдёт мимо, но ... всё было совершенно не так...»

«он ещё спросил, как у меня учёба, нравится ли обучаться психологии?».

Казалось бы, такой простой вопрос: «Нравится ли тебе психология?». Но он предполагает и обратное: «Нравимся ли мы ей?» и рассуждая далее, «Что мы сделали чтобы понравиться психологии?». Думаю, что Владимир Александрович входит в число любимцев психологии. Он не устает добиваться этого и сейчас.

Профессор Мазиллов В.А. утверждает, что внутренний мир человека не прост, как не прост и он сам.

Поэтому не будем подводить итоги. И простит нас Владимир Александрович за ненаучный анализ и Господь Бог за попытку творчества.

*Корнеева Елена Николаевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии
Ярославского государственного педагогического
университета им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль*

О роли В.А. Мазилова в моей профессиональной жизни и его месте в разработке проблем современной истории психологии (к 70-летию юбилею)

Мое знакомство с Владимиром Александровичем Мазиловым произошло зимой 2015 года, когда по рекомендации моего преподавателя, наставника и теперь коллеги Натальи Юрьевны Стоюхиной я принял решение поступить в аспирантуру Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. В это время я обратился к Владимиру Александровичу с просьбой стать его аспирантом и готовить под его научным руководством диссертацию. Темой моей будущей диссертации являлось изучение психологических взглядов В.А. Снегирева (1841-1893), что очень заинтересовало Владимира Александровича, и он меня поддержал.

К тому времени для меня – недавнего студента имя В.А. Мазилова было известно, прежде всего, как методолога, но благодаря общению со старшими коллегами (в первую очередь, Н.Ю. Стоюхиной) я познакомился и с его историко-психологическими работами, среди которых важной для меня и моего будущего диссертационного исследования стала его историко-методологическая монография «Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки» (1998).

Взаимодействие с Владимиром Александровичем как научным руководителем было важным опытом, развивавшим мое профессиональное самосознание, историко-научную ориентацию и публикационную активность. Эрудиция и кругозор В.А. Мазилова являются настолько широкими, что каждая встреча с ним давала (и до сих пор продолжает давать) много поводов для размышления и применения в моих исследованиях. Благодаря помощи и поддержке Владимира Александровича я успешно подготовил свою диссертацию и защитил ее в Институте психологии РАН осенью 2019 г.

В настоящее время мы с Владимиром Александровичем

продолжаем активное взаимодействие в рамках совместных методологических и историко-психологических проектов. В частности, одним из ярких событий, для участия в котором он меня пригласил, была конференция «Век психологии в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», прошедшая в ноябре 2023 г. и посвященная столетнему юбилею организации кафедры психологии в Ярославском педагогическом институте. Присутствовать на научном празднике учреждения, которому я обязан своим профессиональным становлением, было для меня очень значимым, поэтому я с большой ответственностью и радостью подготовил доклад об одном из забытых преподавателей ЯПИ – С.А. Голованенко (1888-1938).

Необходимо отметить и общий вклад В.А. Мазилова в разработку проблем истории психологии. Так, во второй половине 1990-х и 2000-е гг. он занимался историко-психологическими вопросами в рамках методологии психологии (Мазилев, 1998, 2001, 2007б), а также посвящал свои работы представителям Ярославской психологической школы (Н.П. Ерастову, М.С. Роговину и др.) (Мазилев, 2000, 2006), другим выдающимся отечественным (Мазилев, 2008б) и зарубежным (Мазилев, 2007а, 2008а) психологам.

В 2010-е гг. Владимир Александрович начал разрабатывать непосредственно методологические проблемы истории психологии (Мазилев, 2014а, 2014б), продолжил изучать психологическое наследие российских психологов второй половины XIX в. и XX в. (Мазилев, 2014в; Мазилев, Костригин, 2016; Мазилев, Стояхина, 2016; Мазилев, 2018а; и др.). Со второй половины 2010-х гг. и в начале 2020-х гг. В.А. Мазилев стал уделять большее внимание изучению истории психологии в Ярославле (Мазилев, 2015, 2018б; Мазилев, Слепко, 2021, 2023б), итогом чего стала его совместная с Ю.Н. Слепко монография «Век психологии в Ярославле» (Мазилев, Слепко, 2023). Кроме того, он писал и о выдающихся ученых других научных центров, в том числе Института психологии РАН (Л.И. Анцыферовой, В.Н. Дружинине, К.К. Платонове,

Я.А. Пономареве и др.) (Мазиллов, 2019, 2020, 2021; Мазиллов, Слепко, 2020; и др.).

Спектр историко-психологических тем в научном творчестве Владимира Александровича достаточно широк, а его участие в различных историко-психологических научных мероприятиях всегда востребовано со стороны профессионального сообщества. В.А. Мазиллов обладает ярко выраженным историко-научным и историко-культурным сознанием, что значимо отражается в его научных трудах.

Владимир Александрович, в этот замечательный юбилей хочется Вам пожелать новых творческих идей и неиссякаемого вдохновения для их воплощения! Счастья, благополучия, здоровья!

*Костригин Артем Андреевич
кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН,
г. Москва*

К юбилею Владимира Александровича Мазилова

*Придешь домой, шурша плащом,
стирая дождь со щек:*

Таинственна ли жизнь еще?

Таинственна еще.

А. Кушнер

Очень трудно оставаться строго в рамках объективности, когда пишешь об известном ученом и яркой личности как о коллеге, однокурснике и друге. К тому же, зеркало давних воспоминаний потускнело и четкими остаются только отдельные фрагменты, эмоционально значимые для вспоминающих. В этом случае пристрастности не избежать, поэтому надеемся на снисходительность читателя.

С Владимиром Александровичем, а для меня просто Володей, мы поддерживаем теплые отношения на протяжении десятков лет, хотя судьба и разнесла нас по разным городам. Сейчас, когда с полным основанием коллеги будут писать о Владимире Александровиче Мазилове как об одном из самых блестящих представителей Ярославской психологической школы, талантливом ученом и теоретике, у нас, его однокурсников, есть возможность вспомнить, каким он был в студенческие годы, увидеть условия, в которых развивался талант исследователя.

Листая старые альбомы с фотографиями студенческих лет, мы не найдем ничего, что бы поражало воображение. Вот, например, субботник в так и не достроенной гостинице на берегу Которосли. Студент Мазилов несет носилки со строительным мусором: технологично, без особого креатива, энтузиазм выражен средне. А вот уже колхозная жизнь на пятом курсе: наш студент в грузовике на мешках с картошкой. Энтузиазм выше среднего. Вот сбор колонны университета для прохождения на праздничной демонстрации. В группе студентов и преподавателей так же замечен студент В. Мазилов. Настроение среднестатистическое, первомайское.

Фотографий из учебных аудиторий меньше, и, если на снимке, запечатлевшем учебный процесс студента Мазилова нет, значит он в этот момент сидит в библиотеке.

Действительно, только фотографии, без живых комментариев самих участников событий, малоинформативны. А неординарность студента Володи Мазилова, конечно, проявлялась в самом важном - в умении учиться.

Обратимся к воспоминаниям Анны Жуковой - однокурсницы В.А. Мазилова. «В университет на факультет психологии (в 1971 год это было отделение факультета психологии, истории и права, годом позже психологии и биологии) Владимир поступил сразу после окончания школы. Первое впечатление при знакомстве с ним - интеллигентный мальчик из хорошей семьи. Юношей-школьников в 115-й группе было всего двое, остальные ребята были с рабочим стажем, отслужившие в армии. В то время первый месяц учебного года обычно проходил в деревне, студенты помогали колхозам в уборке урожая. Владимир сразу нашел общий язык с однокурсниками. Товарищество это не только продлилось и укрепилось во время учебы, но и сохранилось до сегодняшнего времени. Все пять лет учебы Владимир был отличником. Невозможно было представить у него в зачетке иной отметки, кроме пятерки. Но он не просто «всегда все знал» и был готов к ответу на любом семинаре, коллоквиуме или экзамене. Поражала широта и обширность его знаний, в его случае термин «энциклопедичность» не казался преувеличением. Например, на семинаре по философии сокурсники могли попросить его «изъявить желание» ответить на первый вопрос. Он уточнял: «на сколько?», конечно, просили «как можно дольше». И он 45 минут, до звонка на перемену, «раскрывал тему», начиная с изложения взглядов античных философов на нее... Интересно было и студентам, и преподавателю, который, конечно, понимал хитрость учебной группы, но было видно, что он наслаждается таким редким ответом, не перебивая и не останавливая. Не случайно редчайшая

пятерка по истории психологии (одна из двух на потоке) была, конечно, у Владимира. К Владимиру можно было обратиться за консультацией по любому предмету, и было видно, что он умело и с удовольствием делится своими знаниями. Например, даже во время экзаменов по математике можно было увидеть, как он, получив свою пятерку, в коридоре объясняет решение задачи или какой-то нюанс в теории, и кого-то это выручало на экзамене. Склонность Владимира к преподавательской деятельности была очевидна с первых курсов. Уже во время учебы его привлекали к проведению занятий для студентов младших курсов. С первых же курсов Владимир начал заниматься научной работой на кафедре общей психологии. Под руководством Юрия Константиновича Корнилова Владимир занимался вопросами когнитивной психологии (вопросами мышления и понимания), успешно защитил интересную дипломную работу. Владимира искренне уважали и однокурсники, и преподаватели. Он сам определял для себя дополнительные образовательные задачи. Например, на первом же курсе записался в группу изучения французского языка для начинающих, считая, что знание еще одного иностранного языка пригодится в дальнейшей работе. Начитанность, общий кругозор, системность знаний и одновременное владение огромным объемом разнообразного фактического материала, интеллигентность, доброжелательность, тактичность - все это, безусловно, привлекало, вызывало доверие и уважение. В 1976 году Владимир получил Диплом (с отличием) и поступил в аспирантуру».

Действительно, начитанность и образованность вчерашнего школьника, его умение и, главное, желание делиться своими знаниями с другими, удивляли и, вместе с тем, вызывали огромное уважение. Вот еще один небольшой сюжет из воспоминаний о Владимире Александровиче другой его однокурсницы Галины Коломийчук: «На втором курсе близился экзамен по общей психологии, который у нас вел Ю.К. Корнилов. И вот Юрий Константинович на последнем занятии

объявляет, что «автоматом» получают «отлично» Мазилев Володя и я. Ну, Володя-то Мазилев – понятно! А мне-то за что?! Я тогда от счастья совсем голову потеряла!»

То есть, то, что Володя получает пятерку «автоматом» - это само-собой разумеющееся и ни у кого никаких сомнений не вызывает.

У автора этих строк тоже есть личное воспоминание, подтверждающее свидетельства А. Жуковой и Г. Коломийчук о глубине и системности знаний нашего сокурсника.

Наша группа сдавала экзамен по патопсихологии профессору Михаилу Семеновичу Роговину. У меня в билете: «Закон Рибо (Закон регрессии)». Билет хороший, полученная оценка в зачетке радует, и вот, уже практически на выходе, меня настигает вопрос Михаила Семеновича:

- Да, кстати, не напомниме, а как, все-таки, звали господина Рибо? - И тут я впадаю в ступор: не помню и все тут! Михаил Семенович выдержал паузу и очень добродушно говорит:

- А вот представьте, что когда Вы станете известным ученым и на стене нашего университета повесят памятную доску, где напишут, что здесь училась с такого-то по такой-то годы замечательный ученый-психолог ... И будет только Ваша фамилия без имени? Неудобно получится... - и лукавый взгляд профессора окончательно добивает меня! С пылающими от стыда щеками вылетаю в коридор и, конечно, сразу к Володе (он, как обычно, консультирует по самым трудным вопросам тех, кому еще только предстоит экзамен):

- Как звали Рибо?!» – Володя удивленно прерывает консультацию:

- Ну, послушай, Теодюль Арман Рибо родился в 1839 году в Генгане, в Бретани в семье аптекаря...

Как говорится, чего ж вам боле? Мы и раньше были уверены, что Володя Мазилев «знает все», но что б до такой степени! Напомню, речь идет о 70-годах прошлого века - никаких электронных ресурсов и в помине не было: «книга-источник знаний»!

Кстати о книгах. В своей статье, посвященной памяти В.А. Урываева, В.А. Мазиллов отмечает, как увлеченно Владимир Анатольевич собирал свою библиотеку и как умело это делал: «На факультете существовал культ знания, культ науки. Широта проблемного поля психологии была быстро осознана, психологи бегали по книжным магазинам, у каждого формировалась своя личная библиотека. Причем в поле внимания попадала не только психология, но и философия, биология, социология» [Мазиллов]. Вот уж кто самым активным образом собирал свою личную библиотеку и регулярно заглядывал и в «Букинист», и в «Подписные издания», и во все другие книжные магазины Ярославля и Москвы, так это сам Владимир Александрович! И круг его интересов был гораздо шире означенных в приведенной выше цитате. Конечно, особый интерес, кроме психологии и философии, вызывала история. И возможно не все коллеги Владимира Александровича знают, что его особой любовью пользуется период античности. И по этому поводу автору данной статьи припоминается один курьезной случай, который, правда, связан уже не со студенческим, а значительно более поздним периодом нашего общения. Надеюсь, все кто хоть мало-мальски знаком с Владимиром Александровичем, знают его как очень скромного человека. Именно поэтому выудить или буквально выцарапать из него идею какого-нибудь подарка или сувенира, того, что порадовало бы его, очень сложно: утруждать других людей своими просьбами он не любит и вообще, «ему лично практически ничего не надо». Но однажды, собираясь отдохнуть на Крите, я прицепилась к нему со старой шуткой про Грецию, где, как известно, все есть, но у меня нет желания тащить кусочек Кносского дворца ему на радость - подсудное дело! Может, что-то попроще придумаем? Наконец решили, что неплохо бы иметь на столе ученого маленький скромный бюстик Аристотеля. И вот нахожу в Ираклионе не просто лавочку с магнитиками и кружками, а вполне приличный сувенирный магазин, и вижу на верхних полках целые шеренги: Сократы, Платоны, Аристотели, Гомеры

и прочие известные миру греки – все в одном строю, разных размеров и в любом количестве. Выбираю среднекалиберного Аристотеля, в полной сохранности доставляю в Ярославль и торжественно вручаю настоящему ценителю античности. Владимир Александрович увлеченно рассматривает фигурку и потом, мягко улыбаясь, говорит:

- Ты, конечно, будешь смеяться, но это не Аристотель!

Помню свое смятение:

- Не может быть: внизу на чистом древнегреческом написано «Аристотель», значит Аристотель!

- Дорогая, вообще-то у Аристотеля вполне явный шрам на лице был, а это вполне себе приличный какой-то древний грек, но не Аристотель!

В общем, веселились мы по этому поводу долго.

Итак, оглянувшись в прошлое, в студенческие годы Владимира Александровича, мы видим сформированную базу интеллектуальной одаренности будущего ученого: системность любых знаний, полученных тем или иным способом, прекрасную память, трудолюбие и мощную учебную мотивацию. А современные исследователи проблем одаренности констатируют: «способности развиваются в познании не только физического, но и социального мира, строго не детерминированного, проявляющегося в человеческих страстях, желаниях, устремлениях, тесно переплетающихся с моральными нормами» [Шадриков, 2002]. Остановимся на очень актуальной для нашего времени теме моральных норм. У нас есть все основания отнести В.А. Мазилова к нравственной элите общества, как понимали это А. Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [Журавлев, 2011], предложившие в качестве критериев принадлежности к нравственной элите участие в общественно-полезной деятельности, строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам, способность к решению нравственных задач и проблем, способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере, оказание безвозмездно помощи другим людям.

Проще говоря, речь идет о такой тонкой материи как порядочность. Все коллеги, ученики и друзья Владимира Александровича, общающиеся с ним на протяжении многих лет, наверняка вспомнят примеры такого «строгого следования нравственным принципам». Действительно, когда в современном обществе главной ценностью для большинства становится нерушимость «моего личного пространства» и расширение «зон комфорта», все труднее находится время для других людей. Мало кто вспоминает, что есть такое понятие как чувство долга. Вот у Владимира Александровича оно присутствует в полной мере. Он и еще несколько бывших однокурсников находили время навещать в Тутаеве нашего сокурсника Володю Царева, когда он, уйдя в отставку из райотдела милиции, тяжело заболел и был парализован. Немногим дано это качество - заботиться о людях, пока они с нами и не забывать ушедших.

Свое отношение у Владимира Александровича к Учителям. Это благодарность, это умение учиться у них всю жизнь и умение хранить память о них. Все это мы видим в замечательных статьях и эссе, которые он посвятил М.С. Роговину, В.С. Филатову, В.В. Новикову и многим другим.

Уж если мы заговорили о книгах, статьях и записках Владимира Александровича, то невозможно, отдав дань чистоте фактического материала, оставить без внимания блестящий и всегда узнаваемый стиль изложения любого написанного им текста. Это прекрасное владение русским языком, невероятная эрудиция и, подчас, очень тонкая ирония, которая украшает самые сложные тексты. Когда научную статью читать интересно, она захватывает и ты не можешь оторваться – это, безусловно, признак литературной одаренности автора. Полагаем, что Владимир Александрович, несомненно, стал бы ВПЗР-ом, если бы поставил перед собой такую задачу. ВПЗР - это шутовское сокращение для обозначения особо тщеславных творцов: Великий Писатель Земли Русской! Как мы знаем, Владимир Александрович – большой знаток и ценитель

художественной литературы, но своих амбиций на этот счет не имеет. А жаль! Действительно, времени на все не хватает.

Но для своих друзей он находит время. И это время прекрасного общения: о стихах (поэзию Бориса Пастернака, Арсения Тарковского, Иосифа Бродского, Александра Кушнера и многих других любит и знает), о психологии и психологах, о музыке, о кинематографе, о современной литературе и экономике, и просто о жизни. И обо всем этом - с великолепным чувством юмора и россыпью анекдотов. В этой связи вспоминаются размышления Фазиля Искандера: «... в чем главная тайна человека? ... Сокровенная, сжигающая душу тайна человека, о которой он редко догадывается, это неосознанная жажда полноты внимания к нему другого человека ... Не только человек, но и все живое чувствует и расцветает от полноты внимания ... Природной полнотой внимания к человеку ... одарены немногие люди. Но они есть» [Искандер, 2011]. Несомненно, к таким редким людям относится Владимир Александрович Мазиллов.

И пусть следующие долгие годы жизни Владимира Александровича будут наполнены интересными научными проектами, яркими поездками, открытиями «новых порталов» в музыке, кино и литературе, а также футбольными страстями и прочими радостями бытия. Пусть жизнь будет таинственна еще!

*Панкова Наталья Михайловна
кандидат психологических наук, старший преподаватель
ФГАОУ ДПО «Петербургский энергетический институт
повышения квалификации»,
г. Санкт-Петербург*

Профессору Владимиру Александровичу Мазилу исполняется 70 лет. И от имени членов диссертационного совета 33.2.028.05, заместителем председателя которого он является, поздравляем Владимира Александровича со славным юбилеем.

Владимир Александрович как личность разносторонняя добивается успехов во многих сферах своей деятельности. Эффективную работу в диссертационном совете он успешно сочетает с продуктивной административной, педагогической и научно-исследовательской деятельностью.

Владимир Александрович возглавляет кафедру общей и социальной психологии, на которой работает 6 докторов наук. Он успешно справляется с руководством такого сложного научно-педагогического коллектива. Об этом свидетельствует тот факт, что кафедра неоднократно занимала первые и призовые места в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского по результатам оценки учебной и научной деятельности студентов и преподавателей.

Владимир Александрович добился выдающихся успехов в преподавании таких фундаментальных предметов как история и методология психологической науки, которые, традиционно, сложно воспринимаются студентами. Однако Владимир Александрович находит и использует такие формы и средства преподавания, которые обеспечивают глубокое понимание и немеханическое освоение учебного материала. Студенты и аспиранты любят и уважают Владимира Александровича и как человека, и как преподавателя, и с удовольствием посещают проводимые им занятия.

Особенно ярко творческий потенциал Владимира Александровича проявился в рамках его научно-исследовательской деятельности. Продолжая традиции своих учителей, Владимир Александрович самое пристальное внимание в своих исследованиях уделяет разработке теоретико-методологических проблем общей психологии и истории психологической науки. Его перу принадлежит большое количество научных работ, представленных в форме монографий, учебных пособий, учебников и научных статей.

Владимир Александрович является автором ряда оригинальных психологических концепций, включая концепцию коммуникативной методологии психологической науки и концепцию интеграции психологического знания. Широта и оригинальность творческого мышления Владимира Александровича отразилась и в том, что он является основоположником направления «поэтической психологии», в рамках которой реализуется базовое положение, что академическое знание не является единственной формой существования психологических знаний.

Существенный вклад Владимира Александровича в развитие психологической науки общепризнан коллегами и отмечен многочисленными наградами, включая звания, медали, грамоты, почетные знаки и заслуженные победы в многочисленных номинациях.

Владимир Александрович играет важную роль в обеспечении систематической и эффективной работы диссертационного совета 33.2.028.05, включая функционирование методологического семинара, действующего при совете. Как член диссертационного совета Владимир Александрович выполняет громадную организационную работу не только по экспертизе диссертационных исследований, но и по оказанию консультативной помощи соискателям. В общении с соискателями Владимир Александрович всегда доброжелателен и демонстрирует готовность оказать им любую методическую и теоретическую помощь.

С Юбилеем, Владимир Александрович! Желаем Вам научной и творческой самореализации, энергии и жизнелюбия, здоровья и семейного счастья!

*Поваренков Юрий Павлович
доктор психологических наук, профессор кафедры
общей и социальной психологии Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского,
председатель диссертационного совета 33.2.028.05.
по защите кандидатских и докторских диссертаций, г. Ярославль*

Дорогому другу!

В этом году российские психологи отмечают важную дату - 70 лет со дня рождения одного из ведущих современных российских психологов Владимира Александровича Мазилова. Я не сомневаюсь, что в многочисленных поздравительных обращениях коллег будут перечислены не менее многочисленные научные заслуги юбиляра. В своём приветствии я хочу обратиться к личным качествам Владимира Александровича.

Владимир Александрович Мазилов – мой давний и близкий друг. Мы оба закончили факультет психологии Ярославского государственного университета им. Демидова. Я был выпускником первого выпуска, подарившего психологической науке целую плеяду достойных её представителей. Владимир Александрович – выпускник следующего выпуска, многие представители которого также заслужили признание и уважение российского психологического сообщества. Хочу отметить, что даже на фоне этих незаурядных людей, уже в годы учёбы Владимир Александрович проявил себя как исключительно способный, точнее говоря – талантливый студент. Он регулярно досаждал преподавателям глубокими, порой каверзными, вопросами, блестяще выполнял все учебные задачи и закончил факультет с отличием. Уже, будучи студентом старших курсов, Владимир Александрович был приглашён руководством факультета к участию в научной и преподавательской работе. После окончания учёбы на факультете и аспирантуры Владимир Александрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию и продолжил заниматься научной и преподавательской работой.

С юных лет Владимира Александровича привлекали вопросы истории, теории и методологии психологической науки. Его выступления на научных конференциях и публикации в ведущих научных журналах неизменно вызывали, и продолжают вызывать большой интерес и признание коллег. Но наиболее привлекательные для меня лично качества

Владимира Александровича проявились и проявляются в условиях нашего неформального межличностного общения. Владимир Александрович, как в прочем и я, не очень склонен к публичному, тем более официальному взаимодействию. Но и во время наших дружеских, неформальных встреч главным предметом обсуждения были и остаются актуальные и неизменные проблемы состояния и развития психологии. И я всегда восхищался и восхищаюсь глубине мыслей и остроте высказываний Владимира Александровича. Широчайшая эрудиция, знание не очень популярных, но чрезвычайно интересных и любопытных фактов из жизни и творчества выдающихся представителей научной мысли (не только психологии, но также и философии и других наук) всегда превращали наши застольные беседы в интереснейшее и поучительное общение, о котором, могу сказать, цитируя Сент-Экзюпери, что это действительно единственная настоящая роскошь в жизни.

С большой благодарностью и теплотой вспоминаю нашу встречу в моём родовом поместье в урочище Цыбаки, где на берегах реки Которосли мы провели многие часы в обсуждении житейских и научных проблем современной жизни. Не менее живым и творческим было наше общение и в пансионате «Дом учителя», а позднее на базе «Диево городище» на регулярных Новиковских чтениях, и в Институте психологии Российской Академии наук. Не следует полагать, что наше общение сводилось только к неформальным контактам. Владимир Александрович является научным руководителем целой плеяды кандидатов, а теперь уже и докторов психологических наук. И как свидетель научного роста и успехов его учеников не могу не отметить ярко выраженные способности Владимира Александровича как Учителя и Наставника. Обращаясь к Владимиру Александровичу за советом, а иногда и за помощью, я всегда встречаю неизменное внимание, поддержку и заботу, стараясь, по мере своих скромных возможностей отвечать ему взаимностью.

Дорогой Владимир Александрович! Сердечно поздравляю Тебя с прекрасным Юбилеем. Ты пополняешь ряды 70-летних, то есть зрелых представителей нашего психологического братства! И это только начало периода научной зрелости, то есть плодородия и достижений. Желаю Тебе, прежде всего, крепкого здоровья, неизменной радости Творчества и роскоши человеческого Общения, а в них – основной залог жизненного Счастья!

*Позняков Владимир Петрович
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии
Института психологии РАН, г. Москва*

**Владимир Александрович Мазилков:
мой старший умный друг**

Имя Владимира Александровича Мазилова я знала задолго до знакомства с ним, читая его статьи и книги, слушая доклады на конференциях. Познакомившись, начав общаться по вопросам истории психологии, я наслаждалась эрудицией своего собеседника, широтой кругозора, точными характеристиками явлений. В то же время, Владимир Александрович был демократичен, отзывчив на вопросы и просьбы без малейшего снобизма. С ним хорошо обсуждать прочитанное, делиться книжными новинками.

Еще больше мы подружились, когда я обратилась к Владимиру Александровичу с просьбой уделить внимание моему студенту (сейчас - коллега) - Артему Костригину, принявшему решение поступить в аспирантуру Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Владимир Александрович согласился стать его научным руководителем, одобрив тему будущей диссертации - изучение психологических взглядов В.А. Снегирева (1841-1893). Пожалуй, Владимир Александрович не просто одобрил, а отнесся с большим интересом, разглядев в своем аспиранте и его теме большой научный потенциал. Во время написания кандидатской диссертации Артем Костригин значительно вырос, явно находясь под влиянием своего научного руководителя.

Наше общение с Владимиром Александровичем происходит на различных конференциях, среди которых хочется отметить ярославские «Чтения Ушинского», но особенно - «Век психологии в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», прошедшую в ноябре 2023 г. и посвященную столетнему юбилею организации кафедры психологии в Ярославском педагогическом институте. Как вдохновитель и организатор, искренно болеющий за сохранение исторических традиций своего вуза, города, Владимир Александрович, как историк

психологии, раскрыл еще одну свою сторону - историка региональной, «провинциальной» психологии. Этот большой и важный проект был сделан В.А. Мазиловым и Ю.Н. Слепко и завершился изданием монографии.

Уважаемый и дорогой Владимир Александрович, желаю Вам неиссякаемого научного любопытства, гражданского неравнодушия, интересных книг, добрых друзей и - здоровья!

*Стоюхина Наталья Юрьевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии управления
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

С МАСТЕРСТВОМ ЛЮДИ НЕ РОДЯТСЯ, НО ДОБЫТЫМ МАСТЕРСТВОМ ГОРДЯТСЯ

Обращаясь к характеристике основных биографических сведений о В.А. Мазилове, отметим, что биография юбиляра уже становилась предметом достаточно подробного описания [Мазилов..., 2008; Мазилов, 2023; Манتيкова, 2019; Новиков, 2021; Слепко, 2019; Слепко, 2021]. Ввиду этого для читателя, хорошо знакомого с жизнью и творчеством юбиляра, представленные ниже сведения открытием не станут. Однако будем надеяться, что они вызовут интерес для тех, кто впервые знакомится с творчеством выдающегося отечественного ученого.

1954

Владимир Александрович Мазиллов родился 21 июня 1954 г. в г. Ярославле в семье служащих

1961-1971

Обучался в средней школе № 30 г. Ярославля

1971-1976

Обучался на отделении психологии факультета психологии и биологии Ярославского государственного университета, по окончании которого с отличием присвоена квалификация «Психолог. Преподаватель»

1973-1976

Лаборант факультета психологии Ярославского государственного университета

1976-1980

Обучался в аспирантуре по общей психологии факультета психологии Ярославского государственного университета

1976

Младший научный сотрудник факультета психологии Ярославского государственного университета

1976-1982

Ассистент кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии Ярославского государственного университета

1982

В Институте психологии АН СССР Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач». Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор Н.П. Ерастов; официальные оппоненты: доктор психологических наук А.В. Брушлинский, кандидат психологических наук В.В. Рубцов; ведущая организация: кафедра общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

1982

Ассистент кафедры педагогики Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

1983

Заместитель декана факультета начальных классов Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

1984-1986

Декан факультета начальных классов Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

1984

Старший преподаватель кафедры педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

1988

Доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

1990

Присвоено ученое звание доцента по кафедре педагогики и психологии начального обучения

1992

Декан факультета начальных классов Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского

2000

В Московском педагогическом государственном университете защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук на тему: «Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки». Научный консультант: академик РАО, доктор психологических наук, профессор В.Д. Шадриков; официальные оппоненты: член-корреспондент РАН, действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор А.В. Брушлинский, действительный член РАО, доктор философских наук, профессор К.А. Абульханова, доктор психологических наук, профессор С.Д. Смирнов; ведущая организация: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

2000

Профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии начального обучения Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

2002

Объявлена благодарность Министерства образования Российской Федерации за разработку новых технологий в образовании

2002

Присвоено ученое звание профессора по кафедре психологии

2003

Награжден Почетной грамотой Департамента образования Администрации Ярославской области за участие в выставке «Психологические ресурсы образования»

2004 - н.в.

Профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

2008

Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»

2014

Присвоено звание «Заслуженный работник ЯГПУ им. К.Д. Ушинского» с вручением знака II степени

2020

Российской академией наук присуждена премия имени С.Л. Рубинштейна за серию научных работ по теме «Методология и история современной психологии»

ГЛАВА 1.

ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

1.1. МНОГОМЕРНОСТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЗИЛОВА

Аннотация. На примере творчества выдающегося отечественного психолога и педагога Владимира Александровича Мазилова рассмотрена проблема многомерности профессионализма высшего уровня (топ-профессионализма), проявляемого в сферах науки и образования. Представлены результаты методологического, наукометрического и содержательно-психологического анализа научного творчества и профессиональной деятельности В.А. Мазилова. Фактологическую базу исследования составили научные публикации В.А. Мазилова, зарегистрированные в базе данных Российского индекса научного цитирования. Обосновано понимание топ-профессионализма в сферах науки и образования, предполагающее наличие измерений (идентификаторов) не только ординарных (таких как формальная квалификация), но и особенных, целесообразных к применению именно в профессиональной страте специалистов высшего уровня профессионализма. Выделен ряд качественно разнородных ключевых измерений топ-профессионализма, дифференцированных на универсальные и специфические. Универсальные измерения пригодны для идентификации топ-профессионализма в рамках всей профессиональной группы субъектов труда, работающих в сферах науки и образования, либо ее подгруппы, представленной профессионалами высшего уровня квалификации и/или профессиональных достижений. В рамках исследования выделены следующие универсальные измерения: профессионализм «по гамбургскому счету», глубинность исследуемых проблем, масштабность решаемых задач. В свою очередь, специфические измерения характеризуют уникальность

творчества топ-профессионала, поскольку обусловлены, в первую очередь, особенностями его неповторимой индивидуальности, характерной для профессионалов высшего уровня. Так, в рамках исследования выделены следующие специфические измерения, характеризующие уникальность творческого мира В.А. Мазилова: переход качества в количество, историческая экологичность, поэтика методологии, образовательная пассионарность. Полученные результаты обеспечивают определенное подтверждение гипотезы о том, что многомерность творческой деятельности является необходимым условием достижения высших уровней профессионализма в сферах науки и образования.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, топ-профессионализм, измерения, идентификаторы, наука, образование, творчество, психология, методология

Введение

Непосредственным поводом для написания данной статьи послужил грядущий юбилей одного из наиболее известных российских ученых – Владимира Александровича Мазилова, психолога, педагога, философа, культуролога, методолога и организатора науки и образования, яркого представителя Ярославской психологической школы, достойно продолжающего и успешно развивающего ее глубокие научные и образовательные традиции.

Замысел этого материала в процессе работы над ним менялся несколько раз. Как, впрочем, и жанр: от аналитического обзора или сухой академической статьи – до набора дифирамбов и вольных размышлений. Причин этому было множество, но свою лепту вносил и коллективный, совместный характер труда: как выяснилось, несмотря на наличие множества совпадающих мнений (по поводу уровня профессионализма, значимости в российской психологии, роли в развитии Ярославской психологической школы и др.), у каждого из соавторов имеется

свое, в чем-то особенное отношение к личности и творчеству В.А. Мазилова, что только подтверждает центральную идею, неявно вынесенную в название статьи – творческий мир крупного ученого, такого как В.А. Мазилев, весьма многомерен, и это не только определяет его объективную, структурную и функциональную сложность, но и обеспечивает широкую вариативность его субъективного и личностного восприятия.

Отмеченные представления составили *предтеорию* (Мазилев, 1998, 2007b, 2017d) нашего исследования. Преодолев возникшие разногласия с помощью применения *коммуникативной методологии* (Мазилев, 2016e, 2023c, 2023d), мы пришли к общему мнению, что все же будем опираться на научное психологическое понимание *факта* (Мазилев, 2015i, 2018c) и *метода* (Мазилев, 2017d). В результате ***цель исследования*** была сформулирована следующим образом: на примере творчества В.А. Мазилова выявить обобщенные психологические и универсальные (междисциплинарные) характеристики многомерности профессиональной и социальной деятельности профессионалов высшей квалификации, работающих в сферах науки и образования. Заметим, что подобная цель в полной мере соответствует пониманию предмета психологии как *внутреннего мира человека* (Мазилев, 2020d, 2022a, 2023f), а тот факт, что в данном исследовании рассматривается творчество конкретного ученого, придает нашему анализу специфический, качественный и идиографический характер.

Методы

Методы исследования включили идиографический анализ творчества и социально-профессиональной деятельности В.А. Мазилова, наукометрический анализ его публикаций, методологический и содержательно-психологический анализ результатов (продуктов) его труда как профессионала высшей квалификации, работающего в сферах науки и образования.

Фактологическую базу исследования составили научные публикации В.А. Мазилова, зарегистрированные по состоянию на 01.02.2024 г. в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), представленной на сайте электронной библиотеки Elibrary (<https://www.elibrary.ru/>). Заметим, что, несмотря на довольно объемный список литературы к нашей статье (115 источников), приводимые в ее тексте ссылки на публикации В.А. Мазилова имеют, как правило, лишь характер примеров среди множества его работ, посвященных той или иной теме. Далее будем помнить об этом обстоятельстве, не отмечая его специально в каждом отдельном случае.

Результаты и их обсуждение

Топ-профессионализм и проблема его идентификации

Существует множество признаков, по которым можно отличить настоящего профессионала в той или иной области человеческой деятельности. Данные признаки, разумеется, во многом специфичны для различных областей труда. Но при этом в них можно выделить и некоторые общие, фундаментальные черты, характерные (пусть и в обобщенном виде) практически для любого труда. К таким чертам мы бы отнесли:

- четкое определение поставленной цели (не только и не столько внешнее, сколько собственное, внутреннее и в этом плане, в определенной мере, субъективное), включая планируемые задачи, прогнозируемые результаты, объективные пределы и ограничения возможного;

- выбор и подготовку инструмента, необходимого и достаточного для достижения поставленной цели и понимаемого в широком смысле – как любые по своей природе средства труда, включая средства мыслительные, функциональные и иные;

- получаемый в итоге достижения поставленной цели добротный (обладающий высоким качеством), устойчивый продукт труда, который, во-первых, действительно

представляет собой эффективное решение данной задачи, во-вторых, прослужит относительно долго, а не окажется сиюминутным муляжом, лишь имитирующим обещанный результат.

Все эти критерии, безусловно, применимы к творчеству В.А. Мазилова, с учетом даже не поправок, а скорее калибровок на его гуманитарную (психологическую, педагогическую и иную), а также преимущественно фундаментальную специфику: так, решаемые автором задачи чаще всего оказываются методологическими, теоретическими или историко-психологическими; соответственно, среди используемых методов исследования доминируют методы теоретические, качественные и идиографические.

Вместе с тем, указанные признаки характеризуют профессионализм, так сказать, обычный, ординарный, характерный для среднего профессионала. В то же время, когда речь идет о профессионалах высшего уровня, этих ординарных признаков становится недостаточно: такой профессионализм (топ-профессионализм) имманентно предполагает наличие новых, качественно иных признаков и соответствующих критериев их определения, на выявление которых направлено настоящее исследование. Заметим, что подобные признаки, зачастую, вовсе не очевидны, поэтому их выявление представляет собой отдельную проблему.

Субъекта труда, достигшего уровня топ-профессионализма (в определенной сфере профессиональной деятельности), естественно называть *топ-профессионалом*, отличая это понятие от широко распространившегося понятия «топ-менеджер»: последнее ведет свое происхождение из парадигмы менеджизма и характеризует социальный уровень иерархии управления, допуская, как показывает практика, возможности широкой вариативности проявляемого профессионализма.

Проявления их характеристик топ-профессионализма глубоко обусловлены сферой представляемой профессиональной деятельности. В рамках исследования мы ограничились

лишь сферами науки и образования, в наибольшей степени конгруэнтными творчеству В.А. Мазилова.

В целом проведенный анализ творческого мира В.А. Мазилова позволил выделить ряд качественно разнородных ключевых измерений топ-профессионализма, которые можно разделить на универсальные и специфические. Отметим также, что некоторые выделенные измерения уже сами по себе многомерны в том плане, что в некоторых случаях оказалось целесообразным рассматривать в качестве общего, единого измерения целый набор взаимосвязанных признаков.

Универсальные измерения топ-профессионализма

Выделенные универсальные измерения топ-профессионализма имеют достаточно общий характер и применимы к анализу творчества многих выдающихся ученых и практиков, работающих в сферах науки и образования, хотя их использование подразумевает необходимую калибровку, масштабирование с учетом специфики конкретной предметной области. В качестве подобных универсальных измерений выделены следующие: профессионализм «по гамбургскому счету», глубинность исследуемых проблем, масштабность решаемых задач.

1. Профессионализм «по гамбургскому счету»

Выделенная для анализа в рамках исследования область профессиональной деятельности топ-профессионалов является по сути интегративной, поскольку объединяет две относительно самостоятельные сферы – науки и образования. В силу такой интегративности в данной области неоднозначна роль формальной квалификации: так, для научной деятельности такая квалификация, в общем случае, весьма значима. Например, высшую квалификацию В.А. Мазилова как ученого характеризует наличие ученой степени доктора наук, ученого звания профессора, множества релевантных

профессиональных званий, наград и статусов (таких как «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», член Этического комитета Российского психологического общества, член ряда диссертационных советов и Экспертного совета ВАК РФ, и др.). В то же время, для деятельности в сфере образования топ-профессионализм, в общем случае, возможен и без наличия каких-то особенно высоких формально-квалификационных показателей (многочисленные подтверждения этого можно обнаружить, например, в истории педагогики).

В силу этого в качестве одного из ключевых идентификаторов топ-профессионализма в сферах научной и образовательной профессиональной деятельности в рамках исследования выделено измерение, которое мы условно назвали *профессионализмом «по гамбургскому счету»*. Ключевыми индикаторами данного измерения являются разнородные проявления признания со стороны соответствующего профессионального сообщества. Дифференцируя это измерение, мы имели в виду, что квалификация отражает более формальную, учетно-документальную сторону предпосылок высокой эффективности труда профессионала, в то время как признание профессионального сообщества (реальное, а не формальное; осуществляемое «по гамбургскому счету») подразумевает уже несколько иную, более живую, жизненную характеристику профессионализма, проявляемого в реальных, фактических профессиональных делах и достижениях.

Так, упомянутое признание профессионального сообщества проявляется, в частности, в том, что В.А. Мазиллов является широко цитируемым автором. Например, по состоянию на 01.02.2024 г. его публикации, зафиксированные в РИНЦ, имели 6426 цитирований, а его индекс Хирша (по публикациям в РИНЦ) составлял 38. При этом по индексу Хирша В.А. Мазиллов располагался на 34-м месте среди более чем 18-ти тысяч авторов, зарегистрированных в РИНЦ в предметной области «Психология».

Другим, пусть и более косвенным подтверждением является тот факт, что работы В.А. Мазилова публиковались (а значит – проходили профессиональную экспертизу, рецензирование и т.п.) во многих научных журналах. Так, например, даже в списке литературы к данной статье можно насчитать более 30-ти подобных журналов, представляющих различные научные школы и организации, а также регионы нашей страны и зарубежья.

2. Глубинность (фундаментальность) исследуемых проблем

С учетом специфики рассматриваемой профессиональной области речь здесь идет, в первую очередь, о фундаментальности исследуемых научных проблем, относящихся к сферам психологии и педагогики, но не только: так, в работах В.А. Мазилова нередко исследуются наиболее фундаментальные основания научного психологического познания, связанные с конструктами, обладающими высочайшей степенью общности и универсальности (а в силу этого – фактически выходящие за дисциплинарные рамки психологии в область общенаучной методологии, философии науки и социальной философии).

Например, одно из центральных мест в творчестве В.А. Мазилова занимает проблема предмета психологии, к которой он обращался на протяжении длительного времени – см., например, (Мазилов, 1997, 2006с, 2014а, 2020е). Одним из ключевых результатов этого многолетнего поиска стала глубоко обоснованная интерпретация предмета психологии как внутреннего мира человека (Мазилов, 2017а, 2018а, 2022с, 2023f; Мазилов, Шадриков, 2023; Шадриков, Мазилов, 2023), получившая развернутое изложение в монографии (Мазилов, 2020d). При этом внутренний мир человека рассматривается автором не как нечто застывшее, архаичное, переданное нам из глубины веков, но как обобщенное качество и способ существования человека современного, не только рефлексирующего, но и действующего, в частности,

осуществляющего различные виды деятельности (Мазиллов, Слепко, 2019). При этом жизнедеятельность такого человека осуществляется, в частности, в условиях глобальной и тотальной цифровизации (Мазиллов, 2017с).

Проблема предмета рассматривается В.А. Мазилловым в различных ракурсах, характеризуемых, в частности, отношениями предмета психологии с такими фундаментальными категориями психологии и науки в целом как сознание (Мазиллов, 2019d), знание (Мазиллов, 2023f), объяснение (Мазиллов, 2020f) и др.

Сдругойстороны,проблемапредметавработавВ.А.Мазилова анализируется в тесной связи с не менее фундаментальной проблемой метода в психологии (Мазиллов, 2017d, с. 224-246), в том числе, в аспекте его соотношения с теорией (Мазиллов, 1998) – данной проблеме, в частности, была посвящена докторская диссертация В.А. Мазилова (Мазиллов, 1999). Естественным конкретно-содержательным дополнением изучения общей проблемы метода является анализ специфических проблем конкретных исследовательских методов психологии, в том числе, эксперимента (Мазиллов, 2011b; 2017d, с. 119-149), самонаблюдения и интроспекции (Мазиллов, 2007d; 2017d, с. 83-119) и др., равно как и проблем методов конкретных предметных областей психологии, например, методов изучения одаренности (Мазиллов, Слепко, 2021с; Шадриков, Мазиллов, Слепко, 2018).

Другими примерами фундаментальных категорий психологии и науки в целом, рассматриваемых в работах В.А. Мазилова, являются:

- факт (Мазиллов, 2015а, 2015i, 2018с; Мазиллов, Стоюхина, 2014);
- знание – научное, в первую очередь, психологическое (Мазиллов, 2018е, 2021е, 2023f);
- понятие, в первую очередь, в структуре понятийного пространства психологии (Мазиллов, 2018f, 2020с; Мазиллов, Слепко, 2023d);

- понимание и объяснение, в первую очередь, в психологии – этой теме посвящены многие статьи (Мазиллов, 2008b, 2018d, 2023f; Мазиллов, Костригин, 2020; Мазиллов, Слепко, 2023с), учебное пособие (Мазиллов, Слепко, 2020а), а также соответствующий раздел монографии (Мазиллов, 2006b).

Ряд рассматриваемых В.А. Мазилловым фундаментальных категорий имеет междисциплинарный характер – например, воспитание (Мазиллов, Слепко, 2021b). Кроме того, в работах В.А. Мазилова широко исследовались фундаментальные, системообразующие общепсихологические категории, такие как:

- личность (Мазиллов, 2017е, 2019с);
- деятельность (Мазиллов, Слепко, 2015, 2023е);
- отношение (Мазиллов, Базиков, 2015);
- мысль и ноэма (Мазиллов, Слепко, 2016);
- способности, одаренность талант (Мазиллов, 2020i; Мазиллов и др., 2023; Мазиллов, Слепко, 2021d, 2022а), включая их проявления в той или иной конкретной сфере, например, в сфере педагогической деятельности (Мазиллов, 2022d; Мазиллов, Костригин, 2022; Шадриков, Мазиллов, Слепко, 2021) или социального взаимодействия (Мазиллов, Слепко, 2020b).

ПалитраначуныхинтересовВ.А.Мазилованеограничивается, разумеется, лишь приведенными направлениями исследований и изучаемыми фундаментальными категориями. В нее входит и множество иных, разноплановых работ: от вполне классических и академических – как, например, изучение биосоциальной проблемы (Мазиллов, 2020а) – до весьма специальных, таких как изучение условий формирования чувства ритма у обучающихся по классу фортепиано (Мазиллов, Максимов, 2019).

3. Масштабность решаемых задач

С учетом специфики рассматриваемой профессиональной области речь идет, в первую очередь, о масштабности решаемых практических, преобразовательных задач в сферах науки и образования. К ним можно отнести задачи:

- конструктивного преодоления (или, точнее, переосмысления) кризисов в психологии (Мазиллов, 2015b);
- рациональной демаркации и интеграции фундаментальной и прикладной психологической науки, академической и практической психологии (Мазиллов, 2014b, 2015e, 2015g, 2015h; Мазиллов, Слепко, 2021a), в том числе, например, в отношении разночтений в понимании личности (Мазиллов, 2017e).

Значительное место в творчестве В.А. Мазилова занимает разработка особой – коммуникативной – методологии, призванной объединить представителей различных течений, направлений, школ, научных парадигм психологии, предоставить им возможности понимать друг друга и конструктивно взаимодействовать в рамках научного познания и психологической практики (Мазиллов, 2005, 2016d, 2023d); соответственно, подобная методология призвана способствовать плодотворной интеграции научного и практического психологического знания (Мазиллов, 2006a, 2016e, 2018b, 2021b, 2023c).

Специфические измерения топ-профессионализма

Подобные измерения, выделенные в рамках нашего анализа, характеризуют уникальность творческого мира В.А. Мазилова, поскольку обусловлены особенностями его неповторимой индивидуальности как профессионала высшего уровня. Выделены следующие специфические измерения: переход качества в количество, историческая экологичность, поэтика методологии, образовательная пассионарность.

1. Качество, переходящее в количество

Известный тезис классической философии (в его современной трактовке) констатирует возможность, а в некоторых случаях – закономерность перехода количества в качество. Это положение получило подтверждение и развитие, в частности, в рамках теорий самоорганизации и синергетики

(В.И. Арнольд, А.А. Богданов, И. Пригожин, Г. Хакен и др.), а также концепций и практики распространения больших данных (Big Data). В творчестве В.А. Мазилова данный феномен также прослеживается: например, настойчивые, многолетние и разноплановые исследования крупных теоретических и практических проблем в итоге приводят к углублению понимания их сути, качественному улучшению доказательной базы полученных результатов и выводов, методической отшлифованности объяснительного представления разработанных моделей, методов и конструкторов. Вместе с тем, интересным представляется и наблюдаемый на примере данного творчества другой феномен, обратный по отношению к предыдущему: его можно обозначить как переход качества в количество.

Более подробно причинно-следственные связи данного феномена можно описать следующим образом: в рассматриваемом творчестве высокий (топ-) профессионализм определяет не только соответствующее высокое качество научных исследований, но и их способность к понимаемой в определенном смысле самоорганизации, проявляемой в возникновении новых научных работ, обладающих многочисленными связями с предыдущими и при этом обязательно содержащих новое, качественную прибавку научного, методического или практического знания. Точнее, речь здесь идет, конечно, про квазиспособность, поскольку при всей объективированной субъектности, представленной в научных работах, их последующая «самоорганизация» выполняется, как правило, за счет непосредственного участия их автора. Конкретным индикатором упомянутого феномена является тот факт, что печатные работы В.А. Мазилова характеризуются не только высоким качеством, но и удивительно большим количеством. Так, например, в РИНЦ по состоянию на 01.02.2024 зафиксировано 846 его разнородных публикаций (в том числе, выполненных в соавторстве), опубликованных в период с 1980 по 2023 гг.

2. Историческая экологичность

На наш взгляд, в творчестве В.А. Мазилова история психологии выступает, в том числе и в первую очередь, как глубинное личностное основание конструктивной ценностно-смысловой позиции исследователя и практика, связанной не только с сохранением исторической памяти, но и с ее конструктивным и актуальным применением в сложных современных условиях, одной из доминирующих тенденций которых является интенсивное размывание прежних традиций, этических и нравственных норм, границ допустимого и дозволенного, пределов разумного, критериев истинности и т.д. Подобные процессы отражены во многих социальных и философских концепциях – например, «текучей современности» Дж. Урри (J. Urry) или «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда (P. Feuerabend) с его нарочито провокативным центральным тезисом «возможно (допустимо) все» («anything goes»). В этом плане историческая экологичность, отчетливо выраженная в творчестве В.А. Мазилова, понимается нами как своего рода заслон, барьер на пути распространения тотального релятивизма, который, зачастую, является лишь «обманкой» (намеренной манипуляцией) под лозунгами мнимой свободы и гипертрофированной толерантности.

Приведем несколько примеров проявления исторической экологичности в творчестве В.А. Мазилова. Так, одной из наиболее цитируемых его работ является монография (Мазилов, 1998), посвященная историко-методологическому анализу становления теории, метода и предмета психологической науки: согласно данным РИНЦ по состоянию на 01.02.2024 г. данная монография имела 286 цитирований. К проблематике данной предметной области психологического знания В.А. Мазилов обращался в своем творчестве неоднократно – см., например, (Мазилов, 2007d, 2017d; Мазилов, Шадриков, 2023).

Помимо общих, выделенных по собственно методологическим основаниям исторических проблем психологии, В.А. Мазилов представил также блестящие

идиографические образцы историко-психологического анализа, имеющие различную степень объема, глубины и фундаментальности (от рецензий, юбилейных и мемориальных заметок—до «полнометражных» научных статей и аналитических разделов книг) и связанные с персоналиями многих известных ученых, философов, общественных деятелей, в первую очередь, отечественных (но не только), относящихся (точнее, несколько условно отнесенных нами – поскольку в некоторых случаях творчество того или иного автора охватывает сразу несколько выделенных периодов) к разным историческим периодам генезиса научного психологического знания:

- зарождения (И.А. Кедров, В.А. Снегирев, К.Д. Ушинский, В.Ф. Чиж и др.; в том числе, такие зарубежные авторы как Х. Вольф, Р. Декарт, Демокрит, Дж. Милль, И. Тэн и др.); исследования подобного рода представлены, например, в статьях (Мазиллов, 2016а, 2017f, 2019а, 2023а, 2023b, 2023g);

- становления (В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, А.Ф. Лазурский, Д.И. Рейтынбарг, Н.А. Соколов, А.А. Ухтомский, И.П. Четвериков и др.; в том числе, такие зарубежные авторы как М. Вертгеймер, В. Вундт, Г. Мюнстерберг, Г. Фехнер и др.); исследования подобного рода представлены, например, в статьях (Мазиллов, 1996, 2007а, 2015а, 2019b, 2021а; Мазиллов, Слепко, 2023b; Мазиллов, Стоюхина, 2018);

- периода развития, фактически ставшего классическим (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, М.М. Бахтин, В.Н. Дружинин, Н.П. Ерастов, Б.В. Зейгарник, В.П. Зинченко, В.В. Карпов, Л.Н. Ланда, А.Н. Леонтьев, В.В. Новиков, Д.А. Ошанин, К.К. Платонов, Я.А. Пономарев, Б.Ф. Поршневу, М.С. Роговин, С.Л. Рубинштейн, П.А. Рудик, Н.Ф. Талызина, Г.В. Телятников, Б.М. Теплов, Л.И. Уманский, Л.П. Урванцев, В.С. Филатов и др.; в том числе, такие зарубежные авторы как Л. Витгенштейн, Дж. Гилфорд, Л. Секей, А. Маслоу, К. Юнг и др.); исследования подобного рода представлены в статьях (Мазиллов, 2000а, 2007с, 2008а, 2015d, 2016b, 2016с, 2016f, 2016g, 2017g, 2020b, 2020j,

2021g; Мазиллов, Слепко, 2023e); при этом особое, глубокое и широкое внимание В.А. Мазиллов уделил личности и творчеству своего учителя М.С. Роговина (Мазиллов, 2011a, 2015c, 2021c, 2022b), а также основателя Ярославской психологической школы В.С. Филатова – его творчество представлено в монографии (Мазиллов, Слепко, 2022b) и во многих статьях, например, (Мазиллов, 2015f);

- современного развития, в том числе, в новом тысячелетии (А.Л. Журавлев, Г.В. Залевский, В.А. Зобков, А.В. Карпов, В.В. Козлов, В.Г. Морозин, В.Ф. Петренко, В.П. Позняков, В.А. Урываев, Н.П. Фетискин, В.Д. Шадриков, А.В. Юревич и др.); примерами могут служить работы (Мазиллов, 2012, 2017b, 2018g, 2021d).

Приведенное многообразие идеографических историко-методологических исследований в творчестве одного автора поражает еще и тем, что во многих случаях речь здесь идет не просто об исторической справке, а о серьезном контекстно-историческом анализе, имеющем, помимо всего прочего, существенную личностно-ориентированную составляющую. Главное же состоит в том, что все подобные работы направлены на сохранение исторической памяти, образующей фундамент человечности, личностной и гражданской идентичности.

Помимо отмеченного персонифицированного, идеографического исследования творчества конкретных ученых, выступающих в качестве субъектов научного познания, организации науки и социальной практики, существенное внимание в творчестве В.А. Мазилова уделено и некоторым групповым аналогам подобных субъектов, в первую очередь, Ярославской психологической школе как организованному сообществу исследователей и практиков, имеющему (а главное – бережно сохраняющему и применяющему) свои собственные, особенные, уникальные традиции. К данной теме В.А. Мазиллов обращался неоднократно на протяжении многих лет, раскрывая ее новые грани (Мазиллов, 2018h, 2019a, 2020h; Мазиллов, Слепко, 2023a).

3. Поэтика методологии

Согласно определению, сформулированному в «Большой советской энциклопедии» (см.: <https://bse.slovaronline.com/>), термин «поэтика» (ведущий свое происхождение от греч. ‘poietike’ – поэтическое искусство) означает совокупность художественно-эстетических и стилистических качеств, определяющих своеобразие явления литературы, кино, театра. Распространяя это определение на сферу науки, под поэтикой методологии мы понимаем, в первую очередь, использование в научном исследовании художественно-образных приемов, поэтических метафор и иных тому подобных художественных средств, усиливающих не только аффективную составляющую восприятия, но и его собственно когнитивную, рационально-рассудочную составляющую, обеспечивая соединительный мостик между пониманием автора и объяснением этого понимания для читателя.

Творчество В.А. Мазилова предоставляет множество подобных примеров, из которых мы приведем лишь несколько. Так, одним из наиболее известных является трактовка психических явлений, содержания психики как внутреннего *мира* человека (Мазилов, 2017а, 2018а, 2022а).

Другими примерами могут служить:

- представление современной психологической науки как реконструируемого или надстраиваемого здания, находящееся в *строительных лесах* (Мазилов, 2020g);

- метафора *чужой колеи*, используемая для сравнительного анализа парадигм развития психологии (Мазилов, 2000b).

В предисловии к книге В.В. Козлова, посвященной психологии личности, В.А. Мазилов образно представляет раскол психологии на академическую психологию и психологию личности, опираясь на метафору *мятежа инакомыслящих* и отмечая: суть этого «мятежа» состояла в том, что проблематика личности фактически привела психологов к другому предмету, а его результатом явился раскол психологии, при котором за академической психологией осталась научность, а за

психологией личности – жизненность (Мазиллов, 2023е, с. 9).

Еще один пример. Наряду со строгим методологическим обоснованием выстраиваемой им коммуникативной методологии психологии, В.А. Мазиллов, следуя рассматриваемой поэтической традиции, представляет ее также образно – как *мосты*, преодолевающие пропасти отчуждения и разрушающие *стены* непонимания (Мазиллов, 2004, 2015j, 2019е).

4. Образовательная пассионарность

В творчестве В.А. Мазилова значительное внимание уделяется образованию, в первую очередь, для новых поколений. Отнюдь не случайно среди работ В.А. Мазилова (в том числе, выполненных в соавторстве) первые два лидирующих места по числу цитирований занимали, согласно данным РИНЦ по состоянию на 01.02.2024 г., учебное пособие (Шадриков и др., 1990), посвященное познавательным процессам и способностям в обучении, а также издание 2015 года учебника по общей психологии (Шадриков, Мазиллов, 2023): на первое из них в РИНЦ зафиксировано 424 цитирования, на второе – 350.

Среди работ В.А. Мазилова (в том числе, выполненных в соавторстве) имеется ряд работ учебного плана, в числе которых, в частности:

- широко известный учебник по общей психологии (Шадриков, Мазиллов, 2023), переиздаваемый издательством «Юрайт» практически ежегодно, начиная с 2015 года;
- учебные пособия, посвященные познавательным процессам и способностям в обучении (Шадриков и др., 1990), методологии психологии (Мазиллов, 2007b), объяснению в психологическом исследовании (Мазиллов, Слепко, 2020a).

Характеризуя образовательную деятельность В.А. Мазилова в ее непосредственно педагогическом, наставническом аспекте, можно отметить, что в составе его учеников, помимо многих тысяч студентов, имеется также свыше 20-ти аспирантов и соискателей, защитивших кандидатские или докторские

диссертации по психологии под его научным руководством. Этот факт позволяет говорить о том, что к настоящему времени сформировалась психологическая научная школа В.А. Мазилова, занимающая важное место в общей структуре современной Ярославской психологической школы.

В одной из своих статей В.А. Мазиллов специально обращается к психологической молодежи, подчеркивая принципиальную важность осуществляемого ею выбора ориентиров профессионального и личностного развития: при этом, по мнению автора, в число подобных ориентиров должны входить ценностно-смысловые ориентации, во-первых, на интерес к фундаментальной науке (в том числе, в случае деятельности молодого психолога в области психологической практики), во-вторых – на сохранение самобытности российской психологии (Мазиллов, 2021f). Трудно не согласиться с выводом автора о том, что современная российская психология находится на пороге масштабных перемен и то, какой она будет, зависит в значительной степени от выбора научной молодежи – будущего психологической науки (Мазиллов, 2021f, с. 22). Вместе с тем, в современных условиях недостаточно что-то сказать – надо еще быть услышанным. Дело в том, что в перегруженном современном информационном пространстве этические в широком смысле (в том числе, моральные, нравственные, ценностные, смысловые и т.п.) оценочные суждения, даже наиболее важные и обоснованные, превратились (в значительной степени – искусственно и намеренно) в «белый шум», теряясь в бесконечном потоке альтернативных суждений и просто бессмысленной, «мусорной» информации. В качестве защитной реакции у современной молодежи наблюдается своеобразное сужение поля сознания, связанное, в том числе, с селекцией воспринимаемой информации, равно как и с выбором ее источников: при этом замена серьезной литературы (адекватных печатных книг и книг вообще, научных статей и др.) на ее редуцированные муляжи и эрзац-аналоги (тик-токи, ютуб-ролики и т.п.; сообщения в мессенджерах, социальных сетях,

блоггах и т.п.) приводит к ухудшению не только когнитивных и метакогнитивных функций, но интеллектуального и личностного развития в целом (А.В. Карпов, N.S. Baron и др.). Однако это – уже совсем другая история, выходящая за рамки данной статьи...

Здесь же мы хотим акцентировать внимание лишь на следующем. Если бы профессиональное психологическое сообщество (включающее как исследователей, так и практиков), равно как и все отечественные структуры, отвечающие за развитие науки и образования (в первую очередь, государственные) уделяли продвижению, таргетированию, брэндированию (говоря языком современных маркетологов) лучших образцов научной психологической литературы хотя бы сотую долю того внимания, которое уделяют своей продукции новоявленные блогеры, «гуру онлайн-образования», сетевые консультанты и т.п. публика, развитие отечественной научной психологии и психологической практики осуществлялось бы значительно более успешно и поступательно. В этом плане работы В.А. Мазилова – это безусловный научно-психологический брэнд. Как мы надеемся, данная статья будет способствовать его еще большему распространению, в том числе, в интересах образования для новых поколений.

Заключение

В рамках исследования на примере творчества В.А. Мазилова был выделен ряд общих, универсальных качественных характеристик (измерений, идентификаторов) топ-профессионализма в сферах науки и образования, таких как профессионализм «по гамбургскому счету», глубинность исследуемых проблем, масштабность решаемых задач. Помимо этого, был выделен также ряд специфических характеристик, определяющих уникальность творческой вселенной В.А. Мазилова среди профессиональных «миров» других топ-профессионалов. К таким измерениям мы отнесли

переход качества в количество, историческую экологичность, поэтику методологии и образовательную пассионарность.

Обобщая полученные результаты, отметим следующее. Современная психология многообразна не только в смысле разнородности представленных в ней направлений научных исследования и областей практической деятельности, но и в плане различного понимания самой сути, сущности психологии. Глубокое понимание фундаментальной важности этого вопроса пронизывает и направляет все творчество В.А. Мазилова. Вместе с тем, если ограничиться констатацией лишь этого, хотя и несомненного факта, общая картина выдающегося вклада В.А. Мазилова в многогранное развитие психологии останется неполной: здесь крайне важно не только то, *что* было им сделано, но и то, *как* именно это было сделано. В этом плане из проведенного анализа следует, что в творчестве В.А. Мазилова получило реальное, фактическое воплощение «единство теории и метода», провозглашенное им в качестве одного из ключевых принципов психологической методологии.

**1.2. «ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ» ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
СЛОЖНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ:
О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ «НАХОДКАХ»
В.А. МАЗИЛОВА**

*С глубокой благодарностью к
Учителю, Ученому и Человеку
Рыльская Е. А.*

Современная психологическая наука все глубже погружается в сферу исследования весьма сложных, многогранных и неоднозначно трактуемых феноменов. В связи с этим, у любого исследователя, как начинающего, так и имеющего определенный научно-эвристический опыт, возникает ряд вопросов относительно построения будущего исследования, его теоретической базы, методологии и методики. В ходе поиска этих оснований поистине бесценными оказываются определенные методологические положения, представления, подходы и методы, еще не получившие повсеместного и единодушного признания (что зачастую и не требуется), но весьма перспективные для решения той или иной проблемы.

Подобная ситуация сложилась в свое время в ходе изучения нами феномена жизнеспособности человека и написания докторской диссертации. В связи с интегральной природой этого феномена, его многоаспектностью и широтой охвата множества психологических переменных, гипотетически формирующих его структуру, представлялось целесообразным осуществлять исследование на пересечении двух фундаментальных парадигм современной науки (естественно-научной и герменевтической), представленных в сосуществовании двух основных типов рационального познания (классического и постнеклассического). Это позволило бы рассмотреть предмет исследования не только с позиции изучения его структурно-уровневых, функциональных характеристик, выявления и объяснения причинно-следственных связей (как это делает наука классическая), но и проанализировать его

в контекстном, описательном, метафорическом, индивидуально-типологическом, процессуально-динамическом плане через поиск проясняющих аналогий и сопоставлений (что призвана делать наука постнеклассическая). Однако в этом случае возникала серьезная опасность сведения методологических оснований исследования к банальной эклектике, в которой нередко обвиняют начинающих исследователей.

«Светом в конце тоннеля» в данном случае оказалась коммуникативная методология В.А. Мазилова, исходящая из установки не на поиск различий в подходах и теориях, а на обнаружение в них внутреннего сходства, имеющего существенное значение, на сопоставление концепций, достижение взаимопонимания между различными подходами и теориями. Позволим себе в определенной мере повториться и представить уже использованный ранее алгоритм разработки методологических оснований исследования жизнеспособности человека как общепсихологического феномена.

С позиции соизмеримости конкретно-методологических оснований исследования были рассмотрены функционально-генетический подход к способностям, система научно-обоснованных представлений о духовных способностях, внутреннем мире человека и малопараметрическая модель индивидуальности В.Д. Шадрикова; теория психологических систем В.Е. Ключко; транскомуникативная теория В.И. Кабрина, представлявшиеся весьма перспективными.

Соотнесение данных оснований осуществлялось с помощью универсальной модели соотношения теории и метода, предложенной В.А. Мазиловым. Она включает следующие инвариантные компоненты как составные части «предтеории», позволяющей в идеальной форме представить всю процедуру научного исследования: предмет науки, опредмеченную проблему исследования, базовые категории, моделирующее представление, метод, эмпирические материалы, объяснительные категории [Мазилов, 2007].

На рисунке показана операциональная схема верификации психологической концепции жизнеспособности человека в соответствии с требованиями коммуникативной методологии. Она выступает в данном случае как модель «предтеории», т.е. комплекс исходных представлений, определяющих общую логику исследования и предшествующий решению конкретных эмпирических задач.

Рис. Операциональная схема верификации психологической концепции жизнеспособности человека в соответствии с требованиями коммуникативной методологии.

Важным моментом, на наш взгляд, явилось то, что главные методологические предпосылки исследования жизнеспособности как специфической способности сами по себе уже выступают как весьма удачное, исторически оправданное сочетание классических и постнеклассических ориентиров в познании этого феномена, как пример гармоничного сосуществования в мировоззрении ученых различных парадигмальных традиций. Речь идет об

ориентации как на классические (хронологически первичные структурно-уровневые представления о познавательных способностях, как свойствах функциональных систем), так и на постнеклассические (представления о духовных способностях как высшем уровне развития способностей человека) установки, уже не вмещающиеся в редукционистско-отражательные схемы закономерностей и механизмов психики.

Прежде всего, методологические основания исследования были проанализированы с позиции представлений о предмете психологии. Учитывая ярко выраженную дискуссионность этой позиции, мы исходили из содержательного наполнения концепта «предмет психологии», предложенного В.А. Мазиловым: «Как можно было бы определить предмет психологии? Представляется, что наиболее удачным для этого является термин «внутренний мир человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме» [Мазилов, 2012, с. 53].

Интерес в этом плане представляли синхронистичные представления об органичном единстве внутреннего и внешнего в человеке, репрезентированные в категории «мир» («внутренний мир», В.Д. Шадриков; «многомерный мир», В.Е. Ключко; «коммуникативный мир как модель жизненного мира», В.И. Кабрин). Как созвучные, на наш взгляд, могут быть интерпретированы и законы внутреннего мира, функционирующие по следующим принципам:

а) вероятности («не столько определенность, сколько возможность», В.Д. Шадриков; «возможность как необходимость», В.Е. Ключко);

б) неустойчивости («внутренний мир человека следует отнести к неустойчивым системам», В.Д. Шадриков; «система, приближающаяся к равновесию, приближается к смерти», В.Е. Ключко; «К-стресс и К-транс как гармония реверсивной динамики, обеспечивающая личностный рост», В.И. Кабрин);

в) самоорганизации («внутренний мир человека является самоорганизующейся системой», В.Д. Шадриков; «многомерный мир человека – то, что происходит между человеком и средой, когда вместо двух логик (объективной и субъективной) возникает одна – логика самоорганизации человека», В.Е. Ключко);

г) темпоральности («развитие внутреннего мира отражает стрелу времени», В.Д. Шадриков; «одна из экзистенциальных проблем – отдать себя настоящему или посвятить будущему», В.И. Кабрин; «смысл является тем, в чем становление человека заявляет о себе наиболее выражено – в нем сосуществуют времена (В.Е. Ключко).

Вышеизложенное позволило заметить, что содержательное наполнение первого компонента схемы «предмет психологии» в проанализированных концепциях не вызывает «жгучих» противоречий и приближается (хотя и не подчеркивается) к концепту «внутренний мир человека», демонстрируя более или менее сходную направленность на предметную область психологии. Исходя из этого, на уровне опредмеченной проблемы жизнеспособность могла быть рассмотрена как часть внутреннего (или жизненного, или коммуникативного) мира человека, который выступает как совмещенное внешне-внутреннее пространство бытия и функционирует по определенным законам (вероятности, неустойчивости, самоорганизации, темпоральности).

В качестве моделирующего представления выступило определенное понимание жизнеспособности человека, базовой объяснительной категорией которого является категория «целостность». Моделирующее представление о жизнеспособности как интегральной способности сохранения человеком своей целостности поставило во главу угла идею холистичности.

Целостность как объяснительная категория позволила исследовать жизнеспособность человека как максимально комплексное образование, несмотря на то, что оно может быть

разложено на более простые, частичные фрагменты путем эмпирического анализа. В подходах и теориях, выступающих в качестве конкретно-методологических оснований данного исследования, этот принцип был представлен как один из основополагающих.

Идея целостности определила всю логику эмпирического исследования. В структурном аспекте исследование жизнеспособности как потенциала целостности предполагало выявление разнонаправленных связей (горизонтальных связей жизнеспособности с определенными свойствами всех уровней психической жизнедеятельности человека как индивида, субъекта, личности) и вертикальных связей (межуровневые связи между свойствами человека как индивида, субъекта, личности).

С точки зрения феноменологии жизнеспособности, особый интерес вызвало явление беспомощности, которое можно рассматривать в контексте континуальности отношений с жизнеспособностью. С точки зрения субъектного подхода, личностная беспомощность – это качество субъекта, включающее в себя единство специфических личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности [Циринг, 2020].

С позиции системно-антропологического подхода, беспомощность и жизнеспособность – характеристики целостного человека, однако в случае беспомощности эта целостность нарушается. Если жизнеспособность предполагает гармоничное сочетание личностных и субъектных свойств, необходимых для реализации задач деятельности и бытия, то беспомощность характеризуется недостаточной выраженностью субъектности. В беспомощности довольно отчетливо и ярко проявляется нарушение человеческой

целостности как единства всех уровней жизнедеятельности человека. Беспомощность выступает как неспособность к сохранению целостности вследствие утраты субъектности (частичной или полной). Жизнеспособность в нашем представлении – это способность к сохранению системной целостности человека в единстве и гармоничном сочетании его индивидуальных, субъектных, личностных свойств. Исходя из этого, мы полагаем, что беспомощность и жизнеспособность связаны между собой отношениями континуума целостности.

В контексте логики целостности были рассмотрены и составляющие жизнеспособности, ее компоненты (способности адаптации, способности саморегуляции, способности саморазвития, осмысленность жизни), которые предположительно выступают не просто как единство, а как единство, структурированное по законам синергии. Принцип целостного, т.е. системно представленного человека является ведущим принципом познания жизнеспособности человека как открытой, самоорганизующейся системы, способом существования которой является постоянный информационный обмен с окружающей средой. Он осуществляется посредством коммуникации и транскомуникации, которые обеспечивают процессы постоянного смыслоогласования (транслирования смыслов) и смыслообразования (смыслотворчества).

В этом плане коммуникация и транскомуникация – не только средства общения, но и средства поддержания целостного существования человека, когда его стремление к расширению собственных границ на макроуровне жизни гармонично сосуществует со стремлением к сохранению своей собственной устойчивости и нормативности как требования, определяемого жизненным микроуровнем [Кабрин, 2005].

Рассмотрение жизнеспособности в процессуально-динамическом плане позволило предполагать, что способность к сохранению целостности может быть представлена как производная от саморазвития, самоорганизации системы, которая характеризуется не просто перманентным движением,

но и усложнением во времени. Сохранить свою целостность человек как самоорганизующаяся система может только за счет становления человеческого в человеке, т.е. за счет динамического поддержания жизни как постоянного потока, движения вперед в направлении от низшего в высшему, от элементарного к более сложному, от материального к духовному. Жизнеспособность человека – это способность к становящейся целостности самого себя, требуемая изменчивым социальным бытием. Застывшая, устойчиво равновесная целостность нежизнеспособна, потому что статичная система всегда обречена на гибель.

На критериальном уровне идея жизнеспособности человека как потенциала его целостности ориентировала на исследование не единичного критерия, а комплекса всех необходимых и достаточных отличительных признаков этого феномена. Они должны быть рассмотрены в объективном, наблюдаемом и субъективном, переживаемом контекстах, с точки зрения содержательных и функциональных характеристик.

С позиции индивидуальных проявлений жизнеспособность человека нашла выражение в форме так называемых типов, т.е. относительно устойчивых совокупностей качественно-своеобразных свойств (пассионарная, субпассионарная, депассионарная жизнеспособность). Кроме того, холистическое понимание жизнеспособности ориентировало на исследование этого феномена не изолированно от внешней среды, а в контексте жизненного мира, транссубъективного пространства бытия, с включенным в него человеком и формируемым им самим. Качественная неоднородность жизнеспособности человека, таким образом, была представлена в различных моделях его жизненного мира, различающихся по параметру целостности (сущностно-целостный, диффузно-целостный, фрагментарный).

Чрезвычайно важно заметить, что решение этой задачи было бы весьма затруднительно без опоры на еще одну удачную методологическую «находку» В.А. Мазилова и

В.Д. Шадрикова – обоснование возможности использования конструкта «внутренний мир» человека в качестве предмета психологии [Шадриков, 2006; Шадриков, Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2020]. Аргументы, представленные авторами достаточно непротиворечивы и убедительны. Прежде всего, говорится от том, что данный конструкт не вызывает серьезных возражений со стороны психологов самых разных направлений.

В дополнение к уже изложенным аргументам следует отметить, что конструкт «внутренний мир человека» соответствует постнеклассическим тенденциям развития психологической науки, ориентирующейся на идеи холистичности, самоорганизации, интегративности научного познания, предметом которого становятся сверхсложные открытые саморазвивающиеся системы. В фокусе внимания постнеклассики оказываются динамические феномены и процессы социальной жизни человека: многомерный жизненный мир, жизненный путь, жизнеосуществление, экзистенциальная исполненность, жизнеспособность и др., полноценное и глубокое исследование которых довольно затруднительно в рамках отражательной концепции психики, в которой сама жизнь трактовалась весьма абстрактно и по сути нежизненно как «способ существования белковых тел».

Стоит ли говорить о том, что такая трактовка жизни явно не отражает всего ее богатства и бесконечного разнообразия. Следовательно, изучение «жизненных» феноменов с позиции чисто отражательной концепции психики вступает в противоречие с основным принципом научного познания, направленного на связное, холистичное жизнепонимание.

Иные перспективы появляются при трактовке предмета психологии как внутреннего мира человека. Внутренний мир – это живая, потребностно-эмоциональная субстанция, формируемая при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и отражающая многообразие его бытия. Если в категории отражения еще нет жизни, то она появляется в категории внутреннего мира, и если в отражении первична

внешняя среда, во внутреннем мире первичен человек со своими переживаниями. Причем, сам внутренний мир - это не только внутренние переживания человека, это - совмещенное, транссубъективное пространство бытия, это – внешний мир, включенный в человека и человек, вовлеченный в внешний мир. Таким образом, перспектива рассмотрения в роли предмета психологии конструкта «внутренний мир человека» имела и имеет стратегическое значение для исследования сложных, самоорганизующихся, «человекоразмерных» систем, находящихся в фокусе внимания современной постнеклассической психологии.

Вернувшись к алгоритму разработки методологических оснований исследования жизнеспособности человека отметим, что дальнейшая работа по анализу соизмеримости теорий на других уровнях соотнесения позволила подтвердить отсутствие изначально противоположных альтернатив, поскольку все используемые концепции разработаны на основе единой системной методологии, постнеклассические формы которой (системно-антропологический подход) не отрицают классических (функционально-генетический структурно-уровневый подход), а лишь расширяют ее границы, обогащая все новыми (в данном случае, динамическими) характеристиками.

Возможные концептуальные несоответствия в подборе методов исследования базовых категорий были нивелированы императивом со-бытия в развивающемся пространстве современной психологической науки классических, одномерных представлений об адаптивной природе жизнеспособности и постнеклассических, многомерных об ее сверхадаптивных, трансперсональных механизмах самоорганизации.

Основные положения «предтеории» жизнеспособности позволили осуществить разработку необходимого методического аппарата исследования. Соответственно, для решения задач исследования были использованы как номотетические (количественные) методы, направленные на получение «объектных» фактических данных, так и

идеографические (качественные) методы, которые позволяют видеть настоящее сквозь призму всего жизненного пути человека и открывать до времени скрытые, часто неявные для самого человека смыслы его социального бытия.

Здесь следует упомянуть еще об одной методологической «находке» В.А. Мазилова. Дело в том, что специфика феномена жизнеспособности, заключающаяся в его глубокой бытийной укорененности, требует специфического языка для описания результатов. Это особый язык, который позволит объективно научно и эмоционально «живо» представить этот феномен. Наука, безусловно, привыкла говорить «сухим» языком абстракций и верификаций, но ведь речь идет о живом человеке. Поэтому, как не вспомнить слова Г. Оллпорта о языке красочных образов-метафор, который часто лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология [Оллпорт, 1998]. Не только исследовать, но и описывать человеческое психическое можно по-разному.

Предложенный В.А. Мазиловым принцип поэтической («пойетической») психологии предоставляет возможность создавать научные тексты не только языком понятий, но и языком метафор и образов, в котором сближаются междисциплинарные ориентиры психологического и филологического познания.

В монографии автора «Стены и мосты: методология психологической науки» был красочно и убедительно обоснован новый подход к выявлению методологических проблем современной психологии, показано, что научное академическое знание – это не единственная форма психологического знания. Литературные образы, эпитеты, метафоры позволяют лучше осознать смысл исследуемых проблем современной науки: «Книга, которую читатель держит в руках, во многом необычна. Необычна и история написания, необычен и сам жанр, и стиль. Если попытаться определить специфику этого сочинения в одной фразе, то правильнее всего, вероятно, было бы выразиться так: здесь речь пойдет о поэтической психологии. Это, разумеется, не означает, что

под обложкой читатель обнаружит стихотворения и поэмы. Их, конечно, не будет. Само слово поэтический указывает скорее на способ получения текстов, помещенных в эту книгу» [Мазилев, 2015].

И хотя автор неоднозначно дал понять, что «поэтический» подход в науке не тождествен «обнаружению стихов и поэмы», мы позволили себе, ориентируясь на этот принцип, использовать в процессе исследования жизнеспособности человека элементы художественного жанра, представленного в литературных отрывках поэтического или прозаического содержания. Они позволили иллюстрировать и более глубоко осмыслить различные грани жизнеспособности человека, посредством «языка поэта, который уже выполнил за психолога всю работу» [Юнг, 1993].

Рассмотрим для примера возможность использования «поэтического» метода для описания коммуникации как средства поддержания жизнеспособности. В нашей концепции жизнеспособность человека как возможность сохранения им собственной целостности реализуется за счет гармоничного сочетания коммуникабельности и транскомуникабельности, которая, в свою очередь, предполагает гармонию, согласие внешней и внутренней коммуникации [Рыльская, 2013]. Жизненный опыт показывает, что нежелание общаться с другими людьми, приобретающее устойчивый характер, – весьма тревожный признак. Если человек отделяется от других, замыкается в себе, это нарушает его связи с внешним миром. Не случайно, в клинических проявлениях суицидов часто встречаются примеры аутизма, получившие отражение не только в пособиях по психиатрии, но и в литературном творчестве. Так, например, в стихотворении А.К. Лозина-Лозинского, русского поэта, покончившего собой, ясно звучит тема невозможности какого бы то ни было общения с ближним:

Наверно, человек когда-нибудь устанет
Блуждать за новизной под добрый смех веков;

Быть может, некогда земля безмолвной станет
 И люди будут жить с иронией богов.
 И в библиотеке улыбкой сфинкса ранит
 Брат брата своего средь саркофагов слов
 [Лозина-Лозинский, 1916].

Эти строки написаны тоскливым январским днем последней мирной зимы в жизни прежней, патриархальной России. Через полгода начнется первая Мировая война, а затем грянут революционные перевороты. Хотя увидеть их поэту уже не суждено...

А вот еще один пример. Еще одна смерть, еще одно убийство, совершенное над собой и слова, ему предшествующие: «От времени до времени в моей душе без всякой внешней причины поднимается темная волна. Тень ложится на весь мир, как будто от облака, радость начинает звучать неправдоподобно, музыка кажется пошлой. Душой овладевает тоска, смерть кажется лучше жизни... Люди, дома, краски, тона, которые до того нравились, производят какое-то сомнительное впечатление и кажутся фальшивыми... Письма раздражают, в них кажутся скрытые упреки. Быть принужденным в эти часы говорить с людьми для меня мука» [Зиновьев, 2007, с. 117–118.]. Так в литературной форме представлено нежелание общаться, ассоциируемое с нежеланием жить. Причем общаться не только с другими, но и с самим собой. Боязнь самого себя доходит до самоотвращения, что еще более удручающе, ибо в этом случае становится невозможным всяческий поиск и всяческое нахождение смысла. А жить без смысла человек не может.

Безусловно, достижения В.А. Мазилова как известнейшего методолога нашего времени далеко не исчерпываются представленными в статье подходами и принципами.

**От всей души желаем дорогому Владимиру Александровичу
 новых научных свершений!**

1.3. БОРЬБА ЗА ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ. РЫЦАРЮ «ПРИЗМЫ И ХРОНОСКОПА» ПОСВЯЩАЕТСЯ

Владимир Александрович Мазиллов – мудрый борец за научную психологическую теорию и практику, за единый предмет психологии и за «договороспособность» психологических теорий в вопросах разрешения длительного методологического кризиса.

Почти тридцать лет профессор решает задачу определения предмета психологии. Владимир Александрович акцентирует внимание всего психологического сообщества на том, что трактовка психического как отражения не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии. Аргументированно и системно ученый предлагает новое широкое понимание предмета психологии, которое позволит включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. Именно поэтому он заявляет о необходимости создания концепции предмета психологии, это важная задача как методологии психологической науки на современном этапе ее развития, так и лично нашего авторитетного рыцаря «призмы и хроноскопа», который долгое время с разных трибун говорит о необходимости такой концепции.

В своих методологических исследованиях предмета психологии В.А. Мазиллов констатирует следующее – «актуальность кризисности психологической науки не снижается, а только усиливается» [Мазиллов, 2023б. с. 8]. Он критикует психологическое сообщество за то, что оно относится к поиску предмета не просто безучастно, но и маскирует уход от предмета вообще. Нельзя не согласиться с призывами к психологическому сообществу нашего борца за предмет более ответственно относиться к определению предмета, так как здесь видится серьезная ошибка: избегание или уход от трудностей их не исключает и не решает, и найти наиболее оптимальный

вариант не получится, так как целостная картина проблемы и ее решения теряется. В желании отказаться от разработки предметной психологии как чего-то «старомодного» на фоне новейших, к примеру, сетевых, подходов видится злая ирония судьбы: отказаться от продолжения поисков, не исчерпав возможных вариантов построения науки по классическому предметному образцу, очень опасно, даже фатально [Мазиллов, 2023в]. Попытки Владимира Александровича высказать точку зрения, согласно которой возможности разработки психологии как научной дисциплины, построенной по предметному принципу, не исчерпаны. Ряд ученых аргументированно заявляют, что современная методология принципиально плюралистична, и те, кто разделяет позицию предметного построения психологии - «абсолютные ретрограды», пытающиеся установить единомыслие в психологии и не видящие новаторских тенденций в методологии. Не видим смысла в том, чтобы спорить с этими учеными, а видим важность поддержки позиции В.А. Мазилова в том, что только ориентация научного сообщества на определение единого предмета психологии позволит решить проблему методологического кризиса.

Вслед за профессором важно обратить внимание и на то, что причиной и следствием кризиса в поиске предмета психологии является так называемый кризис репликации - это кризис доверия к результатам исследований в области психологии [Харламенкова, 2021; Мазиллов, 2023а; Мазиллов, 2023в]. Этот кризис есть результат общего методологического кризиса психологии [Мазиллов, 2020д]. Рассуждая о кризисе, Владимир Александрович как ученый, переживающий за судьбу науки, искренне сетует на то, что исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Они негативно отозвались на имидже научной психологии. Что, в том числе, привело к дискредитации выдающихся психологических экспериментов и снижению позитивного образа психологической науки в целом [Мазиллов, 2023в. с. 13].

Почему ученый делает такой важный акцент на определении предмета психологии? Что так волнует нашего уважаемого профессора?

Во-первых, в современной психологической науке возрастает роль экспериментальной составляющей, нацеленной на достижение практического результата, причем каждый полученный результат весьма проблематично поддается дальнейшим обобщениям в силу специфики психологической предметности. В зависимости от того, что предполагают предметом в конкретном психологическом исследовании, подбирается и своя модель объяснения этого предмета, при этом, действительно, возникает сомнение в правильности объяснения этого явления.

Во-вторых, предметное пространство науки оказывается разобренным, соответствующим единому пониманию предмета, но относящимся фактически к различным предметам [Мазилов, 2020д].

В-третьих, из-за отсутствия предмета современная психология чрезвычайно далека от финальности, от построения обобщающих глобальных теорий (хотя бы потому, что наука пока не понимает подлинной природы психического) [Мазилов, 2020в; Jung, 1967]. Как итог - складывается образ научной психологии, весьма далекий от идеалов науки.

В-четвертых, падает престиж психологии как науки, у психологии появляются конкуренты в лице нейронауки и когнитивной науки. Как следствие, некоторыми психологами (и зарубежными, и отечественными) высказываются сомнения в том, что психология представляет собой единую науку, предлагаются варианты ее расчленения. Поэтому снижается интерес психологов к методологическим и теоретическим проблемам, как и снижаются общественные ожидания от психологической науки, падает интерес к психологии и престиж научной психологии.

В-пятых, продолжавшиеся в течение многих десятилетий многочисленные, а иногда и ожесточенные дискуссии,

посвященные обсуждению предмета психологии, к скольконибудь однозначным результатам, как хорошо известно, не привели. Разочарование в финальной успешности, вероятно, было столь велико, что побудило ряд методологов психологии отказаться от серьезного отношения к проблеме определения предмета науки.

Разве все это не может не расстраивать нашего борца, переживающего за судьбу науки психологии?

Но в своих словах и действиях Владимир Александрович идейно и совершенно неоспоримо категоричен - психология должна сохранить свой статус фундаментальной науки. Возможности ее обоснования именно как фундаментальной науки далеко не исчерпаны, поэтому либерально относящимся к плюралистически ориентированным методологическим поискам и новациям всё же стоит задуматься о последствиях тех или иных принимаемых решений. Обратим внимание на главное. То или иное определение предмета является обязательным для существования психологии как самостоятельной фундаментальной науки.

Каким же наш рыцарь психологии видит ее предмет?

1. По мнению ученого, конструкт «предмет» выполняет в концепции методологии определенные функции и характеристики [Мазиллов, 2019а; Мазиллов, 2019б; Мазиллов, 2020в]. Это результат специальной теоретической работы, так как «сердцевиной методологии психологии» является понятие предмета психологической науки.

2. При этом важно различать такие предметы как декларируемый, рационализированный и реальный предмет психологии. Вряд ли стоит удивляться, что, исследуя реальные предметы, разные психологи получают различные результаты. Удивляться может лишь тот, кто полагает, что все исследуют декларируемый предмет. Существенная проблема психологии в том, что, изучая реальный предмет, результаты привычно переносят на предмет декларируемый. И если подойти к истории психологии с учетом этих соображений, то вполне может

оказаться, что представления о развитии психологической науки сильно изменятся. Суть состоит в том, что рассуждения о психике не столь похожи на обсуждение других предметов: в этом случае предполагается замена исходной абстракции в силу ее труднодостижимости и сложности для понимания. Иными словами, происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания [Мазиллов, 1998; Mazilov, 1997].

3. Профессор обращает внимание, что предметом должен быть функционально независимый результат. Для психологии - это содержание психики и закономерности её функционирования. Отдельный аспект представляет раскрытие взаимосвязи нейропсихологического субстрата и идеального содержания психики.

4. При определении новой трактовки предмета психологии важно опираться на принцип психофизического единства, который заключается в единстве материального субстрата и идеальной психики [Шадриков, 2022, с. 22].

5. При поиске предмета речь, с точки зрения Владимира Александровича, должна идти не столько о поиске «единой теории психики», сколько о необходимости единого понимания предмета психологической науки. При этом возможна формулировка настолько широкого предметного пространства психологической науки, чтобы оно вместило в себя и множество теорий психического, и все многообразие понятийного пространства науки.

6. Также, обращаясь к пониманию предмета науки, наш борец говорит о важности уровневого строения предмета, его архитектонике и включении в себя всей психической реальности. Поэтому к определению предмета психологии важно применить уровневый подход, о котором говорил учитель нашего рыцаря психологии - М.С. Роговин. [Роговин, 1977]. Кстати, путь поиска предмета психологии Владимиром Александровичем системно и последовательно описан в научных трудах [Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2020в;

Шадриков, 2006; Шадриков, 2023]. Он постоянно обращает внимание психологического сообщества на то, что предмет психологии понимается как целое, внутри которого по-новому осмысливаются отношения между составляющими. Поэтому предмет должен рассматриваться как совокупный, как целостное образование. Раз мы не понимаем в точности природы сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность. Пока нам не известна природа психики - подлинного предмета психологии, мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большой осторожностью, не допуская подмены целого его частью [Мазилов, 2023в]. Кстати, В.А. Мазилов уточнял, что возможность трактовки предмета как совокупного рассматривалась и Л.С. Выготским, такой подход был в значительной степени реализован Пьером Жане, но эта инициатива не получила сколько-нибудь существенного распространения.

7. При определении предмета психологии основная задача заключается в конструировании его таким образом, чтобы, с одной стороны, он соответствовал бы смыслообразу «души», а, с другой - отвечал бы требованиям современной методологии психологии к конструкту предмета науки и имел бы соответствующие характеристики, о которых мы писали выше [Мазилов, 2020б; Мазилов, 2020в].

8. Ориентация на подходы к объяснению, исходящие из общей трактовки предмета психологии и переносящие объяснение внутрь предмета [Мазилов, 2020г]. По мнению ученого, то или иное решение проблемы объяснения обязательно предполагает «ключевой методологический выбор»: исследователь волен выбирать, быть психологии дисциплиной редукционистской, сводящей психическое к непсихическому, либо отстаивать возможность разрабатывать эту науку, используя собственные объяснения [Мазилов, 2006].

9. Важность ориентации на разработанную нашим борцом коммуникативную методологию, которая ориентирована

на то, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания. Цель коммуникативной методологии В.А. Мазилова состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии [Мазилов, 1998].

10. Упомянутая выше интеграция психологического знания основана на интегративной методологии, под которой понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, что мы и называем интегративной методологией (или концепцией общей методологии психологии). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции

предмета психологии, ее метода, психологического факта, психологической теории, объяснения. Специально подчеркнем, что речь идет не о разработке искусственной «системы» методологии («системы ради системы»), а о создании рабочего инструмента методологического анализа. Опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать интегративную методологическую модель, позволяющую реально учитывать взаимодействие между различными составляющими аппарата методологии. Использование такой рабочей схемы позволяет по-новому подойти к решению многих методологических проблем психологии.

Таким образом, обобщив все требования к определению предмета психологии, Владимир Александрович Мазилев совместно с Владимиром Дмитриевичем Шадриковым обосновывают новый конструкт предмета психологии, а именно – «внутренний мир человека» [Мазилев, 2020а]. Учеными дана очень четкая аргументация их выбора. Внутренний мир человека един (единство), но в него входят составляющие, имеющие различную природу и происхождение. Этот тезис важен, так как в нем заключена дополнительная защита от искушения редуцировать психическое к чему-либо. Напомним, «единая психика» неизбежно сводится к отражению, регуляции, адаптации, ориентировке и т.п. [Мазилев, 2018; Шадриков, 2023]. Редуцировать внутренний мир просто невозможно (разве что к внешнему миру, да и то это скорее источник продуктивных аналогий в духе античных «макрокосма» и «микрокосма» – не более того), в связи с чем эта трактовка выгодно отличается от узкоаналитических попыток определения предмета, когда редукция неизбежна в соответствии с природой психологического познания [Мазилев, 2021]. Использование представлений о внутреннем мире человека и его архитектонике позволяет реально перейти к аккумулярованию и интеграции психологического знания, применяя аппарат коммуникативной методологии

[Мазилов, 2022]. Методологическое исследование показывает, что, признавая в качестве предмета психологии понятие «психика», главной трудностью является включение в единое пространство анализа категорий деятельности, сознания, личности, субъекта, что заставляет авторов предполагать наличие в единой психологии соответствующих «субдисциплин» и явно «торпедует» саму идею единой психологической науки. Эти понятия не входят полностью в состав предмета психологии (это не полностью психологические, а общенаучные, то есть междисциплинарные понятия), но их роль в предмете определяется тем психологическим содержанием этих понятий, которое необходимо для организации и функционирования внутреннего мира человека. Аналогичным образом обстоит дело с понятиями «деятельность» и «поведение», которые тоже не входят целиком в предмет психологии [Шадриков, 2022. с. 22].

Таким образом, решение фундаментальных психологических проблем представляется нам принципиально разрешимым в пространстве внутреннего мира человека. Аналогичным образом дело обстоит и с другими вечными проблемами психологии.

Психология как научная дисциплина не утратила возможности сохранить свой статус фундаментальной научной дисциплины. Сохраняется возможность деятельности по предметному принципу науки о психическом. Хочется надеяться, что проект Аристотеля не завершится спустя два с половиной тысячелетия. У психологии как науки, несомненно, впереди великое будущее.

Наш рыцарь и гений «призмы и хроноскопа» предлагает важный и просто необходимый путь решения методологических трудностей в психологической науке, представляя предмет в конструктивном варианте, позволяющем определить систему понятий современной психологии как структуру предмета, разработав его архитектонику, что позволит, используя традиционное предметное построение научной психологии,

сохранить статус психологии как фундаментальной науки. И мы призываем к нему прислушаться! Идти за борцом и бороться вместе с ним за нашу науку, ее сохранение!

VIVAT PSYCHOLOGIA!
VIVAT EQUITES PRISMATIS ET CHRONOSCOPI!

ГЛАВА 2. НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР

Когда мы обращаемся в обсуждению содержания научного творчества любого ученого, неизбежно сталкиваемся с необходимостью выделения какого-то одного наиболее важного и проходящего через всю его жизнь аспекта научно-исследовательской деятельности. Проще говоря, пытаемся выделить то в его научной деятельности, что заметно выделяет его среди всех остальных представителей научного сообщества. И чаще всего такой способ научной идентификации ученого удается реализовать. Однако при этом есть и такая, весьма немногочисленная группа ученых, охарактеризовать деятельность которых в виде краткой справочной информации не представляется возможным. Круг научных интересов их столь широк и многогранен, что сделать это просто не представляется возможным. Последнее со всей справедливостью может быть сказано и в отношении нашего юбиляра - Владимира Александровича Мазилова, всю свою научную жизнь связавшего с разработкой многочисленных вопросов психологической науки.

Предложенная читателю в оглавлении структура описания научных интересов В.А. Мазилова направлена лишь на то, чтобы лишь в самых общих чертах представить картину тех вопросов и проблем, которые входят в сферу его научно-исследовательской деятельности. В действительности круг его научных интересов настолько велик и разнообразен, что даже в самой объемной монографии дать их описание не представляется возможным. Обратим ввиду этого внимание, что за без малого 50-летнюю научную карьеру В.А. Мазиловым было опубликовано более 1000 научных трудов самого разного характера - монографий, учебников, учебных пособий и рекомендаций, научных статей и тезисов и пр. По этому показателю он относится к крайне небольшому числу отечественных (да и зарубежных, наверное) психологов, публикационная активность которых

пропорциональна разнообразию их научных интересов.

Конечно, в одной небольшой монографии не представляется возможным дать хоть сколь-нибудь полное описание всего разнообразия научных интересов юбиляра. Авторы и не ставили такой задачи. Тем не менее, учитывая значимость события, авторы попытаются дать систематическое описание результатов научной деятельности В.А. Мазилова, начало которой было связано с разработкой проблем психологии мышления в середине 70-х годов прошлого века.

2.1. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Разработка В.А. Мазиловым проблем психологии мышления берет формальное начало с подготовки и защиты им в 1982 г. кандидатской диссертации на тему «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач» [Мазилов, 1981]. К содержанию этой работы мы вернемся чуть ниже. Здесь же отметим, что защита диссертации состоялась в ведущем научно-исследовательском институте страны - Институте психологии Академии наук СССР. Оппонентами по диссертации выступили хорошо известные специалисты в области отечественной психологии - доктор психологических наук А.В. Брушлинский и кандидат психологических наук В.В. Рубцов; в качестве ведущей организации выступила кафедра общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Выбор в качестве темы исследования проблемы, связанной с психологией мышления, был определен, по всей видимости, тем, что научным руководителем по диссертации был хорошо известный специалист в области психологии мышления Николай Павлович Ерастов. Сам он еще в 1971 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Процесс мышления в речевой деятельности (психолого-дидактический аспект)». Н.П. Ерастов длительное время (1963-1979) работал

в Ярославском государственном педагогическом институте и Ярославском государственном университете, после чего работал в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Помимо разработки проблем психологии мышления в кандидатской диссертации В.А. Мазилова обращается к изучению проблем мышления в гештальтпсихологии [Мазиллов, 1990; Мазиллов, 2010; Мазиллов, 2011; Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2016], к проблемам психологии творческого мышления [Мазиллов, 2014; Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2020], места и роли мышления в структуре общепсихологического знания [Мазиллов, 1980; Мазиллов, 1990; Мазиллов, 2018], роли мышления в профессиональной деятельности [Шадриков, Мазиллов, 2018; Мазиллов, 2020] и др. Разнообразие изучаемых аспектов проблемы мышления в психологии указывает на его особое место в структуре психологического знания, на особую роль в решении как общепсихологических, так и конкретно прикладных задач.

Не будем в настоящем тексте подробно рассматривать все обозначенные аспекты изучения проблемы мышления в работах В.А. Мазилова, сконцентрировавшись лишь на первых двух, отмеченных выше - психологическом анализе ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач и изучении проблемы мышления в гештальтпсихологии.

Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач

Ключевым феноменом, определившим содержание научно-исследовательской работы в кандидатской диссертации, стало понятие избирательности, или селективности мыслительной деятельности человека. В.А. Мазиллов так характеризовал этот феномен: «Проявления селективности мышления в процессе решения задачи разнообразны: избирательный анализ ситуации, избирательная актуализация мыслительных операций, способов решения задачи, избирательное

воспроизведение знаний и т.д. Одним из наиболее важных проявлений избирательности мышления в ходе решения задачи является ограничение зоны поиска. Как отмечает Б.Ф. Ломов, «любой психический процесс включает момент антиципации, то есть опережения текущих событий». Ограничение зоны поиска является существенным моментом антиципации в мыслительной процессе» [Мазиллов, 1981, с. 1].

Заметим здесь, что выбранная автором проблема не потеряла своей актуальности и сегодня - не только ввиду разнообразия теоретических и методологических взглядов на нее, но и ввиду того, что каждый человек сталкивается в повседневной деятельности с ней. Обращаясь к разработке обозначенной проблемы, В.А. Мазиллов обратил внимание, что для психологии характерен недостаточный объем исследований условий, способствующих возникновению адекватного или неадекватного ограничения зоны поиска, недостаточный объем исследований возможностей регулирования данного процесса в практической деятельности. Вряд ли можно утверждать о окончательном решении и другой проблемы, на которую обратил внимание автор. Так, он отмечает, что «одни авторы считают ограничение зоны поиска своеобразной интуитивной оценкой, которая определяется прошлым опытом и не зависит от процессов мышления (В. Шевчук, 1964), другие полагают, что в основе ограничения зоны поиска лежит процесс анализа проблемной ситуации (С.Л. Рубинштейн, 1958)» [Мазиллов, 1981, с. 9]. Сказанное позволяет еще раз обратить внимание, что проблема ограничения зоны поиска в процессе мыслительной деятельности имеет как прикладную, так и теоретико-методологическую значимость.

Позиция автора определялась рядом установок, определивших стратегию научно-исследовательского процесса.

1) Ограничение зоны поиска может выступать как в виде адекватных, так и неадекватных ограничений, используемых человеком. Выбор того или иного способа мыслительной

деятельности оказывает существенное влияние на ее эффективность.

2) Ограничения могут быть обусловлены характером решаемых человеком задач (объективные факторы ограничений).

3) Ограничения также могут зависеть от личного опыта или установок самого человека в процессе решения задач (субъективные факторы ограничений).

Соотношение объективных и субъективных факторов ограничения зоны поиска определяет высочайшую сложность самого феномена, о чем автор пишет следующим образом: «Явления ограничений представляют собою сложный процесс селекции субъективно релевантного содержания из проблемной ситуации, происходящий на основе формирующихся критериев локации ограничений, сопоставляющихся с соответствующими структурами субъективного опыта. Процесс ограничений имеет сложную детерминированность, включая влияние структуры и текста задачи, личностных установок и трансформацию субъективного опыта решающего» [Мазилев, 1981, с. 6]

4) Динамический характер соотношения объективных и субъективных факторов ограничения зоны поиска позволил предположить, что это явление поддается частичному управлению и самоуправлению. Разработанная в исследовании обучающая программа как раз и была направлена на преодоление возникновения неадекватных ограничений в процессе решения мыслительных задач.

Конкретное содержание научно-исследовательской работы было отражено в проведенном эксперименте, в котором приняли участие более полутора тысяч испытуемых. Сам эксперимент включал четыре основных этапа:

1 этап: решение испытуемыми разных типов мыслительных задач - предметного и оперативного планов, задач «на общение»;

2 этап: анализ основных детерминант процессов ограничений, в ходе которого изучались критерии последних,

а также структура субъективного опыта человека в процессе мыслительной деятельности;

3 этап: здесь оценивалось соотношение влияния объективных (содержание задачи) и субъективных (установка испытуемого) факторов на формирование ограничения зоны поиска;

4 этап: оценив на предыдущем этапе возможности направленного управления процессом ограничения зоны поиска, здесь автор проверял эффективность специальной обучающей программы.

Не будем далее подробно описывать ход экспериментальной работы, а также все полученные автором данные - читатель может самостоятельно с этим познакомиться. Сконцентрируем внимание на наиболее важных результатах.

Во-первых, специфика и сложность процесса оценки проблемной ситуации (задачи) определяются тем, при знакомстве с ней у человека формируются определенные предвосхищения, которые были названы «критериями локации ограничений». Индивидуальный характер мыслительной деятельности проявляется в том, что эти критерии отличаются по степени сложности, могут быть одномерными и многомерными.

Во-вторых, в ходе исследования была показана особая значимость субъективного опыта в процессе ограничения зоны поиска, в котором автором были выделены два типа познавательных структур - «стационарные» и «оперативные». Интерес вызывает установленный автором факт - в познавательных структурах субъекта отражаются три типа свойств анализируемых предметов - функциональные (допустимые свойства предмета, «диапазон допустимых свойств»), малозначимые («индифферентный диапазон»), а также те, которыми предмет обладать не может («запретный диапазон»).

В-третьих, автором было описано само действие процесса ограничения зоны поиска в ходе решения творческих задач. Модель этого процесса была представлена следующим

образом: «Локация ограничений представляет собой двунаправленный процесс: поиск соответствующих критериям элементов (по свойствам допустимого диапазона) и отбрасывание элементов, не соответствующих критериям (по свойствам запретного диапазона). Обнаружение элемента, соответствующего критерию ограничений, приводит к своеобразному «замыканию»: процесс формирования ограничений прекращается и начинается детальный анализ этого элемента» [Мазилов, 1981, с. 22].

В-четвертых, экспериментальный анализ показал, что среди множества причин формирования неадекватных ограничений важнейшее мест занимают причины субъективного характера, а именно неадекватные критерии локации ограничений и особенности структур субъективного опыта человека, неадекватные предложенной задаче. Работа по преодолению неадекватных ограничений должна включать ряд действий, повышающих эффективность этого процесса: а) анализ условий задачи, б) корректировку структур субъективного опыта, т.е. некоторых исходных представлений о способах решения задачи. Было экспериментально доказано, что второе является наиболее трудной задачей для человека. Помимо этого была показана значимая роль формирования у испытуемого самоустановки на творческую задачу, снижающей вероятность возникновения неадекватных действий в процессе решения задач.

В-пятых, в исследовании было показано, что явление ограничений в познавательной деятельности имеет широкую феноменологию и проявляется также в процессе коммуникативной деятельности. Это было показано автором на примере профессиональной деятельности психолога, в которой общение выступает одной из важнейших профессиональных функций.

Завершая краткое описание представленного в автореферате диссертации исследования, отметим еще раз следующее. Авторы не стремились дать максимально подробную

характеристику всех предложенных В.А. Мазилковым идей. Важно было показать, что проблематика психологии мышления стала одним из первых направлений его научно-исследовательской работы. При этом диапазон анализа разных аспектов проблемы мышления был выбран им максимально широко. Как мы уже упоминали выше, В.А. Мазилковым на разных этапах творческого пути рассматривается проблематика мышления в гештальтпсихологии, проблематика творческого мышления, анализируется место и роль мышления в структуре общепсихологического знания, в реализации профессиональной деятельности и др. Частично указанные аспекты анализа будут рассмотрены ниже. Здесь же считаем необходимым продолжить знакомство с результатами теоретико-методологического исследования проблематики мышления в работах В.А. Мазилова.

Проблема мышления в гештальтпсихологии

Обращение В.А. Мазилова к анализу проблемы мышления в гештальтпсихологии можно обосновать, как минимум, двумя причинами. Во-первых, это интерес к разработке проблемы мышления в общепсихологическом контексте как продолжение исследований феномена мышления, начатых им при подготовке кандидатской диссертации. В этом контексте не удивительно обращение именно к опыту гештальтпсихологов, значительное внимание уделивших именно мышлению как центральному феномену психологической науки [Мазиллов, 1990; Мазиллов, 2010; Мазиллов, 2011; Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2016]. Именно его мы и рассмотрим чуть более подробнее ниже.

Во-вторых, изучение эволюции гештальттеории мышления (как и других теорий мышления в психологии) позволило В.А. Мазиллову концептуализировать другие, едва ли не центральные идеи его научного творчества, а именно идеи соотношения теории и метода в психологии, интеграции психологического знания, исторического анализа развития психологии. Мы обратимся к анализу упомянутых идей чуть позже, однако

предлагаем читателю познакомиться с интереснейшим анализом теорий мышления в психологии, проведенным автором [Мазиллов, 1998, с. 258-295].

Итак, обращение к проблеме мышления в гештальт-психологии [Мазиллов, 2011; Мазиллов, 2016 и др.] обосновывается В.А. Мазилловым рядом причин, среди которых можно выделить ряд наиболее значимых.

Во-первых, гештальт-психология внесла крупный вклад в разработку и решение проблем восприятия, мышления, личности.

Во-вторых, еще более значимо, что гештальт-психология оказала серьезное влияние на разработку проблемы целостности в психологии - одной из центральных проблем психологической науки.

Отстаивая идею целостности психики, В.А. Мазиллов отмечает, что для психологии важным является не столько доказательство первого (это очевидно), сколько понимание того, как эту целостность изучать, как ее анализировать. В этом плане хотелось бы обратить внимание читателя на интереснейшую статью В.А. Мазилова [Мазиллов, 2020], в которой автор критикует ряд традиционных для советской психологии методологических подходов к стратегии изучения психического (анализ психического по единицам) и предлагает оригинальный подход к максимально широкому и целостному пониманию предмета психологии.

Итак, проблема целостности психического носит выраженный методологический характер - вопрос не в том, целостная психика или нет, а в том, как эту целостность изучать, анализировать. Автор пишет следующее: «Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том, как трактовать причины этой целостности. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила - апперцепция, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы»

создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологии состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились каким-либо «псевдообъяснением» (указанием на какие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они старались обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер проводил свои известные исследования по коллоидной химии. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников» [Мазилов, 2011, с. 82].

Мы видим, что проблема целостности, конечно, входила в предмет научных интересов не только гештальтпсихологов - это была одна из центральных проблем психологии на рубеже XIX-XX вв. Однако именно в гештальтподходе были предприняты наиболее продуктивные меры, позволившие оригинальным образом эту проблему решать. При этом важнейшую роль в последнем сыграло обращение гештальтпсихологов к проблеме мышления в психологии. Сам автор пишет об этом следующим образом: «Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии, и гештальтпсихологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии» [Мазилов, 2011, с. 84]. Приведенная цитата хорошо иллюстрирует предметный интерес В.А. Мазилова к истории гештальттеории мышления,

так как в ней решались разрабатываемые им в кандидатской диссертации проблемы творческого мышления.

Обращаясь, прежде всего, к классической гештальттеории, В.А. Мазиллов обобщает основные положения этого подхода к пониманию мышления следующим образом. Им были выделены ряд характерных признаков гештальттеории мышления:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.

2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.

3. Мышление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).

4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).

5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии Вюрцбургской школы и бихевиоризму).

6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).

7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).

8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).

9. «Нерефлексивность» мышления - мышление есть принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле [Мазилов, 2011, с. 85].

Приведенная В.А. Мазиловым характеристика традиционного гештальтподхода к мышлению хорошо иллюстрирует, во-первых, критическую позицию гештальттеории в отношении других подходов к пониманию мышления (ассоциативная психология, бихевиоризм и др.), во-вторых, позволяет показать далее эволюцию теории гештальтистов в отношении развития этих основных положений. Также можно сказать, что развиваемые им в кандидатской диссертации идеи хорошо иллюстрируют развитие психологии мышления в XX в. Конкретнее, речь идет о выделении им трех этапов развития гештальттеории мышления в прошлом столетии:

1 этап: «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 1920-х гг.). Для этого этапа преимущественно характерно представление о мышлении, описанное В.А. Мазиловым выше.

2 этап: «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 1930-40-е гг.). Эволюционное движение гештальттеории на этом этапе проявляется в постепенном отказе от исходных представлений гештальтпсихологов от классической теории мышления.

3 этап: «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 1950-70-е гг.). Здесь происходит не просто отказ от классических представлений о мышлении, но формируются гибридные теории мышления, происходит синтез гештальтподхода с другими психологическими направлениями, например, с когнитивной психологией, психоанализом, генетической психологией.

Наглядная иллюстрация эволюции гештальттеории мышления была дана В.А. Мазиловым при обращении к

истории научного творчества одного из представителей подхода - Лайоша Секея. Характеризуя подход Л. Секея, он пишет следующее: «Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление - продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

1) признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;

2) признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);

3) мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения, в том числе, жизненных, практических задач;

4) происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);

5) происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых) [Мазилов, 2011, с. 87].

Сравнивая идеи Л. Секея с описанными выше классическими представлениями о мышлении, мы отчетливо видим изменение и развитие гештальтподхода - признание роли опыта в процессе мыслительной деятельности, включение деятельностных и личностных характеристик в процесс мышления, включение неосознаваемых уровней в процесс мышления и т.д.

Еще более интересным является обращение к творчеству Л. Секея для характеристики третьего этапа развития гештальттеории мышления. Именно здесь наиболее отчетливо проявляются интеграционные тенденции в истории развития психологической науки. Так, В.А. Мазилов пишет, что «на третьем этапе (1950-70-е гг.) теория мышления трансформируется за

счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи» [Мазиллов, 2011, с. 87].

Особое внимание к творчеству Л. Секея объясняется не только тем, чтобы проиллюстрировать эволюцию гештальттеории в целом, но и показать оригинальный подход Секея к разработке проблем мышления: «Творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что фактически мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии» [Мазиллов, 2011, с. 88]. В этой характеристике подхода Секея мы опустили ряд данных В.А. Мазилловым интересных описаний. Чтобы более детально оценить и подход Секея, и эволюцию его взглядов на мышление, предлагаем читателю обратиться к другой работе автора [Мазиллов, 2016], в которой более детально реконструируется история развития взглядов Секея, история их интеграции с психоанализом и когнитивной психологией, история перехода Секея от, собственно, гештальтпсихологии к психоаналитическому направлению.

Как мы уже упоминали, цитируемая работа В.А. Мазилова ценна еще и тем, что обращение автора к проблеме эволюции гештальттеории хорошо иллюстрирует еще одно направление методологических его исследований, а именно разработку проблемы интеграции в психологии. Надеюсь не утомить читателя цитатами, приведем еще одну, наглядно иллюстрирующую последний тезис:

«Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за рамки научной школы. Это неизбежно, так как постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с узкими теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания» [Мазилов, 2011, с. 88].

Завершая краткое описание взглядов В.А. Мазилова на проблему мышления, отметим следующее. Начав с исследования проблем творческого мышления в кандидатской диссертации, он, по сути, и сегодня продолжает разработку разных аспектов проблемы мышления. Сложность феномена мышления позволяет использовать результаты его анализа для решения

множества задач как чисто прикладного (например, роль мышления в образовании), так и теоретико-методологического характера (разработка проблемы интеграции в психологии). Конечно, особый интерес представляют результаты историко-психологического анализа развития гештальтпсихологии, результаты которого были представлены нами лишь частично.

Идя дальше в описании этапов научного пути В.А. Мазилова, отметим, что решение им проблем психологии мышления позволило, в том числе, разработать оригинальную методологическую концепцию соотношения теории и метода в психологии.

2.2. ТЕОРИЯ И МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ

Обращаясь к ключевому проекту научно-исследовательской деятельности В.А. Мазилова, необходимо сказать, что его реализация стала возможна благодаря многолетним исследованиям в области теории, методологии и истории психологической науки. При этом нельзя не сказать, что и более ранние исследования в области психологии мышления оказали существенное влияние на формулирование основных положений концепции соотношения теории и метода в психологии. Перед тем, как кратко охарактеризовать ее основное содержание, напомним ряд важных моментов.

Во-первых, наиболее завершенный вид концепция соотношения теории и метода в психологии приобрела в докторской диссертации, которую В.А. Мазиллов защитил в 2000 г. на базе Московского педагогического государственного университета на тему «Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки» [Мазиллов, 1999]. Научным консультантом по диссертации выступил академик РАО, доктор психологических наук, профессор В.Д. Шадриков; официальными оппонентами - член-корреспондент РАН, действительный член РАО, доктор психологических наук,

профессор А.В. Брушлинский, действительный член РАО, доктор философских наук, профессор К.А. Абульханова, а также доктор психологических наук, профессор С.Д. Смирнов. Наличие столь значительных для российской психологии фигур в качестве и научного консультанта, и оппонентов говорит о серьезном внимании психологического сообщества к выдвинутым в диссертации идеям.

Во-вторых, именно в рамках разработки концепции соотношения теории и метода В.А. Мазилковым были опубликованы наиболее глубокие и объемные работы по проблемам истории, теории и методологии психологической науки - «Методология психологической науки» [Мазиллов, 2003], «Стены и мосты: методология психологической науки» [Мазиллов, 2004], «Методологические проблемы психологии» [Мазиллов, 2006], «Методология психологической науки: история и современность» [Мазиллов, 2017] и мн.др.

В-третьих, развитие концепции соотношения теории и метода в психологии получило и официальное признание в научном сообществе, когда в 2020 г. Российской академией наук В.А. Мазиллову была присуждена премия имени С.Л. Рубинштейна за серию научных работ по теме «Методология и история современной психологии» (подробнее об этом см. в [Новиков, 2021]).

Столь широкая представленность концепции соотношения теории и метода в психологии в научных изданиях снимает с авторов настоящей работы необходимость ее подробной характеристики. И перед тем, как раскрыть основные положения концепции, отметим еще один немаловажный момент. Концепция является замечательным примером реализации комплексного исторического, теоретического и методологического подхода к анализу проблемы развития психологической науки как самостоятельной отрасли научного знания. В этом проявляется, в том числе, ее важнейшее дидактическое значение. Текст диссертации В.А. Мазилова и упомянутые выше монографические издания являются ценным

источником знания о оригинальном подходе к периодизации психологической науки. Поясним нашу мысль.

В первой крупной работе по проблеме соотношения теории и метода в психологии [Мазилев, 1998] мы обнаруживаем оригинальный подход к периодизации истории психологии, предложенный В.А. Мазилевым и развивающий идеи одного из учителей автора - М.С. Роговина [Роговин, 1969]. Опираясь на предложенную М.С. Роговиным периодизацию истории психологии (донаучный, философский, научный этапы), В.А. Мазилев раскрывает сущность кризисного состояния современной психологической науки, анализирует состояние проблемы предмета и метода психологии и т.д. (подробнее см. главу 1 цитируемой работы). Собственно особое дидактическое значение имеет третья глава работы 1998 г., в которой подробно рассматривается история развития психологии в XVIII-XIX вв., описывается вклад философов, физиологов, психологов в становление психологии как самостоятельной науки (Хр. Вольф, И. Кант, И. Герbart, О. Конт, Д. С. Милль, В. Вундт и др.).

Здесь же подробно раскрывается история развития основных методов психологической науки - интроспекции и эксперимента в работах выдающихся философов, психологов, физиологов - В. Вундта, Ф. Brentano, Г. Эббингауза, Э. Титченера, У. Джемса, Г. Фехнера, Г. Гельмгольца, Н.Н. Ланге, А. Бине и др.

Не меньший интерес для читателя вызовет проведенный В.А. Мазилевым подробный анализ основных теорий мышления в XIX в. - мышление в ассоциативной психологии, в теориях В. Вундта, Ф. Brentano, Г. Эббингауза и мн.др.

Не будем далее более подробно вдаваться в содержание рассматриваемой работы - предоставим читателю возможность сделать это самостоятельно. Отметим лишь еще раз, что цикл проведенных В.А. Мазилевым исследований позволяет познакомиться с оригинальным подходом к периодизации истории психологической науки, не уступающим по своей ценности многим другим научным изданиям, в которых решается аналогичная задача.

Обратимся теперь к основным положениям разработанной В.А. Мазиловым концепции соотношения теории и метода в психологии.

Актуальность проблемы исследования

Необходимость разработки концепции определялась рядом проблем современной психологической науки, сохраняющим свою актуальность и сегодня.

Во-первых, неудовлетворительное состояние современной психологии, выражающееся, в том числе, в отсутствии полноценного описания ее методологии, привело к кризисному состоянию науки в конце XX в. Отметим, что это не какой-то новый характерный исключительно для современности кризис, а ситуация, развивающаяся на всем протяжении XX в., когда еще в первой трети прошлого столетия констатировались кризисные явления в науке.

Во-вторых, характерным для психологической науки по-прежнему остается упор на использование естественнонаучной методологии, в которой практически невозможно учесть специфику и уникальность предмета психологии.

Эти два ключевых момента определили основную идею исследования, выраженную автором следующим образом: «В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии. Новая методология должна быть коммуникативной, т.е. предполагать возможность соотнести различные подходы на основе единого «операционного стола» (М. Фуко) [Мазилов, 1999, с. 4].

Отметим, что коммуникативная направленность предлагаемой В.А. Мазиловым методологии исходит из того, что в психологии к концу XX в. сложилось множество самых разных направлений, подходов, школ, теорий и концепций психического, коммуникация между которыми затруднена именно в отсутствие единой и принятой всем психологическим

сообществом методологии науки. Центральной проблемой здесь остается отсутствие единого понимания предмета психологии. То есть формально в сообществе признается, что предметом психологии является «психика», однако ее трактовки существенным образом различаются: психическое либо сводится к какому-то другому типу знания (физиологическому, социологическому и т.д.), либо объясняется одной или несколькими категориями (деятельность, личность, сознание и бессознательное и пр.), либо понимание встраивается в тот или иной приоритетный для исследователя подход в психологии (когнитивный, поведенческий, психоаналитический и т.д.).

При всем том, что констатируемые признаки кризисного состояния науки в целом понятны, выход из него представляет значительные трудности. С точки зрения В.А. Мазилова в качестве последнего может рассматриваться решение проблемы соотношения теории и метода в психологии, недостаток внимания к разработке которой ведет к разрыву в понимании логики психологического исследования. Сам автор пишет об этом следующее: «В психологии исторически сложилось так, что исследования по проблемам теории и метода относились к разным контекстам: теория в основном анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. В результате оказывается, что соотношение теории и метода в психологической методологии лишь «подразумевается», тогда как конкретные формы и механизмы связи теории и метода фактически остаются нераскрытыми» [Мазилов, 1999, с. 4].

Чтобы внести ясность в данное автором описание, обратим внимание на следующее. Источником кризиса в психологии является не просто множество теорий, концепций психического, направлений и подходов в психологии, а разная трактовка ими того, что подразумевается под психическим как предметом психологии. При этом выход из кризиса не может быть найден выбором какой-то одной - «лучшей» или

универсальной, или супер-теории и т.п. Существующие в психологии концептуализации психического (в виде теорий, концепций, подходов и т.д.) должны соотноситься друг с другом таким образом, чтобы в итоге соотнесения была возможность не выбрать «лучшую» из них, а дать максимально широкое, комплексное описание психического на основе принятой сообществом методологии психологического исследования. Однако невозможность в настоящее время произвести это соотнесение как раз и определяется неразработанностью проблемы соотношения теории и метода в психологии.

Исследовательские вопросы

Следствием констатации последнего и явились вопросы, на решение которых направлена концепция соотношения теории и метода в психологии В.А. Мазилова [Мазилон, 1999, с. 5].

Вопрос 1. Многие авторы подчеркивают определяющую роль теории в этом соотношении (соотношении теории и метода). Но теория выступает результатом научного исследования, тогда как методы являются средством получения этого результата и их использование явно предшествует формулировке теории.

Поясним, что помимо анализа собственно теорий психического необходимо понимать, как, с помощью какого метода эти теории были концептуализированы. В любом теоретическом построении метод задает пространство возможного результата.

Вопрос 2. Очевидно, что научный метод представляет собой целостность, но каково при этом соотношение инвариантного и вариативного в его структуре, чем именно определяется модификация метода в том или ином конкретном исследовании, до сих пор не вполне понятно.

Вопрос 3. Не вполне ясна также связь между эмпирическими и теоретическими методами в психологии. Решить вопрос об отношении эмпирических и теоретических методов можно только в том случае, если будет выяснено соотношение теории и метода.

Произведенная таким образом проблематизация еще раз позволяет обратить внимание, что проблема кризиса психологии - это не проблема множества теорий психического, это проблема методологическая. Требуется понимание того, как производится психологическое знание, какие методы определяют его получение и т.д.

Теперь у нас есть возможность рассмотреть оригинальный вариант решения проблемы соотношения теории и метода в психологии, предложенный автором. Не будем подробно анализировать содержание цитируемой работы, воспользовавшись ее основными положениями (курсивы и выделения наши - В.К., Ю.С.) [Мазилов, 1999, с. 10-13].

Основные положения концепции

1. Существуют реальные механизмы, обеспечивающие единство теории и метода в психологической концепции, основой которого является «предтеория»: совокупность исходных представлений, определяющая основные характеристики эмпирического исследования и предшествующая как проведению эмпирического исследования, так и формулированию собственно теории. Предтеория представляет собой инвариант, в структуру которого входят: *опредмеченная проблема* (исследуемая проблема в соотнесении с предметом науки, который определяет идею, принцип метода), *базовая категория*, задающая организационную схему исследования (как структурного, функционального, процессуального и т.д.), *моделирующие представления*, определяющие совокупность конкретных исследовательских процедур.

Возможность выделения предтеории и ее инвариантных составляющих и позволяет производить соотнесение разных теоретических построений на методологическом уровне анализа.

2. Методы, традиционно используемые в психологии (в частности, самонаблюдение и эксперимент), внутренне неоднородны. Методы научной психологии имеют существенные отличия как от аналогичных методов

предшествующей психологии (донаучной и философской), так и от аналогичных методов физиологии, психофизиологии и психофизики. «Классическая интроспекция» (Э. Боринг) включает в себя целую группу разновидностей. Адекватным описанием существующего парадоксального «разнообразия в единстве» может служить уровневый подход к анализу методов. Научный психологический метод представляет собой целостное образование, в котором могут быть выделены по крайней мере три уровня: *идеологический, предметный, процедурный*. *Идеологический уровень* характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), *предметный* раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т.д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). *Процедурный уровень* определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов, направленных на получение необходимого эмпирического материала.

Выделение уровней научного метода позволяет максимально конкретно производить соотнесение разных теоретических построений и интегрировать их по основанию заложенного в структуре каждого уровня содержания. Например, как было отмечено автором, многообразие теоретических построений может быть сведено либо к изучению явлений самосознания, либо явлений поведения. Таким образом, если мы имеем возможность так сгруппировать интересующие нас теоретические построения (концепции, теории и т.д.), мы можем попытаться найти общее между ними. И здесь же - разные концепции психического будут отличаться друг от друга не столько разными результатами эмпирических исследований (это очевидно), сколько разными изначальными установками на исследование разных явлений психического,

например, установкой на изучение явлений самосознания или явлений поведения и т.д. В этом, еще раз, и проявляется сущность методологического решения проблемы множества различающихся друг от друга теорий и концепций психического.

3. Предтеория выступает основной детерминантой наиболее существенных характеристик метода. Метод в психологии в рассматриваемый исторический период (вторая половина XIX в. - В.К., Ю.С.) имеет уровневое строение. Может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода. Выявление структуры предтеории и уровней метода позволяет внести ясность в проблемы, которые являются в психологии дискуссионными: инвариантность либо вариативность метода, его нормативность либо дескриптивность. Метод на идеологическом уровне выступает как инвариантный и нормативный, на предметном и, тем более, процедурном может характеризоваться как вариативный и дескриптивный.

В этом положении автор конкретизирует способ аналитической работы по соотнесению теорий и концепций в психологии. В дополнение к комментариям к предыдущему положению отметим, что эта работа может строиться и в обратном порядке - первоначально возможна характеристика многообразия моделирующих представлений, базовых категорий и организующих схем. Здесь мы получаем значительный спектр тех самых теоретических построений и концептуализаций, которые являются предметом соотнесения. Однако на идеологическом уровне анализа мы получаем возможность соотнести их по наиболее крупным основаниям анализа и произвести обратную аналитическую процедуру. В результате мы увидим не множество несоотносимых концептуализаций, а ограниченное число идеологически схожих теорий и концепций психического. Для того, чтобы

эти рассуждения были более понятны читателю, предлагаем обратиться к уже неоднократно цитированной нами работе В.А. Мазилова, конкретнее, к параграфу 3.3. «Проблема теории в психологии» [Мазилов, 1998, с. 258-295].

4. Для психологии периода ее становления как самостоятельной научной дисциплины может быть построена модель соотношения теории и метода. В данный исторический период психология представляла собой непосредственную науку. Научная психология делала свои первые шаги и концепции носили конституирующий характер. Тем не менее в указанный исторический период появляется новое соотношение: сконструированная теория начинает «корректировать» предтеорию нового цикла исследований. Цикл исследования становится замкнутым: «предтеория» - «метод» - «теория» - «предтеория-1» - и т.д. Таким образом появляется отношение, когда теория непосредственно начинает определять характеристики используемых методов.

Данное положение вызывает особый интерес ввиду того, что в своей работе В.А. Мазилов показал историческую обусловленность формирования психологии как самостоятельной науки в XIX в. В этом плане интересна сравнительная характеристика как основных методов психологии (интроспекции и эксперимента), так и уже упомянутых теорий мышления в теоретических построениях разных научных школ в XIX в.

5. Выявлены и описаны условия, обеспечивающие возможность перехода к теоретическому анализу в психологии. В качестве основного условия выступает несовпадение базовой и объясняющей категорий и, соответственно, организующей и объясняющей схем. Новый этап развития психологии начинается в исследованиях Вюрцбургской школы: психология перестает быть непосредственной наукой - появляется как первый вариант опосредствованного метода (проведение вспомогательного моделирующего эксперимента), так и зарождение теоретических методов анализа. Теоретический

метод связан с использованием схемы интерпретации-объяснения.

Данное положение хорошо иллюстрирует одну из фундаментальных проблем психологической науки, а именно проблему объяснения в психологии. Несколько позже она вошла в структуру так называемой *когнитивной методологии психологии*, развиваемой В.А. Мазилковым по сей день (см., например, [Мазилков, 2007; Мазилков, 2017]).

6. Анализ соотношения теории и метода в психологии позволяет по-новому трактовать предысторию научной психологии, выделение психологии в самостоятельную дисциплину и первые этапы развития психологии как самостоятельной науки: научная психология была конституирована благодаря применению метода научной интроспекции. Первым вариантом научной интроспекции было структурное самонаблюдение, впервые использованное в физиологической психологии В. Вундта.

Заложенное в этом положении содержание интересно прежде всего тем, что позволяет произвести логическую реконструкцию выделения психологии в самостоятельную научную дисциплину. Автор обращает внимание, что интроспекция широко использовалась и ранее - на философском этапе развития психологии. Однако в работах В. Вундта она приобрела характер научного метода: «интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более строгой, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры сознания, описывать элементы, из которых построено сознание» [Мазилков, 1998, с. 226].

Завершая краткое описание основных положений концепции соотношения теории и метода в психологии, отметим вслед за автором, что результатом ее является разработка общей методологии психологической науки. Речь идет о комплексе

актуальных методологических проблем психологии, объединенных автором в структуре когнитивной методологии (решение проблем предмета, метода, объяснения в психологии и др.), коммуникативной методологии и методологии психологической практики.

Однако значительно более существенным является не столько разработка отдельных методологических проблем и вопросов психологии, сколько переход на более высокий уровень теоретико-методологического анализа, предметом которого является интеграция психологического знания и разработка специальной интегративной методологии психологии. В.А. Мазиллов пишет, что «разработка отдельных вопросов методологии (даже таких воистину судьбоносных для психологии как проблема предмета, метода, объяснения и т.д.) взятых сами по себе не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня *разработку интегративной методологии*. Под интегративной методологией понимается *общая методология психологии* как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, что мы и называем *интегративной методологией* (или *концепцией общей методологии психологии*). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологической теории, объяснения и т. д.» [Мазиллов, 2007, с. 348].

Обратим внимание еще раз - после постановки и решения проблемы соотношения теории и метода в психологии В.А. Мазиловым началось углубление и расширение содержания *когнитивной методологии, коммуникативной методологии, методологии психологической практики*. Каждая из методологий не является закрытым теоретико-методологическим образованием, так как именно в них решается еще более фундаментальная проблема создания методологии психологии как теоретической системы. Последняя и представляет собой так называемую *интегративную методологию психологии*, острая потребность в которой существует на всем протяжении развития психологии как самостоятельной отрасли научного знания.

В дополнение к сказанному обратим внимание читателя на раздел *IV. Коллеги и друзья о юбиларе*, в котором представлена рецензия одного из авторов настоящей монографии В.В. Козлова на одну из ключевых книг В.А. Мазилова - «Методология психологической науки: история и современность» [Козлов, 2019]. В этой статье дается краткое изложение идей юбилара в области методологии современной психологии, интеграции в психологии мн.др. Достоинством этой статьи является краткое изложение идей В.А. Мазилова и их соотнесение с актуальными потребностями современной психологической науки.

И последнее. В настоящем параграфе авторы лишь поверхностно раскрыли содержание методологических исследований юбилара. Более глубокий их анализ и не входил в задачи настоящего издания. Гораздо важнее показать, что научное творчество В.А. Мазилова не сконцентрировано исключительно вокруг теоретических и методологических проблем психологии. Ниже мы увидим, что в том числе и последние являются основанием для разработки им самых разных проблем общей психологии, психологии образования и педагогической психологии, психологии способностей и мн.др.

2.3. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В предыдущем параграфе работы мы обратили внимание, что разработка концепции соотношения теории и метода в психологии была направлена на решение методологических проблем психологии. Средством этого является работа с психологическим знанием на методологическом уровне анализа всего многообразия существующих теорий, концепций, подходов и направлений в психологии. При этом еще более обобщенным результатом концепции является разработка общей методологии психологии, которая осуществляется В.А. Мазиловым в настоящее время.

Однако было бы не верным утверждать, что направление данной работы - это только движение вверх, движение к максимальному методологическому обобщению психологического знания и способов его производства. Разработанная В.А. Мазиловым когнитивная методология психологии направлена на предшествующий методологическому, наиболее важный для всех разделов психологии общепсихологический уровень развития и функционирования психологического знания. Конкретнее, речь идет о разработке проблемы предмета психологии, понимание которого принципиально важно для развития всего корпуса разделов психологической науки.

Не будем в настоящем тексте специально останавливаться на обосновании того, что проблема предмета психологии - центральная методологическая проблема всей психологической науки. Тем более, в одной из последних работ, посвященных этому вопросу, юбиляр это прекрасно сделал [Мазилов, 2020]. Здесь необходимо обратить внимание, что одним из наиболее оригинальных результатов разработки проблемы предмета психологии является теоретический анализ этой проблемы, предполагающий, «что методологические понятия существуют не сами по себе, а представляют определенную систему. Это означает, в первую очередь, что каждое понятие

выполняет определенные функции в системе методолого-психологического знания» [Мазиллов, 2020, с. 26-27]. Именно анализ функций предмета психологии и далее - его основных характеристик позволил В.А. Мазиллову существенным образом обновить содержание общепсихологического знания в соответствии с концепцией соотношения теории и метода в психологии.

Проведя теоретический анализ проблемы предмета психологии, В.А. Мазиллов выделил шесть основных его функций [Мазиллов, 2020, с. 27-28]:

- а) конституирование науки;
- б) обеспечение работы «машины предмета»;
- в) определение предмета исследования;
- г) роль предметного стола;
- д) предмет должен определять границы науки, то есть охватывать все пространство дисциплины;
- е) дидактическая функция.

Далее им были описаны и основные характеристики предмета:

а) предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным;

б) предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического;

в) понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания;

г) понимание предмета должно быть таким, чтобы обеспечить возможность психологического объяснения (нередуктивного);

д) понимание предмета должно быть целостным и не допускать замены целостного предмета на его «замену»:

в качестве «подмены» обычно используют единицу, замещающую реальный предмет (почему-то считается, что единицу легче изучить);

е) понимание предмета должно быть экологичным, он должен органично вписываться в окружающий мир, гармонизировать с биосферой и ноосферой.

В качестве наиболее соответствующего выделенным функциям и характеристикам В.А. Мазилковым был определен конструкт *внутреннего мира человека*. Его подробная характеристика была дана в многочисленных работах другого выдающегося отечественного теоретика и методолога психологии В.Д. Шадрикова [Шадриков, 2010; Шадриков, 2019; Шадриков, 2021 и др.]. Не будем подробно описывать позиции, выдвинутые В.А. Мазилковым в поддержку последнего тезиса - им это было сделано в цитируемой работе [Мазилков, 2020, с. 57-65]. Отметим лишь, что использование конструкта *внутренний мир человека* позволяет решить ряд фундаментальных проблем психологической науки, среди которых могут быть выделены следующие:

1) Психофизиологическая проблема, поскольку функционирование внутреннего мира обеспечивается работой соответствующей функциональной системы.

2) Снимается конфликт между конкурирующими принципами отражения и конструктивизма, поскольку во внутреннем мире разграничиваются сферы их действия.

3) Удовлетворительно решается биосоциальная проблема обусловленности внутреннего мира человека, поскольку способности - центральное системообразующее понятие - рассматриваются на трех уровнях - уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне, что позволяет четко развести влияние указанных факторов.

4) Внутренний мир рассматривается как имеющий онтологический статус, поэтому психология получает статус

фундаментальной науки, изучающей реально существующие явления.

5) Пересматривается роль объяснения в психологии, появляется возможность нередуктивного объяснения [Мазилов, 2020, с. 64].

Реализуя дидактическую функцию предмета науки, В.А. Мазиловым совместно с В.Д. Шадриковым был разработан учебник по центральному разделу психологической науки - общей психологии [Шадриков, Мазилов, 2015]. Оригинальность и уникальность учебника состоит в том, что за долгие годы выпуска в современной России учебной литературы по общей психологии данный учебник построен на материале именно современных методологических исследований в психологии. Сами авторы пишут об этом следующим образом: «Авторы учебника, вслед за С.Л. Рубинштейном, считают, что учебная книга должна сочетать в себе как дидактические, так и научные задачи. Поэтому учебник содержит не только устоявшийся материал, но и ставит новые проблемы или дает новую трактовку традиционным вопросам. Для примера можно указать авторский подход к пониманию и развитию внутреннего мира человека, формированию личностных качеств; также дается новая трактовка понимания способностей, восстанавливается в правах «мысль» как одна из основных категорий психологии, традиционное для отечественной психологии понятие деятельности излагается с позиций системогенетического подхода» [Шадриков, Мазилов, 2015, с. 8].

Конкретизируя сказанное, отметим следующее. С одной стороны, в учебнике представлены традиционные для такого типа издания разделы - краткое описание истории психологии, методы психологии, мотивационная, эмоционально-волевая сферы человека, познавательные процессы и т.д. Однако и эти разделы, и все остальные представляют собой не традиционное описание «функций», «процессов» и «состояний», а характеристику всего многообразия проявлений внутреннего мира человека.

Используя уровневый подход к пониманию внутреннего мира человека, авторы раскрывают его структурные, функциональные, генетические особенности. Поэтому, например, в разделе «Развитие внутреннего мира» мы не найдем традиционного перечисления периодизаций психического развития, зачастую упоминаемых лишь формально без их сравнительного анализа. Авторы идут другим путем. Они объясняют генезис внутреннего мира человека, законы его функционирования исходя из системогенетической теории В.Д. Шадрикова, объяснительные возможности которой распространяются на все явления и феномены внутреннего мира, на все периоды и этапы его развития. Именно поэтому в разделе «Периодизация процесса формирования внутреннего мира» авторам нет необходимости компилировать многочисленные периодизации, в основу которых положены зачастую принципиально различающиеся основания - ведущая деятельность ребенка, идентичность, возрастные кризисы, динамика эмоционально-потребностной сферы и пр. Здесь, по сути, впервые в отечественной психологии была предложена полноценная периодизация развития внутреннего мира человека от его зарождения до смерти. Уверены, знакомство читателей с этим разделом учебника внесет существенный вклад не только в профессиональное образование молодого психолога, но и зрелого, состоявшегося специалиста.

Хотелось бы обратить внимание и на ряд других разделов учебника, заметно отличающих его от изданий подобного типа.

Например, специальный раздел учебника посвящен проблеме способностей человека (глава 10). В нем авторы выходят за традиционные пределы рассмотрения способностей в варианте Б.М. Теплова и последующей констатации наличия общих и специальных способностей. На материале методологического анализа подходов к способностям в работах А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна В.Д. Шадриковым была предложена новая теория способностей, рассматривающая их как структурно-уровневое образование. Ценность этой теории в том, что

на место традиционно выделяемых общих и специальных способностей автор предложил три вида способностей человека, раскрывающих функциональные и генетические особенности внутреннего мира человека. Это способности индивида (свойства функциональных систем организма), способности субъекта деятельности (операциональные механизмы деятельности) и способности личности (духовные состояния, мотивация и пр.). При этом предыдущие и последующие разделы учебника гармонично интегрированы с новой теорией способностей В.Д. Шадрикова, раскрывая механизмы развития и функционирования деятельности человека, субъекта деятельности, личности и т.д.

Еще один пример, на который бы хотелось обратить внимание - это глава, посвященная проблеме одаренности и интеллекта (глава 11). Именно на материале новой теории способностей в ней раскрывается сущность одаренности - ее структурная, функциональная и генетическая организация. И здесь одаренность рассматривается не в отрыве от других психологических явлений, а как феномен, вплетенный в сложную организацию внутреннего мира человека.

Отметим еще раз - подготовленный В.Д. Шадриковым и В.А. Мазиловым учебник представляет собой поистине уникальное издание для отечественной, и, не побоимся это сказать, мировой психологической науки. В нем представлена *новая психология*, построенная на результатах современных исследований в области теории, методологии и истории психологии. В отличие от множества других аналогичных изданий в учебнике нет противоречия между введением в психологию и последующим его содержанием.

И последнее, что хотелось бы сказать о проблемах общей психологии и дидактическом значении методологических исследований В.А. Мазилова. Учебник по общей психологии сопровождается уникальным изданием - шеститомной хрестоматией, в которой изучение каждой составляющей внутреннего мира человека соответствует комплекс

первоисточников для организации самостоятельного их изучения [Общая психология, 2019 и др.]. Структура хрестоматии построена таким образом, чтобы каждая глава учебника (всего их 15) была обеспечена достаточным числом первоисточников - фрагментами работ отечественных и зарубежных психологов, философов, педагогов. Это по настоящему уникальный труд, в котором представлены работы не только по истории психологии, но и работы, отражающие современное состояние психологической науки, ее междисциплинарные связи с другими научными дисциплинами. Таким образом в комплексе изданий, посвященных проблемам общей психологии, в полной мере была реализована важнейшая функция предмета психологии - дидактическая.

2.4. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В предисловии к настоящему изданию мы уже обратили внимание читателя, что отличительной особенностью В.А. Мазилова как ученого является многообразие проблем, входящих в круг его научных интересов. При этом речь идет не только о проблемах верхнего уровня психологического знания - теоретических, методологических, исторических, но и проблемах психологической практики. На материале последних неоднократно производилась оценка и апробация разрабатываемых проблем теории, методологии и истории психологии. Конечно, на первый взгляд, результаты этих исследований не носят столь широкого и обобщающего характер, что очевидно - прикладные проблемы требуют максимально конкретных решений. Однако их отличительной особенностью всегда была своевременность и соответствие актуальным запросам психологической и педагогической общественности. Именно двум последним направлениям прикладных исследований посвящено наибольшее число работ, подготовленных В.А. Мазиловым. Прежде чем чуть

более подробно рассмотреть некоторые из них, обратим особое внимание на опубликованную в 2018 году статью в журнале Ярославский педагогический вестник - «Инновации в современном образовании: психология vs педагогика» [Мазилов, 2018]. При этом призываем читателей и самостоятельно познакомиться с этой работой юбиляра, так как она замечательным образом констатирует состояние проблемы интеграции в гуманитарных науках и проблемы прикладного использования психологических знаний.

Предметом обсуждаемой статьи являются особенности взаимоотношений двух научных дисциплин, самым тесным образом связанных с решением проблем образования - собственно психологии, определяемой автором в качестве фундаментальной науки, и педагогики - науки, носящей выраженный прикладной характер. Определяя характер отношений психологии и педагогики, В.А. Мазилов отмечает, что «психология как фундаментальная наука изучает существующее, иными словами, имеющее выраженный онтологический статус. Педагогика же - дисциплина, изучающая деятельность по проектированию и формированию изменений личности. Не станем сравнивать (или, упаси Господи, пытаться определить, что важнее), лишь обратим внимание на различный статус этих дисциплин. Здесь лишь подчеркнем, что эффективность взаимодействия этих наук зависит от многих факторов и условий. На наш взгляд, определяющее значение имеет то, как понимается предмет психологической науки. Предмет психологии задает онтологический статус явления, а педагогика проектирует систему воздействий на него с целью получения желаемого результата» [Мазилов, 2018, с. 9]. Однако этот характер отношений двух научных дисциплин выглядит гармонично лишь на бумаге, точнее, так он выглядит в словарях и учебниках.

В действительности же ситуация с отношениями психологии и педагогики выглядит с точки зрения юбиляра не так радужно. Он отмечает, что на фоне непрерывных инноваций

и реформ педагогического образования «в очередной раз продумываются организационные формы, составляются планы мероприятий по переходу с одного уровня на другой, но упускается из виду внутренний план, который позволил бы проследить, направлять и программировать работу психологических механизмов (в первую очередь, связанных с мотивацией и целеполаганием). Конечно, дело не обстоит так, чтобы про мотивацию, к примеру, совершенно забыли - про нее продолжают «приговаривать», но при этом наблюдается типичная картина: то, что должно было бы выступать сердцевиной, «системообразующим фактором», оттесняется на периферию, а доминирующую роль играют разного рода педагогические построения и концептуализации. Если выразить суть проблемы кратко: педагогические разработки доминируют, тогда как психологические явно недооцениваются» [Мазилов, 2018, с. 9-10].

Типичным примером описанного положения дел стала набравшая в 2010-е гг. популярность неформального образования, основные идеи которого, как часто бывает в последнее время, пришли из системы зарубежного образования. Не вдаваясь в подробную характеристику и анализ психологических механизмов, которые могли бы быть использованы в неформальном образовании, обратим внимание на ключевую с точки зрения В.А. Мазилова проблему реализации этой идеи. Как и во многих других становящихся популярными идеях здесь преобладает уровень педагогического проектирования и концептуализации; при этом отсутствует стремление к пониманию психологических механизмов ее реализации. Напомним, что в контексте рассматриваемой позиции автора первичным должно быть определение именно фундаментальной проблемы, понимание внутренних механизмов ее функционирования и развития. Однако в действительности ситуация носит прямо противоположный характер, о чем автор пишет следующим образом: «прогресс в упомянутом направлении за прошедшие годы был не слишком

велик. По нашему убеждению, скромные результаты можно объяснить только тем, что не был реализован значительный психологический ресурс, который до настоящего времени так и остается лишь потенциалом. Обидно, что, не исчерпав возможностей начинания, обычно отказываются от инициативы и обращаются к другой, допуская, по сути, ту же самую ошибку... Резюмируем. При проведении реформ или внедрении инноваций почему-то ограничиваются педагогическими следствиями, до психологических механизмов в большинстве случаев дело не доходит. Обратим внимание: дело не в том, что о психологии «забывают». Про психологию и важность этих факторов активно «приговаривают», но до реального использования психологического потенциала дело не доходит. В итоге акция нужного эффекта не достигает, на горизонте появляется новый инновационный проект» [Мазилев, 2018, с. 11].

От более глобальных проблем современной системы образования автор переходит к более насущным, с которыми субъекты образования сталкиваются ежедневно. Речь идет о школе и образовательной практике, в которой психология и педагогика, по сути, должны быть связаны еще более тесно. Здесь достаточным будет тезисно отразить основные идеи юбиляра.

1. Констатируя «депсихологизацию» образования, он обращает внимание на общую для всей системы тенденцию к снижению интенсивности обучения и использования специальных приемов познавательной деятельности в обучении. Например, речь о слабом использовании мнемотехнических приемов в процессе познавательной деятельности.

2. Неудовлетворенность организаторов образования современным его уровнем зачастую приводит к некритичному использованию зарубежных моделей организации процесса обучения школьников - финскому, английскому, филиппинскому и т.д. В действительности же все чаще всего ограничивается

кратковременными опытами без должной оценки актуальных и долгосрочных последствий инноваций в образовании.

3. Не прошел автор и мимо пресловутого единого государственного экзамена, достоинств которого, вне всякого сомнения, можно перечислить множество. Однако ключевой проблемой ЕГЭ, точнее, проблемой направленности деятельности учителя и ученика на успешную его подготовку и сдачу автор видит снижение значимости работы по достижению *понимания* в процессе обучения.

4. Еще одним следствием формализации процесса образования и снижения значимости понимания в обучении автор видит давно обсуждаемую проблему *клипового* и *тегового* мышления школьников.

В итоге автор констатирует явно неблагоприятное состояние не только системы школьного обучения, но и вообще познавательного развития современных школьников: «Естественно, что процессы понимания в этих случаях страдают в первую очередь, поскольку о сколь-нибудь полноценном понимании говорить вообще не приходится. Нарушается системность знаний (можно сказать, что она вообще почти не формируется). Школа должна сформировать систему научных понятий - именно в этом сила научного знания... Если раньше уделяли пристальное внимание развитию лингвистического мышления, культуре связной речи, культуре умственного труда школьника, то ныне это почему-то забыто. В дореволюционной школе учили, как нужно читать книгу. В XXI в. это почему-то ушло» [Мазилев, 2018, с. 13].

Не будем далее более подробно рассматривать представленные в рассматриваемой статье идеи юбиляра - идей много. Гораздо важнее то, что констатация проблемных состояний современной системы образования не ограничивается лишь их обозначением. В каждом случае автором предлагаются вполне конкретные и понятные решения, реализация которых предполагает интеграцию психологического и педагогического

знания. Если читателю интересно, он может познакомиться с этими идеями в цитируемой статье.

Обратим еще внимание на следующее. В обсуждении каждой интересующей В.А. Мазилова проблемы образования он не ограничивается лишь верхним ее уровнем - то есть уровнем констатации и возможных решений. Гораздо важнее, что каждая проблема буквально препарируется на уровне ее теоретического, методологического и исторического анализа. Включение, например, последнего уровня анализа, исторического, позволяет взглянуть на проблему с совершенно иного ракурса - когда мы видим вслед за автором, что определенное состояние проблемы является результатом исторического развития ее понимания и возможных путей решения, оценка современного состояния перестает быть поверхностной. То есть мы встраиваем нынешнее состояние решения проблемы в общую логику ее исторического развития и понимаем, какие варианты решения были более или менее продуктивными и т.д. Наиболее отчетливо это выражается на примере разработки В.А. Мазиловым некоторых аспектов компетентностного подхода в образовании. Остановимся на этом чуть подробнее.

Компетентностный подход в образовании

В последние два десятилетия компетентностный подход, точнее, то, что под ним подразумевается в российском образовательном сообществе, прочно вошел в практику профессионального педагогического образования. Наиболее простым примером этого является использование понятия *компетенции* в определении планируемых результатов профессионального образования в педагогическом вузе на протяжении уже нескольких образовательных стандартов.

Надежды на компетентностный подход были самые большие. Предполагалось, что наконец-то пресловутые *знания-умения-навыки* уйдут в прошлое и будущий педагог станет специалистом, обладающим современными компетенциями.

Тавтологичность последней фразы делает проблему компетенций очень похожей на проблему определения интеллекта как того, что измеряют тесты интеллекта. Таки здесь - широкомасштабное внедрение компетентностного подхода формально привело к изменению структуры и содержания профессионального педагогического образования - появились новые образовательные стандарты; коренным образом изменились образовательные программы; на место устаревших программ учебных дисциплин с подробным описанием того, что изучают студенты, пришли программы с бесконечным перечнем индикаторов и показателей сформированности общих, профессиональных, универсальных компетенций и пр. При этом незаметно аккредитация образовательных программ превратилась в триумф книгопечатания, который, к сожалению, создал ситуацию, аналогичную хорошо известной двойной бухгалтерии - в программах пишет одно (что удовлетворит проверяющих), на занятиях делаем другое (даем то, что нужно студенту - знания).

Конечно, описанная ситуация эмоционально окрашена участием авторов настоящей работы и самого юбиляра в коренной переделке программ учебных дисциплин и прочей документации. Однако, сколь бы преувеличенным это ни было, общим для всего педагогического сообщества стало масштабное непонимание, как с чистого листа отбросить старое и ненужное, и на его место поставить новое и современное.

Проблема внедрения компетентностного подхода в образование состояла на наш взгляд в том, что сам феномен компетенций практически никак не определялся и не препарировался в наиболее важных документах, которыми руководствуются преподаватели и руководители образовательных программ. Прежде всего речь идет о образовательных стандартах. И на примере решения этой проблемы, то есть проблемы понимания компетенций и компетентностного подхода, наглядно представляется стиль научно-исследовательской деятельности В.А. Мазилова.

Каждая проблема, входящая в область его научных интересов, препарируется теоретически, методологически и исторически. И только после этого можно переходить к обсуждению и планированию решения этой проблемы.

Характерным примером последней идеи является научно-методическое издание, подготовленное преподавателями Ярославского педагогического университета и посвященное проблеме формирования научно-исследовательских компетенций в вузе. Нас будут интересовать две первые главы данной работы, подготовленные В.А. Мазилковым и посвященные теоретико-методологическому анализу проблемы компетентностного подхода [Мазилков, 2009а; Мазилков, 2009б]. Конечно, помимо упомянутых изданий результаты анализа проблемы представлены и во многих других работах юбиляра [Мазилков, Слепко, 2014; Мазилков, Слепко, 2015; Мазилков, Слепко, 2020 и др.]. Рассмотрим идеи В.А. Мазилова тезисно, иллюстрируя способов научно-исследовательской работы.

Исторический анализ проблемы компетентностного подхода проявляется, прежде всего, в том, что автором описывается история его введения в научный аппарат и распространения в научной и образовательной практике. Речь идет о анализе периодизации развития компетентностного подхода в работах И.А. Зимней, предложившей три основных этапа его развития - 60-70-е гг. XX в., 70-90-е гг. XX в. и 90-е гг. XX в.-наши дни. Не рассматривая подробно периодизацию, отметим, что автором соотносятся зарубежные и отечественные подходы к определению феномена компетенций, выделяются наиболее известные подходы не только в образовании, но и в языкознании, психологии, науках о управлении, менеджменте, обучении (общем и профессиональном). Интересны для читателя результаты сравнительного анализа различных классификаций и моделей компетенций, соотношение понятий компетенция и компетентность.

Теоретический и методологический анализ проблемы компетентностного подхода осуществляется В.А. Мазилковым

на материале изучения современных исследований в сфере психологии и образования. Так, анализируя работы В.Д. Шадрикова, посвященные проблеме компетентностного подхода, автор показывает не только существенное отличие компетенций от традиционных знаний-умений-навыков, но и акцентирует внимание на его связи с системным и деятельностным подходами в психологии. Приведем лишь один характерный пример.

Хорошо известно, что В.Д. Шадриков является автором системогенетической теории деятельности, одним из важнейших результатов которой является представление о психологической функциональной структуре деятельности. Деятельность в этой теории понимается как состоящая из нескольких функциональных блоков, системное взаимодействие которых обеспечивает достижение определенного результата. В качестве функциональных блоков деятельности выступают мотивы, цели, программа, информационная основа деятельности, принятие решений в деятельности и блок профессионально-важных качеств. Психологическая структура деятельности по В.Д. Шадрикову является в данном случае хорошей теоретической и методологической основой для разработки универсальной и обобщенной модели специалиста - ввиду универсальной архитектоники психологической системы деятельности. Опираясь на интерпретацию подхода В.Д. Шадрикова А.В. Карповым, автор отмечает, что обобщенная модель специалиста должна включать в себя:

- представления о целях деятельности специалиста;
- представления о результатах деятельности и о тех функциях, к выполнению которых он должен быть подготовлен;
- представления об индивидуальных качествах специалиста, которые должны быть сформированы как профессионально важные;
- представления о способах и эталонах контроля и самоконтроля;

- представления о нормах, эталонах, формах коррекции и самокоррекции профессиональной деятельности;
- представления о профессиональных знаниях как важнейшем регуляторе профессиональной деятельности;
- представления о нормативных условиях, в которых должна протекать профессиональная деятельность;
- навыки принятия решения, связанные с профессиональной деятельностью;
- навыки работы с информацией, обеспечивающей успешность профессиональной деятельности;
- представления о субъектных когнитивно-информационных возможностях и о метакогнитивных средствах их реализации;
- формирование представлений о личностном смысле деятельности [Мазилов, 2009б, с. 27].

Не будем далее вдаваться в подробности описания разработки проблемы модели специалиста. Задачей настоящего пункта было показать, что типичным для В.А. Мазилова является комплексный подход к решению актуальных проблем образования - подход, учитывающий исторические, теоретические и методологические аспекты проблемы. Отметим лишь, что завершая анализ проблемы компетентностного подхода, он формулирует актуальные и сегодня выводы относительно инноваций и реформ в образовании:

1. В современных условиях необходимость реализации компетентностного подхода в решении образовательных задач очевидна.

2. Компетентностный подход может явиться надежной методологической основой для выявления, исследования и конкретизации научно-исследовательских компетенций для разных уровней педагогического образования.

3. В современной научной литературе (как отечественной, так и зарубежной) представлены различные трактовки компетентностного подхода, используются различные способы дифференциации компетентностей и компетенций.

4. Наиболее адекватным для решения задач выявления, исследования и конкретизации научно-исследовательских компетенций для разных уровней педагогического образования выступает вариант компетентностного подхода, разработанный в научной школе В.Д. Шадрикова.

5. Анализ литературы свидетельствует, что в психолого-педагогических исследованиях выделяются различные перечни научно-исследовательских компетенций, которыми должны овладеть специалисты на разных уровнях педагогического образования.

6. Необходимо проведение специального научного исследования, направленного на выявление и конкретизацию научно-исследовательских компетенций для разных уровней педагогического образования.

7. В проведении такого исследования целесообразно руководствоваться следующими методологическими принципами:

А) Принцип научной обоснованности. При проведении исследований необходимо исходить из психологических закономерностей развития личности и деятельности субъекта.

Б) Принцип системности. В соответствии с этим принципом, системообразующим фактором для модели специалиста и системы научно-исследовательских компетенций на том или ином уровне педагогического образования выступают результаты образовательного процесса.

В) Принцип преемственности. Система научно-исследовательских компетенций развивается в зависимости от тех задач, которые решаются на том или ином уровне педагогического образования. Поэтому для развития научно-исследовательских компетенций на новом уровне образования исходной выступает система компетенций, сложившаяся на предыдущем уровне [Мазилев, 2009б, с. 32-33].

Психология педагогического образования

Продолжая, отметим, что проблемы педагогического образования и подготовки специалиста для педагогической профессии занимают значительное пространство научно-исследовательских интересов В.А. Мазилова. При этом зачастую они самым тесным образом пересекаются с результатами его ранних научных исследований, о которых мы писали выше. Одним из характерных тому примеров является предложенная им стратегия и программа развития педагогических способностей и педагогической одаренности [Мазилов, 2020]. Остановимся на ней более подробно.

Прежде необходимо сказать, что проблема формирования педагогических способностей и педагогической одаренности является одним из аспектов более масштабной проблемы способностей в психологии, входящей в предмет научных исследований выдающихся отечественных психологов - Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.Д. Шадрикова. Именно в контексте разработки общей проблематики способностей В.А. Мазиловым был предложен проект программы формирования педагогических способностей и педагогической одаренности. В настоящем тексте мы бы хотели обратить внимание читателя на опубликованную совсем недавно статью, посвященную разработке стратегии формирования педагогической одаренности [Мазилов, 2020]. Также считаем необходимым обратить внимание читателя и на другие работы, в которых юбилеем обсуждается проблематика способностей [Мазилов, 1990; Мазилов, Слепко, Мазилов, 2021; Мазилов, 2022; Мазилов, Слепко, Ушаков, Шадриков, 2023 и др.].

Обращаясь к упомянутой публикации 2020 года, отметим прежде всего, что как и в отношении множества других актуальных проблем психологии, здесь автор использует комплексный подход к пониманию проблемы педагогических способностей и педагогической одаренности. Суть его состоит в сочетании теоретического, методологического и

исторического анализа проблемы.

В первую очередь предметом анализа проблемы педагогических способностей является история их изучения в психологии. В случае обсуждаемого исследования речь идет о изучении проблемы способностей в отечественной (советской) психологии. Отталкиваясь от постановки проблемы способностей в работах Б.М. Теплова, В.А. Мазиллов подробно рассматривает способы решения проблемы педагогических способностей в работах Ф.Н. Гоноболина, В.А. Крутецкого, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой и др. Не вдаваясь в обсуждение работ упомянутых ученых, отметим, что в итоге было констатировано неудовлетворительное состояние проблемы на уровне ее теоретической концептуализации. С одной стороны, опыт разработки проблем педагогических способностей благотворно повлиял на развитие педагогической психологии, с другой, нерешенность общетеоретических проблем способностей привела к постепенному снижению интереса исследователей к проблеме и способностей, и педагогических способностей, в частности.

Далее В.А. Мазиллов обращается к опыту решения проблемы способностей в работах выдающегося отечественного психолога В.Д. Шадрикова, которым была разработана современная теория способностей и одаренности [Шадриков, 2019]. Учитывая важнейшее теоретическое и методологическое значение идей В.Д. Шадрикова, приведем цитату, хорошо иллюстрирующую его подход: «Способности имеют три измерения: природное (способность индивида), субъектно-деятельностное и личностное. Способности человека как индивида отражают биологическую сущность; они выступают как свойства его функциональных систем, реализующие отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии познания и преобразования окружающего предметного мира и организации адаптивного поведения.

Способности человека как субъекта деятельности развиваются на базе природных способностей за счет формирования интеллектуальных операций и их осознанного применения для решения задач, стоящих перед субъектом. Как и способности индивида, способности субъекта деятельности имеют индивидуальную меру выраженности и проявляются в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности.

Способности личности выступают заключительным этапом интеграции факторов, определяющих социальную успешность и качественное своеобразие социального поведения и поступков. В способностях личности способности индивида и субъекта деятельности ставятся под контроль мотивации и нравственных качеств человека.

Изложенное понимание способностей позволяет дать ответы на десятилетиями дискутируемую проблему природной обусловленности способностей (проблему задатков), разрешить психофизическую проблему на уровне способностей» [Шадриков, 2019, с. 23].

Конечно, сколь бы большой ни была цитата, всей специфики подхода В.Д. Шадрикова она не отражает. Однако главное для нас то, что именно в уровне понимании способностей была решена одна из центральных проблем психологии - проблема способностей. И именно на основании теории способностей В.Д. Шадрикова может получить дальнейшее развитие и решение проблема педагогических способностей. В рассматриваемой нами работе В.А. Мазилова это и было сделано на уровне разработки конкретной модели и технологии формирования педагогических способностей и педагогической одаренности. Рассмотрим эту модель чуть более подробно.

Во-первых, в основе развития педагогической одаренности как системного взаимодействия педагогических способностей лежит комплекс психотехнических воздействий, объединенных в несколько модулей работы с будущим педагогом. Целью психотехник является «запуск» механизма

саморазвития, самообучения личности; будучи запущенным, психотехники обеспечивают самоподдерживающееся развитие; используемые психотехнологии обеспечивают расширение сферы развития и перенос на более широкие (по сравнению с начальными этапами) области и сферы жизни (например, на профессиональную, на общение)» [Мазиллов, 2020, с. 103].

Во-вторых, модель психотехнической работы включает в себя работу в рамках пяти психологических модулей - «Язык», «Память», «Понимание», «Мышление и творчество», «Личность». Не будем в настоящем тексте подробно описывать каждый модуль - заинтересованный читатель может это сделать, познакомившись с цитируемой работой.

В-третьих, результативная составляющая модели состоит в том, что «реализация модулей вышеозначенной программы позволяет создать у студента высокую самооценку, уверенность в себе. В учебной деятельности исчезают трудности благодаря изменению характеристик памяти и мышления, студент становится максимально успешным, обретает интеллектуальные интересы, постоянно расширяющие его умственные горизонты. Это создает основу для формирования педагогической одаренности. Главная задача - создать у человека духовную составляющую педагогической одаренности. У студентов необходимо сформировать представления о миссии педагогической деятельности. Они должны понять, усвоить и принять, что педагог, учитель - это не просто профессия, а выполнение миссии, «вечный» смысл который состоит в приобщении детей к культуре. Учитель вводит ребенка в культуру и помогает ее осваивать» [Мазиллов, 2020, с. 104].

Обобщая, обратим внимание еще раз на типичную стратегию решения проблемы. Исторический анализа показал неудовлетворительное состояние решения проблемы в отечественной психологической науке. На этой основе была проведена работа по выбору не просто наиболее удачной теории способностей, а выбор такой теории, которая имеет в себе глубокое теоретическое и методологическое основание.

Следствием проведенной работы стала разработка прикладной модели формирования педагогических способностей и педагогической одаренности. Подобная стратегия используется В.А. Мазиловым в решении множества других актуальных проблем психологической теории и практики.

Конечно, проблемами компетентностного подхода и педагогических способностей сфера научных интересов В.А. Мазилова в психологии образования не ограничивается. Однако и приведенного описания достаточно, на наш взгляд, для того, чтобы показать не только широту научных интересов юбиляра, но и стремление не ограничиваться разработкой и решением фундаментальных теоретических и методологических проблем психологии.

В заключение краткого описания этапов научного пути В.А. Мазилова хотелось бы обратить внимание читателя на еще ряд проблем и вопросов, входящих в сферу его научных интересов. В основном, конечно, это вопросы, касающиеся развития рассмотренной выше концепции теории и метода в психологии. Возвращение к ней связано с тем, что наиболее интенсивная разработка этих проблем и вопросов осуществляется юбиляром в последние годы и оставить их в стороне нашего обсуждения было бы неправильным.

2.5. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Завершая второй параграф настоящего раздела, мы обратили внимание читателя, что результатом разработки концепции соотношения теории и метода в психологии стала постановка В.А. Мазиловым фундаментальной проблемы создания методологии психологии как теоретической системы. Точнее, создания *интегративной методологии психологии*, включающей в себя *когнитивную и коммуникативную методологии*, а также *методологию психологической практики*. Задача эта столь объемна, что как ни в одном труде [Мазилов, 2003; Мазилов, 2007; Мазилов, 2017], так и ни

одному ученому решить ее в полной мере не представляется возможным. По сути, интеграция психологического знания и разработка интегративной методологии психологии не возможны без интеграции психологического сообщества. Оно должно не только решать задачи по теоретическому и методологическому обоснованию новой психологии, соответствующей уникальности ее предмета, но и вносить существенные изменения в психологическое знание на уровне его производства.

Так или иначе, но после презентации основных положений концепции соотношения теории и метода в психологии, В.А. Мазилловым была продолжена работа по наполнению и расширению содержания интегративной методологии психологии, что представляет собой самостоятельный этап его научного творчества. Хронологически это можно обозначить первой четвертью XXI века, когда научное творчество было направлено на решение множества задач теории, методологии и истории психологии. Речь идет о постановке и обосновании проблемы кризиса современной психологии, углубленном изучении истории психологической наук, разработке проблем психологического факта, понятийного пространства психологии, решении психофизиологической проблемы, биосоциальной проблемы, проблемы объяснения в психологии и др. Не случайно поэтому название одной из монографий юбиляра - «Стены и мосты: методология психологической науки» [Мазиллов, 2015]. Именно разработка указанных и многих других проблем теории и методологии психологии является своего рода мостами в новую психологию XXI века.

Учитывая жанр настоящего издания, последующее описание результатов научного творчества В.А. Мазилова будет достаточно кратким. Авторы хотели бы лишь обратить внимание читателя на многообразие научных интересов юбиляра, при этом многообразии, объединенное одной идеей, о которой мы уже неоднократно упоминали - идеей разработки общей методологии психологической науки.

Кризис в психологии

Проблема кризиса современной психологии обсуждается В.А. Мазиловым в множестве работ, опубликованных за последние годы [Мазилов, 2013; Мазилов, 2017 и др.]. Мы бы хотели обратить внимание на относительно недавно опубликованную в Ярославском педагогическом вестнике статью «Кризис психологии: новое понимание и трактовка» [Мазилов, 2019].

В первую очередь необходимо обратить внимание, что по мнению юбиляра кризис современной психологии, именуемый им кризисом методологическим, является для нее невероятно актуальным и стратегически важным. Подчеркнем здесь, что речь идет именно о *методологическом кризисе* психологии, начало которого, как это ни удивительно, было положено в момент рождения самой психологии как самостоятельной научной дисциплины - середина - вторая половина XIX в. Сам автор пишет об этом следующим образом: «По нашему мнению, кризис возник в середине XIX столетия и по времени совпал с началом зарождения научной психологии как самостоятельной науки. Провозглашение предметом физиологической психологии непосредственного опыта (в вундтовском варианте научной психологии был реализован проект, соответствующий представлениям о естественной науке И. Канта) повлекло за собой отказ от понятия души как предмета психологии. В работах немецкого психолога М. Дробиша психология впервые становится эмпирической дисциплиной. Здесь необходимо пояснение. Дело в том, что в XVIII в., к примеру, Христиан Вольф говорит об эмпирической психологии, но это чисто философская психология, основанная на рассуждении. Эмпирического там только то, что результаты рассуждений сравниваются с данными опыта, так сказать проходят проверку на соответствие жизни. Мориц Дробиш (1802-1896), который в 1842 г. в «Эмпирической психологии» начинает использовать опыт как эмпирический материал для

анализа, по праву должен считаться создателем эмпирической психологии в точном смысле этого слова» [Мазиллов, 2019, с. 94].

Резюмируя, отметим, что появление именно *физиологической психологии* во второй половине XIX в., повлекшее, во-первых, отказ от души как предмета психологии, во-вторых, стремление психологов соответствовать естественным наукам, и стало той отправной точкой, создавшей кризисное состояние современной психологии (эмпирической прежде всего).

Однако понимание кризиса, по В.А. Мазиллову, не должно быть упрощенным. То есть нельзя рассматривать кризис лишь в формате данного выше описания. С его точки зрения наиболее продуктивным является уровневый подход к трактовке кризиса психологии.

Автор выделяет три уровня кризиса психологии - «поверхностный уровень», «уровень основных парадигм», «глубинный уровень». Надеюсь не утомить читателя цитатами, все же воспользуемся таким способом изложения материала, тем более, что никто, кроме автора идеи не может лучше ее выразить. Итак, уровневая трактовка кризиса состоит в следующем.

«Первый – поверхностный. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественно-научной

или герменевтической). Иными словами, когда для части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гарай и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (современ В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии)» [Мазилов, 2019, с. 95].

Опуская далее некоторые рассуждения В.А. Мазилова, отметим, что в этой статье им предлагается ряд теоретических и методологических идей, реализация которых позволит приблизиться к разрешению кризиса психологической науки. Однако в рамках настоящего издания эти идеи важны еще и постольку, поскольку мы хотели бы показать способ решения ключевой задачи разработанной автором концепции соотношения теории и метода в психологии. Разрешение кризиса психологии на глубинном его уровне - это работа именно с предметом психологии, осуществленная и осуществляемая юбиларом на разных этапах его научного пути.

Если задаться относительно простым вопросом - что необходимо для преодоления кризиса психологии, то наиболее простой же ответ был бы таким - необходимо создание такого предмета психологии, который удовлетворял бы сложности, уникальности и оригинальности психического. Однако простой формулировкой предмета психологии, например, «предмет психологии = душа», дело обойтись не может. После этого мы должны раскрыть содержание предмета психологии, что и составляет наиболее трудную задачу.

В связи с сказанным работа по определению предмета психологии должна быть связана, по мнению В.А. Мазилова, с решением ряда следующих задач:

1. Предмет психологии должен быть проанализирован теоретически, то есть должны быть выделены функции и характеристики предмета в структуре психологического знания. Выше мы уже писали о результатах этой работы, выполненной автором.

2. Стремясь понять сущность психического как предмета психологии, необходимо учитывать невероятную его сложность в сравнении с предметами любых других научных дисциплин, прежде всего, естественно-научных. По мнению автора, в настоящее время затруднительно сформулировать такое определение предмета, которое учитывало бы всю сложность лежащего за ним сущего. Именно поэтому при формулировке предмета необходимо использование понятия «совокупный предмет психологии», которое бы не ограничивало пространство психической реальности, а, наоборот, максимально бы его расширяло.

3. В рамках последней идеи формулировка предмета психологии должна носить исключительный междисциплинарный характер.

4. Необходимо учитывать, что уровень теоретического, методологического, экспериментального и др. развития современной психологии недостаточен для завершения процесса ее превращения из молодой в полностью состоявшуюся

научную дисциплину. Поэтому, несмотря на непрерывно возрастающие объемы эмпирических и экспериментальных данных, требуется продолжение интенсивной теоретической и методологической работы психологов.

5. Одной из форм решения последней задачи является интеграция психологического знания и, что не менее важно, интеграция психологического сообщества под эгидой формулировки и систематического раскрытия всей сложности предмета психологии.

В завершении отметим, что в предыдущих разделах мы показали, как автор видит решение обозначенных здесь задач. В качестве того самого «совокупного предмета психологии», отвечающего требованиям его теоретического анализа, может быть использован конструкт «внутреннего мира человека», о чем мы уже писали выше. Именно такое движение современной психологии может позитивно вывести ее из состояния методологического кризиса.

Психофизиологическая проблема

Итак, как мы уже неоднократно упоминали, центральной в решении множества теоретических и методологических проблем психологии является проблема предмета психологии. Она является и краеугольным камнем рассмотренной выше проблемы кризиса психологии. В рамках развиваемой В.А. Мазиловым интегративной методологии психологии проблема предмета входит в структуру когнитивной методологии наравне с проблемами психологического факта, объяснения в психологии и др.

В предыдущем пункте мы писали, что одной из задач по преодолению кризиса психологии является формулировка совокупного предмета психологии, в качестве которого В.А. Мазилов совместно с В.Д. Шадриковым предложили конструкт внутреннего мира человека [Шадриков, 2010; Шадриков, Мазилов, 2015; Мазилов, 2020 и др.].

Однако за формулировкой предмета должно лежать

конкретное содержание, входящее в пространство внутреннего мира человека. Его описание является еще большей проблемой, чем какая бы то ни было описанная выше. И едва ли не центральным в описании этого содержания является понимание соотношения психического и физического в структуре внутреннего мира человека. Традиционно это соотношение обозначается в так называемой психофизиологической проблеме - одном из краеугольных камней психологии.

В рамках разработки когнитивной методологии психологии, решении проблемы ее предмета В.А. Мазилловым совместно с В.Д. Шадриковым было предложено оригинальное решение психофизиологической проблемы, представленное в совсем недавно вышедшей в свет работе «О психофизическом принципе (предмет психологии)» [Шадриков, Мазиллов, 2022].

Опуская здесь блестящее описание основных вариантов решения проблемы, кратко обозначим позицию авторов.

Во-первых, наибольший вклад в продвижение позитивного решения проблемы внес выдающийся советский философ, психолог С.Л. Рубинштейн. В его работах была сформулирована психофизиологическая проблема, от чего и следует отталкиваться в ее решении: «Первая связь психики и ее субстрата раскрывается как отношение строения и функции; она, как будет видно дальше, определяется положением о единстве и взаимосвязи строения и функции. Вторая связь - это связь сознания как отражения, как знания, с объектом, который в нем отражается. Она определяется положением о единстве субъективного и объективного, в котором внешнее, объективное опосредует и определяет внутреннее, субъективное... Оба выделенные анализом отношения, детерминирующие психику, включаются в единый контекст, которым они в целом и определяются. Для решения психофизиологической проблемы особенно существенно правильно их соотносить» [цит. по: Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 17]. Исходя из данной формулировки, центральным моментом здесь авторы видят постановку С.Л. Рубинштейном узлового вопроса «единства

строения и функции и единства субъективного и объективного» [Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 17].

Во-вторых, опираясь на идеи С.Л. Рубинштейна, В.Д. Шадриков и В.А. Мазиллов отмечают, что их продуктивное развитие возможно при постановке и решении ряда следующих вопросов: «рассмотрение действительной роли отражения, как основного процесса, определяющего формирование психики; рассмотрение проблемы существования психического как самостоятельной субстанции и формулирование гипотезы о том, как результат психического процесса отделяется от самого процесса; постановка проблемы как психическое, оставаясь единым с физиологическим, определяет его активизацию, и, возможно, эскизно наметить пути ее решения» [Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 17].

В-третьих, решая первый вопрос, авторы отмечают, что «понятие «отражение» было необоснованно распространено на всю психологию, тогда как реальная область применения этого понятия ограничивается ощущениями (чувственной тканью). Универсализация этого понятия не дает необходимого результата, но препятствует рассмотрению психики как активного процесса, в значительной степени обусловленного внутренними факторами. Существенным минусом использования понятия «отражение» как универсального является лишение психики онтологического статуса, поэтому в трактовке психофизического принципа стоит отказаться от понятия «отражение»» [Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 22]. Данное утверждение принципиально важно и для формулировки предмета психологии, и для развития психологии как самостоятельной научной дисциплины, имеющей собственный предмет, не сводимый к известным предметам естественных наук.

В-четвертых, рассматривая процессуальные и результативные проявления психики, авторы пишут, что «вслед за С.Л. Рубинштейном, целесообразно выделение процессуального аспекта и результата. Наше представление

можно выразить так: процесс - описывается как функционирование физиологических функциональных систем, реализующих психические функции, во взаимодействии с предметами объективного мира в процессе деятельности и поведения человека, направленных на достижение определенных целей. Результатом будет формирующийся и развивающийся субъективный образ внешнего мира, и способы взаимодействия с ним (функциональные семантические модели, планы и структура поведения). Результат, как субстанция (по Рубинштейну), как сущность внутреннего мира, будет обладать относительной независимостью от внешнего мира, способностью сама себя рефлексировать, в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события» [Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 22]. Конечно, интерпретировать или разъяснять позицию авторов в данном случае - дело не самое благородное, однако все же отметим следующее. Позиция авторов о самостоятельности существования результата психофизической активности организма в виде субъективного образа внешнего мира является, например, оппозицией известному мнению о эпифеноменальном существовании психики. Однако главное здесь то, что психическое объясняется как самостоятельный онтологически определенный феномен, функционирующий в единстве с физическим и независимый от него.

В-пятых, конкретизация последнего утверждения делается авторами в следующем заключении: «Психика, как продукт, функционально отделена от субстрата, ее породившего, но едина с субъектом. Физиологический субстрат памяти является только носителем психики, позволяющим ее использование субъектом. Психика как продукт выступает в единстве с субъектом, с его потребностями и переживаниями, она представляет собой субъективное восприятие мира, выраженное в мыслях, поэтому принцип единства следует дополнить принципом функциональной независимости психики. Психика едина с субстратом и независима от него,

так как является частью более крупного целого - субъекта жизнедеятельности. Этим мы доказываем онтологический статус психического» [Шадриков, Мазиллов, 2022, с. 22].

Здесь важно, на наш взгляд, обратить внимание на отсутствие противоречия между, с одной стороны, позицией авторов о целостности психики и междисциплинарном ее изучении и проявлении, с другой, о ее функциональной независимости от физиологического субстрата. Человек в принципе выступает как целое, однако в рамках разных научных дисциплин определяется их специфическое предметное содержание, процессуально и функционально независимое от предметного содержания других научных дисциплин. Разные научные дисциплины изучают разные факторы существования человека, поэтому необходимость решения психофизиологической проблемы диктуется уже упоминавшейся исторической потребностью психологии стать самостоятельной научной дисциплиной с нередуцируемым предметным содержанием. Именно с этой целью авторами и была проведена работа по формулированию оригинального подхода к решению психофизиологической проблемы.

Проблема психологического факта

Насколько бы ни была очевидна фундаментальная значимость проблемы психологического факта для решения проблемы предмета психологии, ее постановка в работах В.А. Мазилова вносит существенное дополнение в понимание специфики и уникальности психологической науки. Как мы уже отмечали, отношения психологии с другими, прежде всего, естественными науками, должны быть направлены, с одной стороны, на проведение относительно строгих границ предметного пространства психологического и естественнонаучного знания. Недостаточный учет этого требования, по сути, и привел к методологическому кризису психологии во второй половине XIX века. С другой стороны, способы решения психофизиологической проблемы позволяют

не отказываться от использования естественнонаучного знания в понимании предмета психологии, а выстраивать межпредметные связи и организовывать комплексные междисциплинарные исследования. Последние направлены на взаимное обогащение психологической науки и наук естественных.

Так или иначе, но какие бы ни были формы отношений между психологической и естественными науками, специфику психологического знания необходимо учитывать в понимании уникальности предмета психологической науки. И как нельзя лучше этот вопрос решается в процессе обращения к проблеме структуры психологического факта.

Последнему В.А. Мазиллов также посвятил немалое число своих работ, вышедших в последние десять лет [Мазиллов, 2016; Мазиллов, 2017; Мазиллов, 2018 и др.]. Из всего многообразия работ, посвященных проблеме психологического факта, считаем необходимым обратиться к статье, опубликованной в 2018 году - «Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход» [Мазиллов, 2018].

Опустим в настоящем тексте примеры психологических фактов, которые приводит автор для иллюстрации идеи сложности и неоднозначности психологического факта. Уверены, каждый читатель с легкостью приведет массу таких примеров. Однако следует обратить внимание на казалось бы очевидный и не требующий, на первый взгляд, нашего внимания «факт» - любой психологический факт, коим считается то или иное установленное психологическое явление, может и восприниматься, и интерпретироваться, и объясняться разными людьми по-разному. Повторим - это очевидно и не требует какого бы то ни было пояснения. Гораздо интереснее идея В.А. Мазилова, объясняющая причины разной интерпретации фактов не только спецификой их восприятия субъектом, но и специфичностью самого психологического факта как явления психологической науки.

Автор утверждает, что сложность психологического факта

состоит в том, что он имеет уровневое строение. Характеристика уровней дана автором следующим образом.

Первый уровень факта - процедурный. «На этом уровне факт будет представлен совокупностью тех процедур, которые необходимо выполнить для того, чтобы получить факт (например, взять лягушку, сделать срез мозга, поместить на него кристаллики соли и т.д.). Думается, на этом уровне никаких разногласий не предвидится. Более того, если бы они прогнозировались, то под угрозой оказалась бы воспроизводимость факта» [Мазилев, 2018, с. 138].

Второй уровень факта - предметный. «Очевидно также, что наблюдаемый факт является событием, которое существует как научный феномен. Имеется в виду то, что он воспринимается как имеющий отношение к науке, подчиняющийся закономерностям науки, соотносящийся с системой ее понятий и трактуемый в терминах науки. Этот уровень следует именовать предметным (или концептуальным). Например, лягушка потому не отдергивает лапку, что происходит тормозящее влияние. Это, несомненно, физиологическое объяснение, кстати, являющееся значимым вкладом в физиологию» [Мазилев, 2018, с. 138].

Третий уровень факта - идеологический. «Как следует из рассмотренных нами эпизодов, для психологического факта характерно наличие еще одного уровня - идеологического (или методологического). Это связано с тем, что в области психологии существует неоднозначная трактовка предмета, и по этой причине явление может восприниматься по-разному в зависимости от того, как понимается сам предмет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с уникальностью положения в психологии, чего не наблюдается в других науках» [Мазилев, 2018, с. 138].

В предложенном уровне строении психологического факта и отражается специфика и уникальность психологической науки в сравнении с науками естественными. Идеологический уровень научного факта отсутствует в естественных науках

по причине однозначности трактовок и объяснений научных фактов на предметном уровне анализа. Наличие же разных трактовок предмета психологии и приводит к тому, что в психологической науке факт имеет идеологический уровень.

Однако суть не просто в разных трактовках предмета, а в наличии так называемой *предтеории* психологических феноменов как структурного компонента любой психологической концепции. Здесь мы вновь возвращаемся к предложенной В.А. Мазиловым концепции соотношения теории и метода, о чем автор пишет следующим образом: «Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования; предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т.п.). Обратим внимание на то, что предтеория может не осознаваться самим исследователем, для ее экспликации необходимо использовать специальные процедуры» [Мазилов, 2018, с. 139].

Примером разных предтеорий и, как следствие, остальных ее элементов, является проведенный В.А. Мазиловым подробный анализ теорий мышления в психологии, представленный в соответствующих работах. Аналогично мышлению любой психологический феномен, имеющий концептуальное обоснование, может быть рассмотрен через призму схемы соотношения теории и метода - могут быть выделены его предтеории, базовые категории, моделирующие представления. Принципиально важно, что схема соотношения теории и метода необходима не для простой констатации разных трактовок предмета психологии и психологических феноменов, а для решения еще одной фундаментальной проблемы психологии - интеграции психологического знания. В процессе интеграции не выбирается лучшая теория или концепция, а происходит

их соотнесение и более широкое, комплексное понимание интересующего исследователя феномена и, в целом, предмета психологической науки.

Объяснение в психологии

Обращение В.А. Мазилова к проблеме объяснения в психологии вызвано, минимум, двумя причинами, каждая из которых имеет прямое отношение к разработке интегративной методологии психологической науки.

Первая причина - общепсихологическая, с которой сталкивается любой психолог, осуществляющий исследовательскую деятельность - теоретическую или эмпирическую. Психология, как и любая другая наука, должна выполнять определенный набор функций, хорошо описанный в философии науки. Это функция *описания* явлений, входящих в объектное и предметное пространство науки; функция *объяснения* фактов науки; функция *прогнозирования* состояний фактов науки. Знакомство с наиболее популярной, если не единственной в академическом пространстве классификацией методов психологии Б.Г. Ананьева позволяет заметить, что объяснения в структуре методов психологии нет. Если быть точнее, объяснение заменено интерпретацией, или интерпретационными подходами, позволяющими интерпретировать результаты исследований в понятиях структуры, развития, функции и т.д. Не вдаваясь в различия между интерпретацией и объяснением (об этом см. [Мазилев, 2019; Мазилев, Слепко, 2020 и др.]), отметим, что в классификации Б.Г. Ананьева места именно объяснению не нашлось, на что были вполне резонные объективные идеологические причины, преодолеть которые в период разработки классификации автор не мог. Именно ввиду сказанного интерес В.А. Мазилова к проблеме объяснения связан с решением проблемы метода в психологии и разработки методологически адекватной сложности предмета психологии процедуры исследования.

Вторая причина - методологическая. Конечно, ее сложно отделить от сказанного выше, но все-таки следует сказать, что разработка концепции соотношения теории и метода в психологии была направлена не только на анализ теорий психических феноменов XIX века - например, мышления, о чем мы уже говорили [Мазиллов, 1998]. Феномен мышления тогда выступил площадкой для апробации модели соотношения теории и метода. Гораздо важнее, что модель соотношения теории и метода в психологии является инструментом для соотнесения и интеграции всех разработанных и разрабатываемых концепций в психологии.

При чем здесь объяснение, спросит читатель? Дело в том, что в философии науки, социологии, психологии уже были предложены концепции и модели объяснения. В философии науки хорошо известны подходы к объяснению К. Гемпеля и П. Оппенгейма, Е.П. Никитина; в социологии - подход Р. Брауна; в психологии - Ж. Пиаже. В каждом из приведенных примеров анализ объяснения доведен до его процедурной характеристики. То есть можно воспользоваться тем или иным подходом для буквального объяснения результатов научного исследования. Чем же однако они не устраивают психологию? Дадим краткое пояснение.

Подходы К. Гемпеля и П. Оппенгейма, Е.П. Никитина - прекрасные примеры объяснения как логически последовательной процедуры работы с данными научных исследований. Однако недостаток их состоит в том, что практически все примеры, на материале которых рассмотрены разные виды и типы объяснения, это примеры естественных наук - физиологии, химии, физики и пр. Попытка перенести логическую модель объяснения сталкивается с известными трудностями, которые могут быть обозначены как проблема психологического факта, о чем мы уже говорили выше. Возможно ли логическое, причинно-следственное объяснение в психологии? Да, возможно, но с известными и значительными ограничениями - там, где мы можем установить

непротиворечивые отношения причины и следствия в психологической феноменологии. Например, на уровне индивидуальных психофизиологических характеристик. Однако, когда мы поднимаемся на более высокие уровни организации внутреннего мира человека, возрастает роль индивидуально опосредованного действия причин на следствие. То есть идеологический уровень психологического факта - это не только наличие разных подходов к его объяснению, но и наличие существенно разных следствий в ответ на действие единой для разных людей причины. Именно поэтому логические модели объяснения, сколь бы изоощренными они ни были, имеют значительное ограничение в объяснении психологических фактов.

Социологическая модель объяснения Р. Брауна, оперируя феноменологией гуманитарных наук, существенным образом отличается от логико-дедуктивных моделей объяснений. Результатом объяснения здесь является выдвижение теоретического суждения о предмете объяснения. Основанием объяснения является либо генезис изучаемого явления, либо встраивание его в действие общих законов предметной области знания. Не вдаваясь в анализ подхода Р. Брауна, отметим, что он гораздо ближе к феноменологии психической реальности, оперирующей близкими социологии объяснительными понятиями (генезис, мотив, установка, причина, функция и т.п.). Подход Р. Брауна можно считать значительным шагом вперед в решении проблемы объяснения в гуманитарных науках по сравнению с логическими моделями объяснения. Однако и он не может быть полноценно использован в психологическом объяснении по причине все того же отсутствия общих законов предметной области психологии, наличие которых возможно только после однозначного принятия в науке предмета психологической науки.

Подход Ж. Пиаже В.А. Мазиловым многократно анализировался и критиковался. Не будем здесь подробно его рассматривать, отметив лишь следующее. Подход Ж. Пиаже

является прекрасным примером призыва психологов к редукции психологического знания в процессе объяснения к знанию не психологическому, прежде всего, естественнонаучному. Такая редукция вполне возможна, более того, является одним из наиболее популярных способов объяснения в современных психологических исследованиях - отечественных и зарубежных. Выбор такого варианта объяснения - прямой отказ от самостоятельности психологии как науки и создание многих психологий в варианте нейронаук, физиологических наук и пр.

Именно ввиду отсутствия разработанных в философии науки и психологии удовлетворяющих сложности предмета науки моделей объяснения В.А. Мазиллов и предложил оригинальный подход к психологическом объяснению. Мы обещали читателю, что характеристика проблем, входящих в пространство научных исследований юбиляра сегодня, будет краткой, поэтому отметим лишь основные его идеи.

1. Первичным в отношении проблемы объяснения является не какая-либо модель объяснения (подходящая или не подходящая психологии), а предмет самой психологии. Связано это с тем, что объяснение должно быть направлено на встраивание объясняемого явления, феномена, процесса в действие законов той предметной области, в рамках которой проводится исследование. Поэтому редукция психического к непсихологическому - это встраивание психических явлений в действие законов, например, физики, химии, математики, биологии и т.д. Если какая-либо естественная наука встраивает свои явления в действие законов своей предметной области, то и психология, если она хочет претендовать на научный статус, должна встраивать явления психического в действие психологических законов. Эту идею В.А. Мазиллов обозначил словами Э. Шпрангера о том, что психическое должно объясняться психологическим. Итак, психологии без собственной предметной области думать о психологическом объяснении не представляется возможным.

2. Выше мы уже подробно рассматривали идею В.Д. Шадрикова и В.А. Мазилова о внутреннем мире человека как предмете психологической науки. Здесь лишь отметим, что предложенная ими структура общепсихологического знания [Шадриков, Мазилев, 2015] и является той теоретической и методологической площадкой, на которой возможно выделение психологических законов, встраивание в которые и позволяет объяснять психическое психологическим. Что это за законы:

- это законы *структурной* организации внутреннего мира,
- это законы *уровневого* строения внутреннего мира,
- это законы *функциональной* организации внутреннего мира,
- это законы *генетической* организации внутреннего мира,
- это законы *процессуальной* организации внутреннего мира.

3. Решение рассмотренной выше психофизиологической проблемы, а также структурно-уровневое строение внутреннего мира человека не закрывает психологию от естественных наук, а наоборот, показывает пути интеграции психологического и естественнонаучного знания. Формой интеграции здесь являются не только междисциплинарные исследования как таковые, но и объяснение процесса развития субъекта деятельности (второй уровень внутреннего мира) в единстве развития индивида (психическое на уровне функциональных систем организма) и личности (психическое на уровне духовных состояний).

4. И последнее. Что собой представляет процедура объяснения психического психологическим. В наиболее общем виде это аналогичное данному в философии науки понимание цели объяснения - встроить психическое явление в действие законом предметной области науки, то есть законов организации внутреннего мира человека (см. пункт 2). Конкретнее - это не просто встраивание объяснения

в структуру предмета психологии, а встраивание объяснения в структуру психологического исследования, логика которого и была описана В.А. Мазилковым в модели соотношения теории и метода в психологии. Поясним:

а) результатом психологического исследования является *теория* или совокупность *теоретических положений*, формулируемых исследователем;

б) средством достижения результата является *метод* исследования;

в) взаимосвязанность теории и метода исследования обеспечивается их включенностью в предтеорию - «комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического или теоретического психологического исследования» [Мазилков, 2020, с. 141-142]. Каждый психолог с разной степенью осознанности, отрефлексированности организует психологическое исследование поэтапно, определяя конкретные формы проявления структуры предтеории:

- определяет идею метода исследования (если изучается непосредственный опыт, методом будут разные формы самонаблюдения; если изучается поведение, будет использован объективный метод),
- моделирует представление о том, как будет организовано исследование (то есть какие конкретные формы проявления предмета исследования будут изучаться),
- выбирает базовую категорию анализа (в каких формах будет объясняться изучаемое явление - в виде структуры, функции, процесса, уровня или генезиса),
- организует исследование в соответствии с выбранной базовой категорией.

Таким образом встраивание объяснения в структуру психологического исследования позволяет нам выделить разные виды объяснения:

1. *Простые объяснения* - изучаемое явление, феномен объясняется в форме его структурной, функциональной,

процессуальной, уровневой или генетической организации. То есть используется только одна базовая категория в объяснении.

2. *Сложные объяснения* - использование двух и более базовых категорий для объяснения. Например, это могут быть структурно-уровневые, структурно-функциональные, функционально-генетические и т.п. объяснения.

Специально отметим, что предложенная структура психологического исследования ни в коей мере не противоречит традиционной классификации методов Б.Г. Ананьева. На этапе определения идеи метода исследователь выбирает все те же эмпирические методы, которые были описаны Б.Г. Ананьевым; неизменными остаются и методы обработки данных; расширяется совокупность и содержание организационных методов исследования; трансформируются способы объяснения результатов.

История психологии

В описании творчества юбиляра нельзя обойти стороной еще один важнейший аспект его научной деятельности, связанный с непрерывными на протяжении всего научного пути историко-психологическими исследованиями. Правда здесь несколько сложнее будет выделить какую-то одну базовую идею, сопровождающую изучение В.А. Мазилковым истории психологии. Задач историко-психологических исследований в творчестве юбиляра можно выделить несколько.

Во-первых, фактически с самого начала научного творчества история психологии выполняла своего рода вспомогательную функцию для решения общепсихологических проблем мышления. Мы помним, что уже в кандидатской диссертации [Мазилков, 1981] проблема мышления была подвергнута глубокому историческому анализу, предметом которого были проблемы мышления в ассоциативной психологии, европейской и американской психологии конца XIX - начала XX века, психологии вюрцбургской школы, бихевиоризме, гештальтпсихологии, советской психологии и др. Конечно,

с одной стороны, эта работа выполняла обязательную функцию научного исследования, связанную с обзором исследований по интересующей ученого проблеме. Однако в докторском исследовании [Мазилов, 1998; Мазилов, 1999] мы видим, что результат исторического исследования проблемы мышления позволил автору разработать оригинальную концепцию соотношения теории и метода в психологии. Без обращения к истории психологии последнее было бы невозможно. В целом мы уже отмечали, что обращение к истории решения разных проблем в психологии является отличительной чертой научного творчества В.А. Мазилова.

Во-вторых, в продолжение сказанного необходимо обратить специальное внимание, что разработка В.А. Мазиловым оригинальной концепции соотношения теории и метода не является результатом исторического анализа лишь теорий мышления в психологии. Если мы внимательно познакомимся с структурой концепции, то обратим внимание на следующее. В ней представлены два важнейших теоретических и методологических конструкта - собственно, *теория* и *метод*. И если частично о проблеме теории в истории психологии мы уже сказали, то проблеме метода в истории психологии В.А. Мазилов уделил уж точно не меньшее внимание. Например, в «докторской» монографии [Мазилов, 1998] юбилей отводит значительную часть третьей главы историко-методологическому исследованию проблемы метода в психологии - развитию методов интроспекции и эксперимента в Новое время до Новейшего времени. Конечно, сам автор не относит свою работу к полноценной истории психологии, решая вполне конкретные теоретические и методологические проблемы психологии средствами ее исторического анализа. Однако представленный в работе анализ истории развития основных методов психологии является блестящим образцом сравнительного историко-методологического исследований, не уступающего многим другим аналогичным работам.

В-третьих, еще одной гранью научных интересов юбиляра в области истории психологии является, собственно, история психологической науки как процесс непрерывного ее развития. Например, подготовленные Хрестоматии по Общей психологии [Общая психология, 2020 и др.] являются прекрасным примером систематического изложения истории развития психологии с Античности до наших дней. В учебнике и хрестоматиях переплетаются уже упоминавшиеся нами теоретический, методологический и исторический планы анализа психологической науки.

В-четвертых, не меньшее значение для понимания научного творчества юбиляра имеет работа с так называемыми «белыми пятнами» в истории психологии. Речь идет, прежде всего, о изучении жизни и научного творчества психологов, внимание к которым в сообществе по разным причинам уделяется недостаточно, или же к недостаточно освещенным аспектам научного творчества хорошо известных ученых. Справедливости ради отметим, что в этом направлении В.А. Мазиллов реализует совместные историко-психологические исследования с представителями молодого поколения психологов. Среди них особенно стоит выделить *Наталью Юрьевну Стоюхину* и *Артема Андреевича Костригина*. Их совместные научные проекты направлены на изучение жизни и научного творчества дореволюционных психологов [Мазиллов, Костригин, 2016; Мазиллов, Костригин, 2017; Костригин, Мазиллов, 2018; Костригин, Мазиллов, 2020], И.П. Четверикова [Мазиллов, Стоюхина, 2018], С.Г. Геллерштейна [Мазиллов, Стоюхина, 2018], Л.С. Выготского [Мазиллов, Стоюхина, 2017], Г. Мюнстерберга [Мазиллов, Стоюхина, Махалин, 2017], Д.И. Рейтынбарга [Стоюхина, Мазиллов, 2015], В.А. Снегирева [Стоюхина, Мазиллов, Костригин, 2015]. Вместе с этим предметом исследований является история социальной психологии в России [Мазиллов, Стоюхина, 2016], психотехника [Мазиллов, Стоюхина, 2014; Стоюхина, Мазиллов, 2014; Мазиллов, Стоюхина, 2016] и мн.др.

В-пятых, более пристальное внимание В.А. Мазиллов обращает на изучение роли отдельных личностей в истории психологической науки. Речь идет о работах, посвященных психологическому наследию К.Д. Ушинского [Мазиллов, 2014; Мазиллов, 2016; Мазиллов, 2023 и др.], роли В.С. Филатова в формировании ярославской психологической школы [Мазиллов, 2015; Мазиллов, 2016 и др.], вкладу М.С. Роговина в развитие методологии психологии [Мазиллов, 2006; Залевский, Мазиллов, 2016 и др.], роли и месту В.В. Новикова в развитии современной ярославской психологической школы [Козлов, Мазиллов, Фетискин, Костригин, 2016 и др.].

Здесь же отметим, что два последних упомянутых выдающихся психолога - М.С. Роговин и В.В. Новиков внесли значительный вклад в становление самого юбиляра как ученого. Ввиду этого в разное время В.А Мазиллов дал два развернутых интервью [Базиков, Мазиллов, 2016; Слепко, Мазиллов, 2021], в которых поделился своим представлением о их личности, роли в истории психологии, их влиянии на свое профессиональную карьеру. Оба интервью представлены как дополнительные материалы к настоящему изданию в следующем разделе.

Завершить краткое знакомство с интересами В.А. Мазиллова в области истории психологии хотелось еще одним немаловажным аспектом историко-психологических исследований. И это, в-шестых. Являясь представителем ярославской психологической школы, В.А. Мазиллов посвятил немало работ истории психологии на ярославской земле. В последние годы им был реализован крупный проект по систематическому описанию истории психологии в Ярославле, приуроченный к празднованию векового юбилея кафедры психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского [Мазиллов, Слепко, 2023]. Здесь была представлена предыстория психологии в Ярославле в XIX веке, история преподавания психологии в Ярославском учительском институте (1908-1918), история кафедры психологии педагогического университета (1918-н.в.). Проект

является примером именно систематического описания истории региональной психологической школы, в которой нашли отражение основные события в истории отечественной психологии XX в., истории отечественного образования.

***

Завершая настоящий раздел, хотелось бы отметить, что авторы отразили в нем лишь наиболее заметные аспекты научного творчества юбиляра. Напомним, В.А. Мазиллов является автором более тысячи научных публикаций разного жанра. В них представлено многообразие научных интересов ученого. Надеемся, у читателя сложилось общее впечатление о путях его научного творчества. Уверены, что представленные далее материалы помогут более развернуто представить и оценить вклад В.А. Мазилова в развитие психологической науки.

В следующем разделе, как мы уже упоминали, представлены два интервью юбиляра, в которых раскрывается его знакомство с двумя выдающимися отечественными учеными - психологами, философами, методологами науки и выдающимися организаторами - Виктором Васильевичем Новиковым и Михаилом Семеновичем Роговиным. Каждый из них внес свой специфический вклад в становление В.А. Мазилова как ученого. Поэтому считаем небезынтересным познакомить читателя с этими материалами. Вместе с этим в данном разделе размещено еще одно интервью, взятое у юбиляра пять лет назад, когда он праздновал 65-летний юбилей. В нем юбиляр делится впечатлениями о своем жизненном пути, о друзьях и коллегах, интересах и предпочтениях. Это интервью поможет читателю сформировать еще более широкое впечатление о личности и научной деятельности В.А. Мазилова.

Далее мы хотели бы познакомить читателя с мнениями коллег и друзей В.А. Мазилова о нем. В них читатель сможет обнаружить те черты и грани личности и творчества юбиляра, которые ускользнули от авторов настоящего издания.

Если же читателю будет недостаточно этих материалов для формирования представления о юбиляре, рекомендуем обратиться к разделу, в котором размещена избранная библиография работ В.А. Мазилова. Библиография структурирована по областям основных научных интересов, что поможет более систематично познакомиться с основными результатами его научного творчества.

ГЛАВА 3. СЛОВО МАСТЕРУ

3.1. «ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА»¹. ИНТЕРВЬЮ С В.А. МАЗИЛОВЫМ, ПОСВЯЩЕННОЕ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.В. НОВИКОВА

Впервые опубликовано в журнале: История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 147-163.

Президент МАПН академик В.В. Козлов обратился к профессору В.А. Мазилову с предложением дать интервью, посвященное 80-летию Виктора Васильевича Новикова (которое было в прошлом, 2015 г.). В.А. Мазилов хорошо знал Виктора Васильевича Новикова, работал вместе с ним в диссертационных советах в ЯрГУ и ЯГПУ. Интервью взял М.В. Базиков, кандидат психологических наук (Москва).

И.: Я знаю, что Вы любите кино. Предполагаю, что название для этого интервью взято оттуда, из кинематографа? Так же называлась Ваша статья, посвященная 70-летию В.В. Новикова [Мазилов, 2005]. Почему Вы используете его уже во второй раз?

В.М.: Да, Вы правы. С кинематографом связь есть. В 1967 г. фильм «Человек на все времена» произвел оглушительный эффект: получил две премии на московском кинофестивале, если память не изменяет, в том же году шесть Оскаров от американской киноакадемии. Но источник названия – слова современника Томаса Мора Роберта Виттингтона, который в 1520 написал о нем приблизительно так: «Мор – человек ангельского ума и выдающейся учености. Я равного ему не знаю. Где еще есть человек такого благородства, такой скромности, такой приветливости? Когда тому время, он удивительно весел и жизнерадостен, когда тому время, он

так же грустно серьезен. Человек на все времена». Вы знаете, название очень точно отражает суть дела. Это вовсе не для того, чтобы превознести этого человека, возвеличить. Лишь для того, чтобы подчеркнуть – среди людей обязательно найдется тот, кто будет действовать в соответствии со своими моральными принципами, как он их понимает. Я действительно очень люблю этот фильм Фреда Циннемана, посвященный жизни Томаса Мора. Мор – обаятельный и коммуникабельный человек – там фактически единственный персонаж, который такие принципы имеет. И все вокруг просят (от короля, бывшего когда-то другом, до любимой дочери, жены, друзей), чтобы он сделал исключение – всего один раз поступился этими принципами. От него совсем немного надо. И всем будет хорошо. Но он не может... Я очень рад, что статью, имевшую такое название, написанную к его семидесятилетию Виктор Васильевич прочел [Мазилов, 2005]. Помню, он тогда сказал: «Ну, ты... Это перебор...» С моей точки зрения, важно, чтобы человек при жизни это услышал. Что позиция его принимается и понимается. Мы тогда долго говорили с Виктором Васильевичем, я убедил, как мне кажется, В.В. тогда, что «перебора» здесь нет. Преувеличения нет: это никоим образом не попытка возвысить или, не приведи Господи, культ создать – это лишь констатация редкости явления. Человек с моральными принципами был большой редкостью в Англии XVI века, не меньшая редкость у нас. Католическая церковь провозгласила Томаса Мора святым (канонизирован в 1935 г.). Но это уже совсем другая история. К Человеку отношения не имеет.

И.: Кто для Вас Виктор Васильевич Новиков в первую очередь?

В.М.: Невозможно сказать односложно... В.В. – учитель, старший товарищ, коллега. Я уже пытался в разные годы сформулировать [Мазилов, 2005; Мазилов, 2010]. Выдающийся организатор. Что он ни начинал, все чудесным образом

получалось – благодаря таланту и настойчивости деятеля. Он создатель факультета психологии в ЯрГУ, первый декан, основатель первой отраслевой лаборатории в Центре НОТ Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, основатель и бессменный руководитель, президент Международной академии психологических наук, создатель кафедры социальной и политической психологии. Создатель и первый руководитель сначала кандидатского, а затем и докторского совета. Один из создателей ярославской психологической школы, ученый, один из тех, кто воссоздавал социальную психологию в СССР в 1960-е гг.: исследователь психологии крестьянства, разработчик системы отраслевой психологической службы в системе Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, руководитель коллектива, который начал исследовать такие вопросы как отношение к деньгам, создатель концепции психологического управления...

Разрабатывались вопросы, связанные с изучением электорального поведения, сопровождения выборов. Областью, в разработке которой он опередил время, явились те разделы социальной психологии, которые соприкасаются с экономикой. Не случайно в 1999 г., будучи признанным специалистом, мэтром социальной психологии, он защищает докторскую диссертацию по экономике...

Исследователь, который подготовил десятки кандидатов и докторов психологических наук. Человек, с которым было приятно общаться, который умел вдохновлять, заставить поверить в свои силы, поддержать... Человек, который помог десяткам и сотням людей. Который искренне радовался успехам других. Мой друг Володя Козлов говорит, что Виктор Васильевич был просветленным. Я ему верю. Вот сейчас произнес это и понял, что упустил важное. На мой взгляд, важнейшим результатом деятельности Виктора Васильевича является объединение психологов, особенно провинциальных под эгидой академии. В результате изменился культурный

ландшафт, изменилось само психологическое сообщество, его менталитет. И здесь в пору использовать такие термины, что Виктор Новиков – человек ноосферы... Понятно, это не может быть персональной заслугой, но инициировал и направлял процессы он.

И.: Давайте уточним. Вы не согласитесь с теми, кто скажет, что Новиков был хорошим организатором, но средним ученым?

В.М.: Не соглашусь категорически. Он был большим ученым, четко видел перспективы. Написал авторский учебник социальной психологии, простой и доступный. Другое дело, что он осознавал очень хорошо, что психология (и социальная, в том числе) делает первые шаги, абсолютно далека от финальности, в ней все может измениться. И делать вид, что психология сегодняшнего дня имеет вид сколь-нибудь завершённый и совершенный просто недальновидно. Надуть щеки и требовать соблюдения условностей считал смешным и недостойным.

И.: Время идет быстро. Вот уже прошло восемь месяцев с дня ухода В.В. Новикова. В мае ему исполнилось бы 80 лет. Когда Вы впервые услышали про Новикова, познакомились с ним?

В.М.: Вы совершенно правы. Время просто летит. Очень часто в повседневной жизни ловлю себя на мысли, что ошибаюсь с определением временных интервалов. Кажется, по первоначальной оценке что-то было пять лет назад, начинаешь детализировать, уточнять – и оказывается, что прошло с тех пор в действительности не пять, а все десять лет. Просто караул! Правда, в этом случае – относительно Вашего вопроса – могу сказать абсолютно точно. Про Виктора Васильевича Новикова я услышал впервые, когда учился в восьмом классе. Было это в далеком 1968 г. Мой дядя был знаком с В.В., от него я услышал, что молодой психолог из Ярославля из педагогического института Виктор Новиков занимается изучением психологии

крестьянства. Я думаю, это был первый случай, когда я услышал имя В.В. и одновременно первое упоминание о социальной психологии как специальной науке. Как мне тогда показалось, очень интересной. После этого захотелось прочесть про это подробнее, тот же дядя Юрий Евгеньевич Мазиллов – известный в Ярославле историк и педагог – подарил мне маленькую книжку В.В. Новикова «Настроение и труд». Но в действительности Виктора Васильевича я увидел значительно позднее, когда стал студентом-психологом первого курса факультета Истории, психологии и права, как он тогда назывался. Соответственно, в 1971 г., осенью, после сельхозработ начались занятия. Виктор Васильевич был тогда деканом этого факультета.

И.: Кто он все же был для Вас лично?

В.М.: Одним словом не ответишь. И прежде всего потому, что на разных этапах жизни – и его и моей – на первый план выходили разные грани его личности. Про первые впечатления я уже рассказывал... Конечно, в первую очередь мудрым учителем. Тогда я предположить не мог, что когда-то через много лет он станет другом. Но что характерно – никогда никакого панибратства не было даже в помине, хотя дистанция психологическая значительно сократилась. Старшим товарищем, коллегой, мэтром. Руководителем во многих начинаниях и проектах. Примером для подражания. На другом этапе жизни – советчиком. Мудрым и ненавязчивым, но советчиком. Поддержкой и вдохновителем многих начинаний. Он был в течение многих лет бессменным руководителем диссертационного совета в ЯрГУ. Как оказалось, это была целая школа. Уверен, не только для меня. С течением времени многие из членов этого новиковского совета стали председателями – заместителями – секретарями других советов... В течение полутора десятков лет мы имели возможность пройти школу того, как это делается, как поступать стоит, а как, пожалуй, нет. И это был неоценимый

опыт. И – вопреки распространенному мнению – научение происходило «на чужом» опыте. И значительно позднее, когда сами стали руководить диссертационными советами – уверен, не только я – вспоминали уроки Виктора Васильевича.

И: Каким он Вам запомнился по первым студенческим впечатлениям?

В.М.: Виктор Васильевич производил очень приятное впечатление. Невысокий, коренастый, светловолосый, энергичный, невероятно обаятельный. В нем чувствовался бывший спортсмен, поэтому никого не удивил разнесшийся молниеносно по курсу слух, что декан – мастер спорта по борьбе. Производил впечатление надежности, основательности. С обезоруживающей, замечательной улыбкой, чрезвычайно располагающей. Можно сказать, что он, несмотря на свою молодость, производил впечатление очень открытого и доброжелательного человека. Особенно потрясало уже тогда выраженное качество Виктора Васильевича – внимание к любому собеседнику, даже если это первокурсник. Даже замечания умел делать мягко, но чрезвычайно эффективно. Один из моих однокурсников – Ваня Иващенко был сильно старше остальных (короче, немного младше декана), поэтому его вахтеры не хотели пускать в здание на торжественный вечер, так как по внешнему виду, скажем прямо, Ваня мало походил на студента. На что, вступившийся за студента декан сказал только: «Ваня, ты бы хоть побрился ради праздника». Трудно этого ожидать от начальника, особенно от декана, потому студенты, как я помню, особенной робости не испытывали. Несомненно, это способствовало успешной адаптации.

И: Каким он был деканом? Каким преподавателем? Личностью?

В.М.: На этот вопрос ответить не так просто. Дело в том, что если учесть, что месяц мы пробыли в колхозе, то деканом при нас он был меньше двух месяцев. За этот срок трудно оценить

деятельности качества. Так получилось, что на первом курсе у него занятий не было. Таким образом, было всего несколько встреч декана и студентов первого курса: организационные собрания и какие-то мероприятия. Но не подлежит сомнению, что В.В. был личностью чрезвычайно яркою, склонной к суггестии. Я думаю, он это хорошо сознавал, поэтому часто рассказывал о себе, о своих личных встречах и впечатлениях, приводил примеры из своей биографии. Но вместе с тем я должен сказать, что, как ни парадоксально, Виктор Васильевич за столь короткий срок оказал на наш курс огромное влияние. Это стало одним из самых неизгладимое впечатлений за всю студенческую жизнь. Я поясню. Речь идет о формировании идентичности. Вчерашние школьники пришли в университет, который только что (год назад) был образован (возрожден, как тогда говорили). Кто мог ожидать тогда, что пройдет три десятка лет и возраст вуза будет исчисляться уже столетиями? Так вот, я про идентичность. Ему удалось нам внушить, что студенты – где бы они ни были – представители единого братства. И рассказывал о своих впечатлениях о посещении Сорбонны в 1968 г., когда он посещал ее после окончания курсов ЮНЕСКО. Новиков должен был преподавать психологию на французском языке в Африке. Но не случилось. И произошло чудо – студенты из провинциального Ярославля в 1971 г. ощутили себя «наследниками по прямой» европейского средневекового братства, Universitas, содружества профессоров и студентов... Это для меня навсегда осталось примером того, как великий педагог может влиять на личность... И как много значит в жизни сильная традиция...

И.: Удивительно.

В.М.: Я Вам больше скажу. Уроки мастера действуют до сих пор. Скажем, рассказ про Роджера Бэкона как символ стойкости (в тюрьме сидел за свои научные взгляды, но их не изменил). Так я про идентичность. Вот В.В. тогда рассказал анекдот, историю, которая, по его словам, в старых европейских

университетах передается изустно, студенты слышат ее, когда в должность вступает новый декан, а он в свою очередь слышал это от своего первого декана. Преемственность поколений. Красиво, однако... Но факт остается фактом – многие из нас восприняли, через всю жизнь пронесли причастность идее и миссии европейского университета... Кроме того, как В.В. тогда рассказывал, что перед открытием психологии в Ярославле, он был у А.Н. Леонтьева (декана психологического факультета МГУ), с которым был знаком по упоминавшимся выше курсам ЮНЕСКО, и Б.Г. Ананьева (декана психфака в ЛГУ). И таким образом складывалось чувство сопричастности психологическому движению в стране и в мире... И это исключительно заслуга В.В. – каким-то непостижимым образом ему удалось эти идеи в мятущееся сознание первокурсника внедрить. (Смеется...). Кстати, наверняка под влиянием этих идей по просьбе студентов первого курса был введен факультатив по латинскому языку (!). Уверяю, что прагматизм (чтобы легче усваивать анатомическую терминологию) был на втором месте – на первом представление о том, какой может быть университет без латыни... Поэтому замечательная песня Давида Тухманова «Прощание с Швабией» (на стихи вагантов) воспринимается нашим курсом именно как наша (впрочем, наряду с «Гаудеамусом»). И это результат влияния именно В.В. Новикова. Я проверял, у других курсов, которые учились позднее (то есть Новикова не застали) такого эффекта не было. И еще важно – не на всех действует... Но для меня это один из уроков Великого мастера.

И.: Вы не рассказали саму историю...

В.М.: Да не в ней дело... Хотя она работает на создание средневекового колорита... Вкратце так. Некий путешественник, скажем англичанин, оказался в средневековом Париже и заблудился. Вдруг он увидел толпу молодых людей с факелами, которые несли гроб, и понял, что очутился на кладбище... Он остановился поодаль и внимательно наблюдал, что будет. Они

вырыли могилу, закопали гроб... Начали веселиться, но через несколько минут веселие сменилось унынием. Они начали плакать, затем раскопали могилу, существенно углубили ее, снова закопали... Этот цикл повторился несколько раз. Заинтригованный чужеземец молча стоял, ничего не понимая... Наконец, не выдержав, он подошел и спросил, кто они и что они делают... Ему вежливо объяснили: мы – студенты из Сорбонны, декана хороним... А-а-а, видимо, Ваш декан был не очень хороший... Нет, Вы не знаете нашего декана – он и из-под земли достанет... Новиков утверждал, что слышал ее в Париже от декана факультета, и это история, уходящая корнями в XIII век... Вам не обязательно в нее верить, когда я ее услышал, я поверил. Когда сам стал деканом, рассказал своим студентам. Пойти дальше она сможет, если кто-то из них станет деканом и история продолжится...

И.: Вы сказали, что деканом он был недолго. Что произошло?

В.М.: Да, в один день все резко изменилось. Я даже запомнил число – произошло это 2 декабря 1971 г. Перед второй лекцией к нам в лекционную аудиторию неожиданно зашел Виктор Васильевич. Он сказал, что пришел проститься. Просил ничего не предпринимать. Сказал, что скоро к Вам придут и расскажут про меня много плохого. Не верьте этому, я честный человек. Я всегда хотел только хорошего. Он попрощался с нами, сказав, что вынужден покинуть университет. Здесь он оказался абсолютно прав: вместо начала следующей пары мы увидели прибывшего секретаря парткома университета Бориса Павловича Шубнякова. Который действительно сказал много плохих слов в адрес Новикова. Из этого монолога, в котором были в основном общие слова, следовало, что В.В. Новиков осмелился критиковать партию, что никому не позволено. И что этого следовало ожидать. Нужно отдать должное Борису Павловичу – психологов он никогда не любил и им не доверял. Не случайно через несколько лет появилась известная факультетская песня, в которой были такие слова:

«Не факультет, а банда разгильдяев, как говорил товарищ Шубняков». Но декан исчез, появился другой декан. Им был назначен совсем тогда молодой Владимир Дмитриевич Шадриков. Как стало понятно из этого потока инвектив, В.В. Новиков написал письмо в адрес XXIV Съезда КПСС, который был в феврале этого 1971 г. Загадка, почему потребовалось столько времени, чтобы определить автора этого письма. Но расправа произошла лишь осенью. Я никогда не спрашивал В.В., зачем он это сделал. Мне казалось, что это та же ситуация, что у сэра Томаса – не могу иначе...

И.: Скажите, пожалуйста, а что за слухи про демонстрацию студентов? Она правда была?

В.М. С удовольствием расскажу. Тем более, что я был непосредственным свидетелем происшедшего. Это было в тот же день, когда приходил прощаться В.В. Новиков, а затем с воспитательным визитом Б.П. Шубняков. Нужно предварительно пояснить, что на нашем курсе впервые появились кандидаты. Разрешалось взять сверх плана приема некоторое количество вольнослушателей, которые при наличии отсева студентов и хороших результатах учебы могли к концу первого года обучения стать студентами. Этот длинный день подходил к концу (если меня не подводит память, было четыре пары), мы спускались по парадной лестнице в вестибюль. Я шел с моим одногруппником Сережей Климовым. В вестибюле мы обнаружили кандидата Сережу Никитина, который занимался тем, что на листе в клеточку, вырванном из общей тетради, шариковой ручкой писал текст: «Only Novikoff!». Спустя столько лет помню, что написание было таким – через двойную «f». Затем он достал нитку, стало понятно, что это готовится плакат, который Сергей повесит на шею. Нужно сказать, что мы честно попытались его отговорить. Но абсолютно безуспешно. Не слушая нас, он нацепил эту бумажку на нитке поверх куртки и отправился по улице Кирова в сторону Знаменской башни. Мы тоже шли в ту сторону, только метров на 15 сзади, обсуждая

этот поступок. Впрочем, все завершилось очень скоро. Дошел он только до магазина «Яхонт». Там от стены отделились два молодых человека в одинаковых плащах, которые дальше куда-то сопроводили демонстранта... Но – как ни странно – сюжет на этом не кончается. В 22 часа вечера этого длинного и трудного дня «A Hard Day's Night», как бы обозначили Битлз, по ВВС в новостях сказали, что в Ярославле состоялась демонстрация студентов в поддержку уволенного властями профессора Новикова. На следующий день число кандидатов на одного сократилось, снова появился Б.П. Шубняков, который говорил про плакат на английском с ошибками. За ошибку единственно можно было счесть двойную «f» (мы помним, текст был лапидарен), но, как говорится, вопрос спорный. Я думаю, что именно тогда Шубняков уверился, что от психологов ничего хорошего ожидать не стоит. Хотя, стоит отметить, что его дочь, ставшая видным психологом, окончила именно этот факультет.

И.: Новиков был диссидентом?

В.М.: Я этого не думаю. Он был шестидесятником. Абсолютно убежден, что он был патриотом. Диссидент это человек, для которого поиск недостатков становится смыслом и самоцелью. В.В., на мой взгляд, не был таковым. Он был вполне лояльным гражданином. Скорее тут случай, когда эмоции взяли верх, подтолкнули обстоятельства, и в итоге произошло то, что прекрасно было показано в культовом фильме Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни» – за державу стало обидно. Это вызывает глубочайшее уважение – наличие внутренних моральных принципов, через которые человек не может переступить. Понимая хорошо, что ломает свою судьбу. Иначе не может. Но он доказал своей жизнью и судьбой, что смеет и может «выйти на площадь» Так что мне кажется, что правильнее считать, что он был человеком с обостренным чувством справедливости.

И.: И что дальше?

В.М.: В.В. Новиков исчез. К счастью, лишь из университета. Периодически появлялась информация, что он в городе, работает, руководит отраслевой лабораторией в системе Миннефтехима. Разрабатывает практико-ориентированный вариант психологии. Правда, интенсивного общения с В.В. в эти годы нет. Практически вся история университета прошла на моих глазах (я, понятно, о новейшей – про XIX век и Демидовский юридический лицей – только читал), иногда творились удивительные вещи. Отмечались малые юбилеи (10-летие, 15-летие и т.д.). На некоторых имя Новикова не упоминали вообще. Но это еще не так удивительно. Впал в немилость первый ректор ЯрГУ Лев Владимирович Сретенский, бывший ректором Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (1970-1983). Насколько я помню, на праздновании 15-летия в 1985 г. умудрились «не заметить», что человек был ректором почти весь этот срок. Отсчет начинался с его преемника. Удивительные были времена.

И.: А что за история с защитой докторской диссертации?

В.М.: У Новикова их было несколько. Вы про которую?

И.: Расскажите подробнее. Почему в биографии В.В. Новикова много таких эпизодов, как Вы полагаете?

В.М.: Вы знаете, мне кажется, это закономерность. В.В. как человек пассионарный очень многое начинал, за многое брался. И удивительным образом, все у него получалось. И, таким образом, он очень легко вызывал чувство зависти. Особенно у тех, кому В.В. делал какие-то добрые дела. Знаете, бывают такие люди. Для которых благодетель скоро становится врагом. Мне кажется, В.В. не особенно стремился разбираться в людях, а помогал тем, кто нуждался и к нему обращался. Один из таких товарищей и отравлял В.В. жизнь, «устроил» повторную защиту. Докторских диссертаций у

Новикова на самом деле было много. Давайте разбираться. Когда его уволили из университета и исключили из КПСС в 1972, у него была почти написана докторская по психологии крестьянства – сопоставление того, что было в 19 столетии и что стало в 20-м. Если не ошибаюсь, «Особенности формирования русского и советского крестьянства». Понятно, что речи о защите после увольнения не было. Более того, тема показалась «несоветской», клеветой на социалистический строй. В свете того, что автором было отправлено письмо критического содержания в адрес XXIV съезда ЦК КПСС, в котором содержался анализ недостатков в руководстве областью. Поэтому она никогда не защищалась. По ее материалам позднее он опубликовал в соавторстве с коллегами из ИП АН СССР (Екатериной Васильевной Шороховой и Ольгой Ивановной Зотовой) часть материалов этой докторской. С декабря В.В. стал работать в Центре НОТ Миннефтехимпрома. И, естественно, стал собирать материал по работе в этой отрасли. Из чего впоследствии выросла совершенно другая диссертация: называлась она, дай Бог памяти, «Социально-психологические проблемы управления производственными коллективами (на материале социальной службы Миннефтехимпрома)». Эта диссертация была успешно защищена в 1980 г. в ИП АН СССР. Но в ВАК поступила «жалоба». Собственно, все это описано в автобиографии Виктора Васильевича. Как помнится, «жалоба» по объему превосходила диссертацию – в ней было более 400 страниц. Повторное рассмотрение диссертации дало тот же результат. В 1982 г. В.В. получил диплом. Про диссертацию по экономическим наукам мы уже говорили.

И.: А при каких обстоятельствах В.В. вернулся в ЯрГУ?

В.М.: То время меня в ЯрГУ уже не было. В 1982 г. я перешел в Ярославский государственный педагогический институт. Насколько я помню, произошло это в самом конце 1987 г. Времена изменились и партийные взыскания уже не имели той роли. Пригласил его коллега, работавший на

факультете с самого начала, заведующий кафедрой общей психологии Юрий Константинович Корнилов. Как я помню, вскорости после возвращения В.В. открыли новую кафедру – четвертую на факультете – кафедру социальной и политической психологии, которую В.В. организовал и стал ею заведовать. Два десятка лет он проработал на этой кафедре. Если мне не изменяет память, в 1988 г. Виктор Васильевич участвовал в выборах декана, но эти выборы проиграл. Для победы не хватило всего двух голосов. Деканом тогда был переизбран Валерий Емельянович Орел. Новый этап взаимоотношений начался в 1992 г. Тогда в Костроме проводилась большая конференция по социальной психологии. На ней было широкое представительство психологов. Нужно пояснить, что в начале 90-х гг. катастрофически упал уровень жизни, особенно это ударило по профессорско-преподавательскому составу. Печататься было негде. И на этой конференции произошло значительное и знаменательное событие – организация МАПН (Международной академии психологических наук). Кстати, это едва ли не единственная профессиональная академия: она объединяет именно психологов. Чужих людей там нет, все друг друга хорошо знают. С тех пор прошло не так много лет. Мне кажется, пора расставить точки над *i* и восстановить справедливость. Конечно, Академия была основана, и по праву первым Президентом был избран Виктор Васильевич Новиков. Но автором идеи создания академии был Александр Николаевич Жмыриков, психолог из Нижнего Новгорода. Перед приездом в Кострому он, как я помню, посоветовался с профессором Мягковым Иваном Федоровичем из Воронежа и профессором Гительмахером Роальдом Борисовичем из Иваново по телефону. Предложил им обсудить идею создания Международной академии психологических наук. В то время подобных отраслевых академий еще не было. Были академии как частные учебные заведения. Они эту идею А.Н. Жмырикова одобрили и сказали, что переговорят с Виктором Васильевичем Новиковым. Жмыриков составил и

проект Устава, повез его в Кострому на конференцию. Ночью обсудили эту рыбу с Новиковым, Гиттельмахером, Секачем, Шороховой, Свенцицким. Затем подтянулись и остальные. От первоначального проекта в ходе обсуждения мало что осталось. Так что Устав в окончательном виде стал больше плодом творчества Новикова, Гиттельмахера, Свенцицкого и Секача. Александр Николаевич был избран на этой конференции вице-президентом МАПН. С 1992 г. началось тесное взаимодействие с Виктором Васильевичем по вопросам создания и работы академии.

И.: Между Вами были дружеские отношения или это были отношения учителя и ученика?

В.М.: Со временем наши взаимоотношения переросли в дружеские. Катализатором послужили события 1994 г. Поздней осенью в Москве состоялся Учредительный съезд Российского психологического общества. Виктор Васильевич и я были в составе ярославской делегации. Происходило это мероприятие на базе Института молодежи в Выхино. Так получилось, что мы с Виктором Васильевичем жили в одной комнате. Мы много разговаривали. До этого мне казалось, что я довольно хорошо знал жизненный путь В.В. Новикова. Но тут моему удивлению не было предела: обнаруживались все новые грани биографии В.В. К примеру: оказалось, что когда он работал в газете в отделе сельского хозяйства в начале шестидесятых, он успел окончить Пошехонский сельскохозяйственный техникум. Или, что кроме квалификации учителя русского языка и литературы, истории, успел заочно окончить факультет физической культуры... Рассказывал другие эпизоды из своей насыщенной событиями биографии. В 1994 г. началось мое взаимодействие с диссертационным советом, который В.В. открыл в ЯрГУ. И, конечно, сближающими были выездные сессии МАПН, когда президиум выезжал в пансионат «Прибрежный», где происходило взаимообогащающее общение, предполагающее и научную и культурную программу. Запомнились вечера

воспоминаний в каминном зале, когда Ксения Александровна Абульханова рассказывала о Сергее Леонидовиче Рубинштейне и классиках психологии, вечера музыки, когда пели Леонид Михайлович Попов, Васса Васильевна Большакова и Роальд Борисович Гительмахер. Организовывал это все президиум МАПН и Виктор Васильевич. Начали издаваться первые сборники МАПН, стали проходить конференции под эгидой МАПН. Академия консолидировала психологическое сообщество.

И.: А что за поездка с Сартром была у В.В.? С тем самым нобелевским лауреатом и экзистенциалистом?

В.М.: Это известная история. И давняя. В 1962 г. после окончания института В.В. работал корреспондентом газеты «Северный рабочий», освещая вопросы сельского хозяйства и жизни села. В СССР приехал Жан-Поль Сартр, его интересовали вопросы, связанные с религиозностью в российской глубинке. Надо сказать, далеко не лучшее время для церкви. Тогда как раз была пора хрущевских гонений на церковь. Сартр колесил по ярославской земле, встречаясь с людьми верующими. В.В. часто рассказывал об этом, его потрясла внутренняя свобода выдающегося писателя и философа. И еще запомнилось, как В.В. говорил, что у Сартра был тот же жизненный девиз, что и у Маркса: «Делай, что должно, а люди пусть говорят, что угодно». Вот тут мне хочется добавить: в действительности, мне кажется, тот же самый девиз был и у Виктора Васильевича. Во всяком случае, он к его жизни и деятельности подходил идеально.

И.: Как относился к своим учителям? Кого считал учителями?

В.М.: Всегда с чувством благодарности и признательности. И это воспитывал в своих учениках. Учителем считал Василия Степановича Филатова. Всю жизнь был благодарен москвичам из сектора философских проблем психологии Института философии Екатерине Васильевне Шороховой,

Ольге Ивановне Зотовой, Константину Константиновичу Платонову.

И.: Кого В.В. считал своим лучшим учеником?

В.М.: У В.В. было великое множество учеников. Причем, важно подчеркнуть, что в отличие от многих научных руководителей, В.В. брал аспирантов, соискателей и докторантов по самым разным темам, т.е. не только по тем, которыми он сам занимался как исследователь. Он считал важным поддерживать человека. У него это очень хорошо получалось. Он давал возможность человеку раскрыться, обрести уверенность. Иногда это были неожиданные, экстраординарные темы. Скажем, мне трудно представить, что кто-либо из профессоров в Ярославле поддержал бы тему по измененным состояниям сознания, которую в качестве кандидатской защищал в 1994 г. Владимир Васильевич Козлов. Здесь вот черта важная Новикова – открытость новому, плюс внутренняя смелость руководителя. Хотя защита проходила очень тяжело. Я в деталях ее помню.

И.: Расскажите поподробнее.

В.М.: Это была, если не ошибаюсь, первая защита в кандидатском диссертационном совете, созданном В.В. Новиковым. В составе совета тогда были питерцы Николай Николаевич Обозов, Игорь Павлович Волков, казанцы Александр Октябринович Прохоров и Леонид Михайлович Попов. Если память не изменяет, ноябрь 1994 г. Сама процедура проходила в том корпусе университета, где размещался юридический факультет – на Собинова (бывший Дом политпросвещения). Я был вторым оппонентом, первым – Игорь Павлович Волков из Санкт-Петербурга. Защита шла тяжело. Много вопросов задавал профессор Александр Октябринович Прохоров, крупнейший специалист по психологии состояний. Ответами был не удовлетворен. Другие члены совета тоже высказывали замечания. Первый оппонент Игорь Павлович Волков,

зачитывая отзыв, остановился лишь на замечаниях. Дошла очередь до меня – второго оппонента, а о работе еще фактически не сказали доброго слова. В отзыве ведущей организации тоже содержалась масса замечаний. Вот и пришлось мне собирать достоинства этой новаторской работы и пытаться убедить совет, что работа достойна поддержки. Голосование оказалось в пользу соискателя. И докторскую Козлов защищал первым, когда совет получил право защиты докторских. Это было в 1999 г. Защита также была не простой. Виктору Васильевичу всегда доставало мудрости никого из своих многочисленных учеников не выделять. Но Владимир Васильевич всегда был особенным. Он и его жена Ольга Витальевна самоотверженно помогали Виктору Васильевичу и его жене Эльзе Сергеевне, когда Виктор Васильевич заболел. И помогали все годы, когда мэтр болел. Так что позиция первого ученика у В.В. Новикова оказалась вне конкуренции и по праву занятой В.В. Козловым.

И.: Расскажите поподробнее про В.В. Новикова как ученого.

В.М.: Вот это вопрос не слишком простой. Начнем с того, что к юбилею издается на диске собрание сочинений В.В. Новикова. Это четырнадцать томов. То есть огромный массив текстов. И при жизни, и сейчас после ухода В.В. имеет высокий авторитет, его статьи публиковались в «Психологическом журнале», авторитетных коллективных монографиях и сборниках под эгидой АН СССР. Но важно, на мой взгляд, и другое. По образованию В.В. был учителем русского языка и литературы, истории. То есть чистый гуманитарий. Известно от самого В.В., что на лекциях по психологии бывал редко, за что от принципиального доцента Ивана Матвеевича Цветкова получил тройку. Кстати, единственную за все годы обучения. Еще и учителем физической культуры стал, получив диплом и этого факультета. Я хочу сказать, что в психологии В.В. Новиков, как ни парадоксально, был фактически самоучкой. Занимался он вопросами психологии крестьянства, то есть социальной психологией. Стоит вспомнить, что в те годы,

когда Новиков поступал в аспирантуру, еще велись дискуссии о том, существует ли социальная психология как отдельная наука. Я хочу сказать, эта область науки в нашей стране только становилась наукой, только складывалась. Новиков в своей диссертации использовал в основном описательные и исторические методы. Стоит отметить, что социальная психология в то время находилась в непосредственной зависимости от исторического материализма, от учения, которое было «и всесильно и верно» одновременно. И как трагически сложилась судьба действительно талантливых социальных психологов-первопроходцев, мысливших самостоятельно и формулировавших свои теории. Не раз с В.В. обсуждали трагическую судьбу замечательного историка и настоящего социального психолога Бориса Федоровича Поршнева, которого преследования за высказанные идеи довели до самоубийства. И мне кажется, что здесь корни его «либерального» отношения к диссертациям и другим работам по психологии. Он всегда закладывал эту поправку – наука только складывается, поэтому работы несовершенны. Отсюда и недостаточное внимание к методам математической статистики, принятым стандартам. Плюс к тому общая доброжелательная направленность, стремление видеть в работе в первую очередь достоинства. Я думаю, что мнение о том, что В.В. Новиков был либеральным научным экспертом, происходит отсюда. Довольно часто В.В. просил совет поддержать работу и огорчался, если совет к его просьбе не прислушивался.

И.: Какие качества были наиболее характерны для В.В.?

В.М.: Доброжелательность. Внимание к собеседнику независимо от его статуса. Активное слушание, как говорят сегодня. Он любил жизнь, интересовался ею во всех ее проявлениях. Потрясающая скромность, никакого самолюбования. Непритязательность в быту. Конечно, всегда потрясали воля и мужество этого человека. В 2000 г., через год после первого инсульта, обнаружили утром

Виктора Васильевича, приседающего на одной ноге. «Врачи порекомендовали тренировать ногу», – и с упорством мастера спорта СССР он превозмогал боль и усталость, тренировал свой организм. Вообще он был сильным человеком, умел терпеть, умел держать удар. И я думаю, что он был по настоящему счастливым человеком, наблюдая, что его дело продолжается. И сам Виктор Васильевич продолжается в благодарной памяти близких людей и делах его учеников.

Примечания:

¹ Из названия английского кинофильма «A man for all seasons» (1966), который в советском прокате был назван «Человек на все времена». Фильм был снят американским режиссером Фредом Циннеманом (1907-1997) по одноименной пьесе (1960) английского драматурга Роберта Болта (р. 1924). Фильм, удостоенный кинематографической премии «Оскара», рассказывает о судьбе человека, который предпочел смерть измене своим принципам и убеждениям (Вадим Серов. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс» 2003). Фильм о жизни и судьбе Томаса Мора.

3.2. К 100-ЛЕТИЮ М.С. РОГОВИНА - ИНТЕРВЬЮ С УЧЕНИКОМ

Впервые опубликовано в журнале: Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 143-158.

В октябре 2021 года психологическое сообщество в нашей стране отмечает столетний юбилей Михаила Семеновича Роговина (1921-1993). Столетие со дня рождения ученого отмечается чаще всего тогда, когда юбиляр уже ушел из жизни, так как срок, отмеренный земной жизни, чаще всего меньше. Поэтому основанием для того, чтобы отметить юбилей, является уже не стремление почтить ученого, но отметить тот вклад, который внесен юбиляром в науку. В данном случае можно смело констатировать, что разработки и идеи М.С. Роговина опередили время настолько значимо, что актуальность авторских решений, принимавшихся десятилетия назад, становится очевидной для большинства психологов только в наши дни.

Отмечаемый юбилей особенно значим для ярославской психологии, поскольку семидесятые-восемидесятые годы XX столетия - наиболее продуктивное время для научного творчества М.С. Роговина - пришлись на его работу в Ярославле. На протяжении полутора десятилетий, начиная с 1973 года, М.С. Роговин был профессором факультета психологии Ярославского государственного университета.

Обращаясь в настоящем тексте к личности и научному творчеству поистине выдающегося российского ученого, необходимо констатировать следующее. В последние годы ученики и последователи М.С. Роговина стремятся не только обобщить результаты проведенных им исследований, но и обратить внимание на их особую значимость для решения множества современных актуальных проблем психологической науки. Помимо этого в работах, посвященных личности М.С. Роговина, подробно описан его жизненный путь [Карпов,

2020; Карпова, 2021; Козлов, 2021; Мазиллов, 2021; Урванцев, 2021; Урванцев, 2006; Урываев, 2021]. Между тем, учитывая характер настоящей статьи и имеющийся в литературе опыт жизнеописания, напомним читателю основные этапы становления знаменитого ученого.

М.С. Роговин родился 27 октября 1921 г. в Москве в семье приват-доцента Московского государственного университета известного философа и переводчика Семена Мироновича Роговина. В 1942 г. начинается его служба в армии (в танковых войсках был командиром танка), которой он отдал 14 лет жизни. Прошел всю Великую Отечественную войну, принимал участие в боях под Москвой и Смоленском, в освобождении Венгрии и Чехословакии, а также в войне против Японии. После ранения был назначен инструктором и военным переводчиком. Награжден двумя орденами и множеством медалей. После окончания военной службы в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию по психологии на тему «Проблема понимания» [Роговин, 1956]; в 1950-1960 гг. работал в фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР, преподавал на кафедре психологии МГПИ им. В.И. Ленина. В 1968 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории» [Роговин, 1968]. Начиная с 1973 г. работал профессором факультета психологии Ярославского государственного университета. В последние годы жизни заведовал кафедрой психологии в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза (ныне - Московский государственный лингвистический университет).

Жизнь и научное творчество М.С. Роговина были насыщены поиском и решением множества актуальных и по сей день проблем психологической науки. Широта научных интересов позволила ему внести значительный вклад в разработку проблем философии психологической науки [Роговин, 1966; Мазиллов, 2011]. Речь идет прежде всего о исследованиях, посвященных анализу логики развития психологической

науки, историко-методологическом анализе развития мировой психологии, определении опасных тенденций в развитии психологии как науки и др.

Важное место в научном творчестве М.С. Роговина занимала разработка проблем методологии психологической науки [Мазилов, 2006; Мазилов, 2016; Симановский, 2021; Симановский, 2020; Слепко, 2021; Роговин, 1955; Роговин, 1968; Роговин, 1974; Роговин, 1977; Роговин, 1979; Роговин, 1983; Роговин, 1995]. Наиболее значителен его вклад в разработку проблем теории психологии, структуры психологического знания, методов психологического исследования и их классификации, структурно-уровневого подхода к пониманию психики и др.

Комплексный характер решения философских и методологических проблем психологии достигался М.С. Роговиным за счет внимательного отношения к разработке проблем истории психологии [Мазилов, 2021; Роговин, 1960; Роговин, 1978], общей психологии [Соловьев, 2006; Залевский, 2006; Роговин, 1969; Роговин, 1966; Роговин, 1977; Роговин, 1973; Роговин, 1976; Роговин, 1978; Роговин, 1985].

Важнейшие результаты были получены М.С. Роговиным и его учениками в разработке проблем медицинской психологии [Залевский, 2013; Урываев, 2000; Залевский, 2006; Роговин, 1981; Роговин, 1989; Роговин, 1988]. Речь идет о разработке им структурно-уровневой теории психики человека и возможности ее внедрения в клиничко-психологические исследования и практику, о разработке психологических проблем диагностического мышления в норме и психопатологии и др.

Как мы уже отметили, результаты научного творчества М.С. Роговина широко обсуждаются в последние годы его учениками и последователями. Именно поэтому в настоящей статье мы ограничились лишь перечислением достижений выдающегося ученого в области психологической науки. Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть личность и научное творчество М.С. Роговина с другого ракурса - с позиции оценки

его деятельности глазами ученика, известного отечественного методолога, историка, теоретика психологии - заведующего кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, доктора психологических наук, профессора Владимира Александровича Мазилова. Интервью было взято 23 августа 2021 г. за несколько месяцев до празднования столетнего юбилея М.С. Роговина. Интервью взял Ю.Н. Слепко, доцент кафедры общей и социальной психологии, декан педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Ю.С.: Владимир Александрович, в последние годы публикуются материалы о жизни, научной деятельности Михаила Семеновича Роговина, раскрывающие с разных сторон его жизненный и творческий путь. В связи с этим хотелось бы задать первый, вводный вопрос - как Вам представляется назначение данного интервью, кому оно может быть адресовано?

В.А.: Можно вспомнить для начала саму историю юбилеев. «Юбилей [позднелат. *jubilaeus*, от др. евр. йобель – юбилейный год (каждые 50 лет)], торжественно отмечаемая годовщина знаменательного события, жизни или деятельности какого-либо лица, существования учреждения, предприятия, организации и т.д.; празднество по этому поводу» – сообщает Большая советская энциклопедия. У древних евреев йобель – бараний рог и музыкальный инструмент, в который трубили левиты, оглашая наступление великого праздника. Почему юбилей многими ожидался с нетерпением? Пятикнижие предписывало в обязательном порядке прощать долги, ростовщики должны были возвращать то, что было дано в залог, происходило освобождение из долгового рабства. Йобель наступал именно через каждые 50 лет. Число пятьдесят получалось следующим образом: «магическое» число семь (каждый седьмой год именовался субботним), пятьдесят – это семь субботних лет и еще один год. Римляне восприняли идею юбилеев, но поначалу отнеслись к трактовке юбилея как

пятидесятилетия либерально, считая юбилеями и другие даты. Возвращение к классическому ветхозаветному темпоральному стандарту произошло в средние века при весьма поучительных обстоятельствах. В 1300 году папа Бонифаций VIII объявил, что полную индульгенцию можно получить в результате паломничества в Рим, сопровождавшего целым рядом условий. Причем можно было это осуществить только в 1300 году, следующая дата полного отпущения грехов, согласно папскому указу, наступит ровно через сто лет. Конечно, многие не успели в 1300 году это осуществить, а кто не успел, тот, как известно, опоздал. Фактически навсегда. Поэтому не удивительно, что в 1343 году делегация горожан обратилась уже к следующему Папе Римскому Клименту VI с просьбой изменить сроки, сделать их меньше. Таким образом была восстановлена классическая пятидесятилетняя трактовка. Исторический экскурс понадобился для того, чтобы показать: пятьдесят лет – человекоразмерный юбилей. Столетний - уже почти вечность. Однако, вернемся к юбилею Михаила Семеновича Роговина.

Мне кажется, что здесь есть два существенных момента. Первый является в некотором роде внешним и связанным с тем, что приближается столетний юбилей М.С. Роговина, а это совершенно особая ситуация, которую необходимо пояснить. 100 лет – это величина, которая превосходит продолжительность человеческой жизни. Поэтому столетний юбилей, как правило, отмечается тогда, когда юбиляра среди живущих уже нет. Следовательно, в этой ситуации уходит то, что обычно называют «законными преувеличениями» в отношении юбилея человека, еще живущего. И в числе этих многих поздравлений и текстов появляются вещи, которые по понятным причинам несколько преувеличивают заслуги юбиляра. Но 100 лет – это такой срок, когда становится ясно, что вклад человека в ту или иную сферу деятельности существует и он достаточно велик. В большинстве случаев это является констатацией того, что для своего времени исследования юбиляра были актуальными и значимыми, в связи с чем у него заслуги перед тем временем

есть и они очевидны. Другой случай, более редкий, который состоит в том, что какие-то идеи, выдвинутые в свое время юбиляром, оказываются актуальными в наше время. И вот здесь появляется возможность сказать о нем, что он опередил свое время и высказал когда-то действительно важное. И третий – уже редчайший случай – состоит в том, что человек настолько опередил свое время, что сформулированные юбиляром идеи только сейчас становятся понятными научному сообществу, и мы можем сказать, что эта степень опережения очень велика. С моей точки зрения последнее в полной мере связано с деятельностью М.С. Роговина, поэтому его столетний юбилей очень знаменателен и значим. Это первое, что хотелось бы сказать.

Второе – безотносительно к юбилею. Мне кажется, что им были сделаны очень важные открытия, значение которых еще не может быть полностью осознано и освоено современной психологической наукой. Ис моей точки зрения высоковероятно, что ссылок на его публикации будет все больше, многие работы, которые труднодоступны, будут перепечатываться и публиковаться. Поэтому назначением данного интервью мне видится попытка обратить внимание уважаемых коллег на некоторые идеи Михаила Семеновича.

Ю.С.: Спасибо. Следующий вопрос касается статуса М.С. Роговина как ученого в отечественной психологии. Судя по его работам, а также оценкам учеников и коллег, Михаил Семенович входит в число ведущих методологов, теоретиков, как минимум, российской психологии. Между тем, как мне представляется, его имя не так «раскручено», как имена, например, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. Насколько справедливо такое утверждение, и если да, то с чем это может быть связано?

В.М.: Вы задали, конечно, очень сложный вопрос, и ответить на него не просто. Действительно, необходимо признать, что при жизни Михаил Семенович не имел высоких должностей,

титулов и званий, не имел престижных премий, не был членом Академии наук или членом Академии педагогических наук. Но вместе с тем, мне кажется, что его имя было очень авторитетным для большого количества людей. Если им попадался текст, подписанный его именем, а публиковался он в самых разных изданиях - Вопросах философии, в Журнале невропатологии и психиатрии, в других изданиях, он вызывал повышенное внимание. В этом тексте всегда содержались какие-то новые мысли и конструктивные идеи. Во многих его публикациях были представлены работы таких зарубежных исследователей, которые русскоязычному читателю в то время были не известны или малоизвестны. Тексты Михаила Семеновича отличались от работ его современников тем, что они были посвящены не принятой тогда «зубодробительной критике», выявляющей идеологические и классовые корни заблуждений, к которым пришел автор. В его текстах было достаточно объективное, лишенное идеологии обсуждение идей, которые предлагались зарубежными авторами. И именно в этом отношении его заслуга очень велика.

Вообще мне очень трудно судить о популярности того или иного имени. В условиях советской действительности в области методологии в первую очередь цитировались имена тех исследователей, которые занимали ведущие и руководящие посты в психологическом сообществе. Я имею ввиду руководителей факультетов психологии, президентов общества психологов и так далее. И поскольку Михаил Семенович не занимал каких-то ответственных постов, он находился в тени по сравнению с другими авторами.

Вместе с тем, готов утверждать, что его вклад в психологическую науку уникален и в известном смысле я бы хотел подчеркнуть близость идей Михаила Семеновича идеям С.Л. Рубинштейна. Это два человека, которые лично у меня вызывают глубочайшее уважение и восхищение. Речь о том, что Сергей Леонидович, естественно раньше по жизни, и относясь к другому поколению, как ни удивительно, оставался

сторонником развития именно мировой психологической науки и принимал за это на себя ответственность. Достаточно прочесть опубликованную им в 1940 г. работу «Философские корни экспериментальной психологии» и будет понятно, что развитие психологии и выделение ее из философии прослеживается с 16-17 вв., что этот процесс еще не завершен, а в качестве заключения С.Л. Рубинштейн говорит о том, что для этого, то есть для становления психологии как самостоятельной и независимой науки, необходимо сделать. Он предлагает три условия, первым из которых является разработка новой методологии, вторым - разработка на этой основе системы психологии. То есть психологическое знание необходимо представить как непротиворечивую систему. И третьим условием является создание методик, соответствующих этой методологии. По Рубинштейну, эта проблема не была решена в 1940 год, и надо полагать, она не решена и поныне. И вот среди многочисленных советских психологов, кроме Рубинштейна эту точку зрения разделял и М.С. Роговин, который на первых страницах своей докторской диссертации [Роговин, 1968] или же на первых страницах «Введения в психологию» [Роговин, 1969] сформулировал те же самые положения - психология не стала еще самостоятельной наукой вопреки утверждениям о том, что это произошло во второй половине 19 века; психология еще не решила задач, которые она должна была решить как самостоятельная наука; и как рекомендация - что в сложившихся условиях необходимо делать. В итоге как Рубинштейн в 1940 г., так и Михаил Семенович в 1968 г. представили свои результаты и рецепты. Другое дело, что подавляющее большинство решило их не слушать или не заметить.

Ну и наконец, формулирую более отчетливо ответ на Ваш вопрос, я должен сказать, что, если Вы имели в виду, что имя М.С. Роговина цитируется в психологических работах не так часто, как оно того заслуживает, я с Вами охотно соглашусь - да, это так. Он недооценен, и такого рода недооценки

в нашей психологии очень и очень широко распространены. В качестве другого примера хотел был сказать, что совершенно недооценены работы А.А. Ухтомского, незаслуженно мало цитируются работы Л.М. Веккера и многих других. Но это уже другая тема.

Ю.С.: Владимир Александрович, мы сегодня говорим о Михаиле Семеновиче не только потому, что он является выдающимся отечественным ученым, но и потому, что имеет прямое отношение к первым годам жизни факультета психологии в Ярославском государственном университете. Здесь он с 1973 г. проработал достаточно долго. В связи с этим вопрос - как такой крупный ученый в области психологии оказался в Ярославле, а не, например, в более привлекательных с точки зрения обывателя Московских или Ленинградских вузах?

В.М.: Вопрос тоже не простой и, как мне кажется, здесь необходимо начинать с того, что воссозданный в 1970 г. Ярославский государственный университет делал свои первые шаги. Что это значит? По каждому направлению и специальности ситуация с каждым годом усложняется - появляется первый, второй, третий курс, учебные планы требуют преподавания специальных научных дисциплин, которые могут вести только очень квалифицированные люди. Очевидно, что открытый два года назад университет испытывал острую потребность в кадрах, которая, с одной стороны, была частично возмещена десантом из педагогического института. Но, безусловно, требовалась и внешняя поддержка по восполнению кадров. И очень важно, что в 1973 г. в Ярославле начали появляться представители других научных школ, одним из которых и был М.С. Роговин. И здесь Ярославскому университету очень сильно повезло, потому что Михаил Семенович в это время остался без работы в вузе. Как мы помним, в мае 1968 г. он защитил докторскую диссертацию, а до этого и после этого он в течение пары лет работал в МГПИ на кафедре психологии.

Несмотря на достаточно скромное название диссертации, в ней содержался призыв к реформированию психологии, и, как мне представляется, ему стало тесно в тех рамках, в которых работала кафедра психологии педагогического института. Ему была нужна свобода, возможность делать то, что он считал нужным. Поэтому он и ушел с этой кафедры и в течение некоторого времени был без работы. Вот здесь как раз и создался счастливый случай - для всего Ярославского университета была общей ситуация нехватки кадров. И на факультет физики поступил профессор-москвич, который работал вахтовым методом, приезжая на две недели в течение месяца. Он в разговоре с ректором Л.В. Сретенским и упомянул, что у него есть хороший знакомый психолог - доктор наук, который сейчас без работы. В итоге и ректора, и факультет это заинтересовало, в результате чего Михаил Семенович стал вторым после В.С. Филатова профессором на факультете психологии.

Ю.С.: Правильно ли я понимаю, что работа Михаила Семеновича не ограничивалась преподаванием, и он реализовал себя в Ярославле как ученый?

В.М.: Здесь я должен сказать, что значение М.С. Роговина для развития Ярославской психологической школы чрезвычайно велико, в принципе переоценить его нельзя. Он идеально вписался в традиции Ярославской школы, так же, как и ярославцы, старался разрабатывать такую психологию, которую можно было использовать на практике. Его идеи соответствовали базовым принципам ярославского подхода. Убедительно показал - а по возрасту он был самым старшим из профессоров (если не считать В.С. Филатова) - что можно успешно работать в психологии, будучи совсем свободным от идеологии. Можно не разделять догм, которые довлеют над подавляющим большинством коллег. Более того, об этом можно писать и это можно публиковать. Эта свобода открывала совершенно новые перспективы для научного

исследования. Это было вдохновляющим примером, особенно для начинающих психологов.

М.С. Роговин и его ученики, в первую очередь, Л.П. Урванцев, так же переехавший в Ярославль после защиты кандидатской диссертации, начали первыми осваивать новую проблематику, которой в Ярославле практически не было. Речь идет о медицинской психологии. Привлекли к сотрудничеству врачей и ученых из Ярославского медицинского института, причем не только психиатров. У представителей соматической медицины, как оказалось, существует огромная потребность в ориентированном на практику психологическом знании. Оно было востребовано и с энтузиазмом использовалось.

Новая проблематика появилась для школы и в том, что раньше историков и философов психологии в Ярославле просто не было, люди занимались изучением конкретных вопросов. Михаил Семенович привнес мировую психологическую культуру, которая жадно воспринималась, особенно научной молодежью.

Его идеи системности применительно именно к психике имели огромное значение, поскольку позволили избежать недостатков, свойственных многочисленному отряду системщиков, которые ранее изучали технические или экономические системы и смело делали заключения по аналогии, перенося закономерности на психологию. Идеи Роговина оказались чрезвычайно продуктивными, повлияли на многих молодых психологов.

Ю.С.: Судя по работам М.С. Роговина, он внес значительный вклад во множество областей психологического знания и не только - военную психологию, медицинскую психологию, историю психологии, философию психологии, методологию психологии, патопсихологию и многие другие. На Ваш взгляд, с чем связана такая многогранность его научной деятельности, что лежит в основе множества полученных им результатов? И в дополнение - что вообще лежит в основе научного творчества

ученого, приходящего к таким многочисленным результатам деятельности?

В.М.: На такой вопрос ответить очень непросто, и приходится в очередной раз посетовать, что в тех многочисленных беседах, которые у меня состоялись с Михаилом Семеновичем, я не догадался или не посмел задать те или иные вопросы. И было бы намного яснее, почему так складывался его путь. Поэтому могу лишь предположительно высказать некоторые соображения.

Мы достоверно знаем, что благодаря семье и семейному воспитанию он интересовался и философией, и культурой, и языками. Но перед войной он все-таки поступил на мехмат МГУ - это достаточно серьезная организация, с которой в значительной степени связан прогресс в самых передовых разделах науки. Непонятно, как бы дальше сложилась его судьба, но завершить свое образование по выбранному профилю ему не удалось, поскольку началась война, в которой Михаил Семенович принял деятельное участие. И дальше – я этого точно не знаю, - но можно сделать ряд предположений. Первое - он хорошо понимал, что прошли лучшие четыре года его молодости и восстановить то, чем он занимался в МГУ, было довольно проблематично. И думаю, он пошел по той линии, которая представлялась ему наиболее простой - поскольку он служил в армии и хорошо знал иностранные языки, после войны поступил в военный институт иностранных языков. И второй момент. Необходимо делать поправку на то, что вероятно это было проще сделать по житейским обстоятельствам - Михаил Семенович был сыном отца, который был репрессирован в 1938 г. А сыну «врага народа» можно было поступать не в каждое высшее учебное заведение.

Учился в военном институте он достаточно легко, окончив вуз по двум отделениям, после чего поступил в аспирантуру к Владимиру Алексеевичу Артемову - замечательному отечественному психологу и человеку достаточно широких взглядов. Ему досталась потрясающей широты тема - проблема

понимания, в которую входила и проблема понимания в философии, в науке. Это, по сути, весь слой европейской культуры - от античности до нашего времени. И поскольку Михаил Семенович в психологии был самоучкой, систематического образования у него не было, работая над диссертацией, он имел возможность знакомиться с оригинальными работами европейских ученых. В результате этой работы сложилось его понимание психологии, его психологическое мировоззрение. И одно из важнейших открытий, которое он сделал для себя, это то, что для понимания психики человека важнее всего не экспериментирование, а изучение психических нарушений, болезней. Последние являются тоже экспериментом, но ставит его сама природа, которая подсказывает нам функционирование того или иного механизма, который в случае болезни нарушился. В этой связи Михаилу Семеновичу показалась очень важной представленная во французской психологии 19 века линия Ипполита Тэна, Теодюля Рибо и т.д., которую он начал использовать в своей работе.

Здесь еще один случай, когда мы можем восхититься его настойчивостью и целеустремленностью. У него, конечно, не было медицинского образования. Учитывая, что человек не молодой, прошедший войну, он стал профессиональным психиатром, медицинским психологом за счет самообразования и участия в тех разборах, которые устраивались в московском Институте психиатрии АМН СССР. Он обрел такую квалификацию, за счет которой его работы, посвященные психиатрическому диагнозу, другим вопросам психопатологии и т.д., печатались и имели высокий авторитет. Это и есть пример того, откуда берется широта научных интересов и взглядов ученого.

Ю.С.: Следующий вопрос хотелось бы задать в контексте тех публикаций о М.С. Роговине, в которых Вы формулируете идеи, согласно которым он может быть охарактеризован как философ психологии [Мазиллов, 2011], методолог психологии

[Мазилов, 2006], историк психологии [Мазилов, 2021]. Говоря о историко-психологических исследованиях Михаила Семеновича, Вы обращаете внимание на ряд его оригинальных идей, которые свидетельствуют о кризисе современной автору психологической науки. Так, например, Вы пишете, что одной из опасностей для психологии является то, что «психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» [Мазилов, 2021, с. 56]. В оригинале - в работе «Введение в психологию» М.С. Роговина дает более развернутую характеристику этой идеи: «В специализации и дифференциации областей психологического исследования, в усиленном культивировании экспериментального метода, в том стиле научного исследования, когда психолог “думает вместе с аппаратом”, короче говоря, в отрыве от действительно психологической теории скрыта еще одна того же сорта, но куда более коварная опасность: психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением. Каким диссонансом это не звучало бы в настоящее время, когда использование экспериментального метода представляется чуть ли не единственным критерием научности, он сам по себе дает мало повода для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [Роговин, 1969, с. 6-7]». Попрошу Вас пояснить эту мысль М.С. Роговина, а также то, насколько формулируемая им проблема актуальна для современной психологии.

В.М.: Прежде всего позвольте сделать небольшой комментарий. Эта фраза как раз относится не к истории психологии, как таковой, и даже не к методологии. Она фиксирует следствия того, что мы недостаточно хорошо понимаем механизмы истории психологии. Как мне кажется, важнейшая идея М.С. Роговина состоит в том, что историю

психологии необходимо понимать как развитие одновременно происходящих линий - донаучной психологии, философской психологии и научной психологии. Начиная с 6 века до нашей эры между ними происходят очень сложные взаимовлияния и взаимодействия, когда философская психология дополнила донаучную. И эти взаимодействия характерны и для настоящего времени.

Процитированная Вами фраза очень важна. Она показывает существенную ошибку, которую мы часто совершаем в отношении по сути всех психологических понятий, являющихся строительными лесами, накладываемыми на изучаемую нами сущность. Эти понятия не стоит отождествлять с последней, всегда необходимо давать себе отчет в том, что в изучаемом связано с используемыми понятиями, а что характеризует непосредственно изучаемый нами объект. И достаточно хорошо обнаруживаются примеры повсеместного распространения этой ошибки - многим кажется, что если мы берем, например, многофакторный опросник личности, то изучаем психические качества человека, организованные в соответствии с названиями шкал этого опросника. И в человеке где-то есть, например, Q1, Q2, Q3 и так далее. Хотя понятно, что на самом деле это вряд ли так. Психолога здесь подстерегает множество опасностей, и это одна из тех, которые были М.С. Роговиным зафиксированы.

Ю.С.: Предлагаю дальше перейти к одному из наиболее значимых результатов методологических исследований М.С. Роговина, а именно к разработанному им структурно-уровневому подходу к изучению предмета психолога. Здесь хотелось бы задать ряд вопросов. Во-первых, этот подход позволяет особым образом объяснять функционирование и развитие психического. Чему он противостоит, чем принципиально отличается от конкурирующих подходов? Во-вторых, почему структурно-уровневый подход приближает нас к более целостному пониманию психики?

В.М.: На мой взгляд предложенный М.С. Роговиным структурно-уровневый подход, получивший развитие в работах его учеников, является результатом его исследований, и он находит свое подтверждение в истории психологии. Идея уровней связывалась Михаилом Семеновичем с работами английского невролога Хьюлингса Джексона, который у нас не очень известен. Но он очень ярко еще в 19 веке показал, что все функции имеют вертикальную структуру, и одна и та же функция представлена на разных уровнях. Например, на одном она представлена на уровне спинного мозга, затем она представлена на более высоком уровне и так до коры больших полушарий, где находится верхний центр. И, соответственно, эта идея уровня многообещающая. Более того, очень важным для него моментом явилась теория его любимого автора - французского психолога Пьера Жана. С моей точки зрения последнему в истории психологии сильно не повезло, потому что многие высказанные им идеи были заимствованы разными учеными и пристроены для украшения своих концепций. Для Михаила Семеновича было крайне важно, что Жане показал, как в результате естественного процесса развития складывается уровневая структура сложного социального поведения человека. Важно, что в построенной Жане уровневой структуре уровни находились на своем законном месте и поэтому каждое психологическое понятие не выходило за свои рамки, не становясь тем самым неадекватным обобщением.

Возвращаясь теперь к идее Михаила Семеновича, может показаться, что это очень похоже на ставший популярным в 70-е годы в Советском Союзе системный подход. Между тем, необходимо обратить внимание на отличие от него подхода М.С. Роговина. В качестве систем понимались либо технические, либо биологические системы. А предлагавшаяся М.С. Роговиным система включала в себя намного больше отличающихся друг от друга компонентов, имеющих разную историю происхождения. И это позволяло не относиться легкомысленно к элементам системы психики, которые не

являются рядоположенными. В этом смысле структурно-уровневый подход сохраняет и сегодня свою актуальность и перспективность.

Ю.С.: Владимир Александрович, интегрируя в нашем разговоре идеи Михаила Семеновича, хотелось бы все же обратить внимание на перспективы развития структурно-уровневого подхода, который, как и многие другие, является лишь одним из вариантов понятийного опредмечивания объекта исследования. На Ваш взгляд, развитие методологии психологии приведет к совершенствованию структурно-уровневого подхода или появлению какого-то супер-подхода, качественно отличающегося от первого?

В.М.: Я убежден, что структурно-уровневый подход, как и его разновидность, получившая название акционального подхода, являются метками, имеющими чисто историческое значение. В очень глубоком и обстоятельном исследовании Эрика Григорьевича Юдина, посвященном обоснованию системного подхода, есть несколько примеров его успешной реализации. Все они относились к далеким от психологии областям - социологии, экологии, биологии и т.д. И это неспроста, так как найти адекватное описание сложности психического мира очень трудно. Поэтому и структурно-уровневый подход не должен вводить нас в заблуждение, так как мы хорошо понимаем, что допустимы другие виды и формы анализа, в том числе и функциональный, и процессуальный и другие. Ввиду этого здесь стоит обращать внимание не на формулировки, а на то, что этот подход является инструментом, позволяющим понять больше, чем предлагалось ранее в других подходах.

Ю.С.: При подготовке к интервью я использовал в том числе и Ваши публикации, посвященные Михаилу Семеновичу. Это были публикации о его методологических, историко-психологических исследованиях. В особенности же мне стала интересной работа, в которой раскрывается деятельность

М.С. Роговина как философа психологии [Мазилев, 2011], автора оригинальной философии психологической науки. В связи с этим у меня к Вам два вопроса - какое место философия психологии занимает среди множества других разделов психологии, а также зачем нужна философия психологии, если есть философия как отдельная научная дисциплина, обслуживающая другие научные дисциплины?

В.М.: На этот вопрос, на мой взгляд, целесообразнее отвечать с конца. Было бы замечательно, если бы философия действительно это делала. И если бы была философия психологии как часть философии, которая бы объяснила психологам, как они должны изучать свою реальность, как они ее должны рассматривать, какие должны быть правила и так далее - все бы стояло на своих местах. К сожалению, есть лишь незначительное число философов, которые проявляют интерес к психологии, за что им необходимо выразить слова благодарности. Однако и это не позволяет говорить о наличии в современной философии работ, посвященных психологической проблематике.

Если мы вспомним, какой была философия диалектического и исторического материализма, мы вполне можем вывести, какой является психология в ее понимании, как мы должны ее изучать и так далее. Напомню, здесь психика рассматривается как вторичная по отношению к бытию; психика и сознание - это отражение действительности, взаимодействие материальных систем, в процессе этого взаимодействия и появляется психика как отражение. Психическое существует как процесс. Добавление (более позднее) – что психическое может существовать и как результат, не проясняет картины, а наоборот ее запутывает. Впрочем, это отдельная тема, которую стоит обсуждать специально. Фактически психическое здесь лишается статуса постоянного существования, то есть своей онтологичности. На основе этого в психологии были разработаны соответствующие принципы изучения психического, которые не были лишены противоречивости.

Например, один из наиболее поздних принципов - принцип личностного подхода, который формулировал К.К. Платонов, уже входил в противоречие с базовым пониманием психического. Поэтому молчаливое признание и понимание психического в советской психологии на основе философии диалектического и исторического материализма позволяет говорить о наличии такой общности как советская психология. Жизнь, конечно же, показала, что реальные возможности «прикладного» использования результатов такого понимания психического невелики. Ненаписанная глава истории отечественной психологии могла бы быть посвящена тому, как талантливые отечественные психологи находили возможность выйти за пределы таких ограничений, заданных и продиктованных идеологией.

Между тем, еще раз подчеркну, что философия психологии очень необходима. И если философы науки сейчас не занимаются проблемами рефлексии науки психологии, то этим должны заниматься сами психологи - оценивать, в каком направлении идет развитие психологии, что для этого необходимо делать, как преодолевать возникающие сложности и так далее. И вот на мой взгляд М.С. Роговин как раз и был одним из таких немногих философов психологии, который не вступал в дискуссии с диалектико-материалистической философией, а создал свою философию психологии. Она позволила ему создать собственный мир психологических исследований и получить те результаты, о которых мы сегодня уже неоднократно упоминали.

Ю.С.: Спасибо. Но все же позвольте чуть более подробнее прояснить одну интересную идею, высказанную М.С. Роговиным относительно философии психологии. Характеризуя его философию психологии, Вы, в частности, пишете, что «знание историческое представляет собой единство знания предметного и знания методологического».

Не могли бы Вы на каком-либо примере пояснить эту идею и то, какое отношение она имеет к психологической науке?

В.М.: С моей точки зрения этот тезис имеет самое прямое отношение к ней. Он нам объясняет именно те или иные возможности самой психологии, а идея, высказанная М.С. Роговиным, очень глубокая и яркая. Пока у нас отсутствуют методы и методология психологии, мы только ограниченно понимаем ее предметное содержание. Появление же методов, особенно хороших, позволяет нам рассчитывать на прогресс в понимании тех или иных составляющих предметного содержания науки. Например, мы все хорошо знаем, что человек – это не только сознательное существо, но имеет еще и неосознаваемый уровень психической деятельности. Поэтому популярные методы исследования, связанные с опросом испытуемого, имеют ограниченную ценность. Значимым шагом в этом отношении стало изобретение метода свободных ассоциаций. Это как раз и позволяет нам увидеть, как развитие метода позволило ему стать более универсальным инструментом. Далее можно упомянуть исследования Чарльза Осгуда, а также уже современные психосемантические методы, поддерживаемые компьютерной техникой. Таким образом развитие нашего представления о предметном содержании связано с развитием метода и методики исследования.

Ю.С.: Благодарю Вас за внесенную ясность. Далее позвольте задать чуть более широкий и общий вопрос. В одной из своих статей Вы пишете, что М.С. Роговин является «настоящим человеком науки в точном смысле этого слова». Поясните, что Вы имеете в виду?

В.М.: Спасибо, это важный вопрос. Для того, чтобы на него ответить, я воспользуюсь рассуждениями замечательного отечественного ученого, методолога Г.П. Щедровицкого. В книге «Я всегда был идеалистом...» [Щедровицкий, 2012] автор сам себе задает этот вопрос и на него отвечает: «Я пришел в каком-то смысле к очень печальному выводу: мне в общем-то не

повезло на встречи с подлинными людьми науки. Подлинных людей науки, чья личная жизнь сливается в принципе с жизнью науки, с исследовательской деятельностью, - таких людей в моей жизни было всего несколько: если пять, то это хорошо. Я сейчас говорю о людях старшего поколения, о тех, у кого мы все учились. К числу таких людей я отношу Петра Алексеевича Шеварёва: он безусловно оказал на меня очень большое влияние в чисто личностном, человеческом плане. Я отнес бы к таким людям и Николая Федоровича Добрынина. По моему внутреннему ощущению, к ним относился и Сергей Леонидович Рубинштейн, с которым я встречался лишь несколько раз. Ну вот, наверное, и все. Во всяком случае - из мира психологии. А все остальные жили в общем-то не жизнью науки; она, конечно, существовала для них, но была второстепенной. Я уже сказал, что, по-видимому, только настоящие, подлинные ученые живут так, что каждое их действие, каждый поступок, каждая мысль действительно погружены в мир идей. А остальные живут вокруг науки - по законам социальных отношений, социальных взаимодействий, по законам политики, и, собственно говоря, именно это я и наблюдал постоянно» [Щедровицкий, 2012, с. 10-11].

И чуть дальше в книге Г.П. Щедровицкий продолжает: «Большой ученый никогда не жертвует научной истиной (не надо бояться этих громких слов) ради каких-то там конкретных ситуаций. Наоборот, проходя через них, он все время думает об одном: как в сложившихся ситуациях сохранить и прояснить эту самую научную истину. И вот таких людей, повторяю еще раз, я встретил в мире психологии очень мало, невероятно мало. Все остальные подчинили научный поиск, научное исследование коммунальным, социальным, политическим ситуациям и, практически, в очень многих и многих случаях только делали вид, что их интересуют научные идеи, научные истины, а на самом деле занимались мелкой политикой, политиканством. И многие настолько входили в эту роль, что начинали получать удовольствие от самой имитации науки,

связав ее с политической жизнью, с ее ситуационными, чисто конъюнктурными изменениями. Поэтому-то мне в глаза бросался чисто комический, крайне гротескный, пародийный даже (наверное, так точнее) характер их действий, поступков, суждений, оценок. И вот так вглядываясь ретроспективно в открывающуюся панораму, я (еще раз повторяю) с некоторым удивлением для себя вдруг увидел, что в памяти моей сохраняются, вызывают определенное эмоциональное отношение лишь эти анекдотические эпизоды, или стороны, которые для меня и есть характеристика смысла многого из того, что происходило, если - еще раз говорю - отвлечься от мира идей» [Щедровицкий, 2012, с. 11-12].

Вот безусловно к этому числу настоящих людей науки может быть отнесен Михаил Семенович. Он жил наукой, она для него была все. Перед отпуском он предвкушал, как сядет за машинку и будет писать новую книгу. Это для него было главное. Например, он огорчался, если в поезде обстоятельства мешали ему поработать с новой книгой. Работать мог в любых условиях, благо кроме «карандаша и бумаги» ничего не было нужно. И конечно, ничто не могло его заставить писать то, что он считал конъюнктурным. Поэтому не состоялась мечта его жизни - написать историю психологии. Он знал, что никто этого не напечатает, а писать «в стол» - такую роскошь он не мог себе позволить, поскольку считал, что он должен осуществить свою миссию. Он, как и С.Л. Рубинштейн, принял «на себя» ответственность за мировую психологию и делал все, что в его силах, чтобы помочь ей справиться с трудностями развития. Он хорошо понимал, что он видит дальше и больше коллег-современников. Но никогда этого не показывал – ни словом, ни взглядом. Был человеком очень скромным, но с чувством собственного достоинства.

Ю.С.: Мы много сегодня сказали о научной деятельности Михаила Семеновича, но не меньше осталось пока не озвученным. Тем не менее, хотелось бы повернуть наше

интервью в сторону его жизнеописания. Судя по доступным нам публикациям о М.С. Роговине, они в значительной степени посвящены ярославскому и доярославскому периоду его жизни. Ввиду этого не могли бы Вы пролить свет на то, с чем был связан его уход из университета и чем он занимался после этого?

В.М.: Здесь, к сожалению, мы должны коснуться довольно грустной темы. Для начала еще раз подчеркну, что Михаил Семенович очень ценил свою работу в Ярославле - она доставляла ему необходимую свободу творчества; на факультете он был любимым профессором, у него было много студентов, пишущих курсовые и дипломные работы, было немало аспирантов и соискателей, учеников. В известном смысле для него самого и для факультета его вынужденный уход стал трагичным. Ситуация ухода была очень простой и по-человечески понятной - его супруга Александра попала в автомобильную аварию и ей требовался уход. Михаил Семенович просил, чтобы ему поменяли сроки повышения квалификации, которые попали как раз на эту ситуацию. Но университет не пошел на встречу, ввиду чего он и вынужден был написать заявление об уходе. В итоге он оказался в Московском государственном лингвистическом университете, бывшем Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза. В нем они провел свои последние годы.

Что касается научной работы, переход в новый институт кардинально не изменил его интересы. В этом плане, к сожалению, пока не удалось разыскать работу, опубликованную им, вероятнее всего, в последний год. Речь идет о малотиражном издании лингвистического университета, посвященном психологическому исследованию проблемы акциональных наук. Также необходимо сказать и о недописанных им основах лингвистической психологии, книге, которая была, во-первых, данью новому месту работы. Также это было своего рода переосмыслением первой психологической работы, посвященной психологии понимания.

Ю.С.: Владимир Александрович, в начале интервью мы обещали читателю рассказать о личности Михаила Семеновича. Вы провели с ним немало разговоров и бесед на самые разные темы, достаточно хорошо знаете его. Могли бы рассказать, каким он был человеком, что его отличало от других?

В.М.: Вопрос замечательный. Хорошо помню самое первое впечатление. Невысокого роста, крепкий, с короткой стрижкой, седины не заметно. Очень обаятельный, располагающий к себе и доброжелательный, с немного прищуренными глазами, из-за чего улыбка выглядела какой-то не то, чтобы хитровой, не то, чтобы была усмешкой (в том числе и над собой), но вносила в общий облик неповторимость и уникальность. Вот я сейчас это сказал и понимаю, что не точно выразился. В этой улыбке и расположении к собеседнику, и добродушие... Главное впечатление, конечно, глаза. Всегда прищуренные, поэтому впечатление мудрости возникало, ясно становилось, что человек понимает очень многое. Наверное, правильное всего интерпретировать как знак понимания им сложности мира и бесконечности познания: «Да, так оно, конечно, верно, хотя можно взглянуть на это дело и несколько глубже». Сама личность М.С. Роговина устойчиво ассоциировалась у меня с образом философа-стоика. Он был очень глубоким человеком, очень многое понимающим, но никогда не проявлявшим снисходительности даже по отношению к студенту, даже нерадивому, всегда разговаривал на равных.

Мне приходилось о нем писать не так давно, я статью назвал «Человек, который знал все». Михаил Семенович представлял собой уникальную личность - он знал практически все о психологах, философах, теориях, событиях. Очень легко вносил ясность в самые запутанные вопросы. У него была прекрасная память, великолепно структурированная. Если добавить, что жили мы тогда (речь про начало 1970-х) в эпоху жуткого информационного дефицита, об очень многом прочесть было просто негде. Настоящая «ходячая энциклопедия». Эрудиция

и кругозор не имели границ, распространялись на философию, литературу, искусство, медицину, биологию, историю...

Человек с потрясающим чувством юмора, включая и английский юмор, при всей его специфике. Любитель и прекрасный рассказчик анекдотов и историй, которых помнил невероятное количество...

Был рассказчиком от Бога. Любил и умел рассказывать. Был душой компании, долго молчать, кажется, просто не мог...

Ну, это так - внешнее. Теперь существенное. Всегда имел свое мнение. Никогда его не навязывал, но, если просили - высказывал. У него было абсолютно отличное от официального понимание истории развития психологии. Был человеком внутренне свободным. Даже чисто внешне - галстуков не терпел. Ничего, что стесняло бы его свободу.

Абсолютно неприхотливый. Многие помнят, часто встречали его на бульваре, бредущим в сторону общежития на проспекте Октября, где он жил в Ярославле, с авоськой, в которой виднелась бутылка кефира и французская булка – ужин профессора...

Человек скромный, без амбиций. Никогда не хотел занимать посты и должности, главное для него была возможность заниматься наукой. К учебным занятиям относился ответственно... Рассказывал просто, многое упрощал, чтобы студенты поняли. Свои идеи выражал в публикациях. Там тексты бывали и сложными, особенно статьи в «Вопросах философии», в монографиях был непростой текст. Но глубокий. Вот здесь заботы о читателе не было - *sapienti sat*. Тем не менее знал себе цену. Хорошо понимал значение того, что делает и знал, что если он не сделает – не сделает никто.

К студентам относился заботливо, уважительно. Моя однокурсница Наташа Панкова рассказывала. Приведу такой эпизод. Она писала диплом у Михаила Семеновича. Он просил ему позвонить домой в Москву, чтобы дать какие-то разъяснения. Она рассказала, что позвонила, выслушала указания. При следующей встрече в университете он

достаает трешку и вручает - за телефонные переговоры. Она отказывается брать, но шеф говорит - даже не обсуждается, еще не хватало, чтобы студенты за разговоры с профессором платили... Наташа говорила, что долго хранила эту купюру...

Не хотелось бы, впрочем, создать глянцевого образ. Профессор был обидчив, если ему казалось, что проявляют к нему недостаточно уважения... Расскажу для разрядки такой эпизод, когда чувство юмора не спасало. Два моих однокурсника отдыхали вечером в ресторане «Медведь». Это было в первый год работы Михаила Семеновича в Ярославле, когда он еще жил в гостинице и спустился в ресторан поужинать. Они оказались за одним столиком. В это время к столику подошел земляк одного из моих сокурсников. Толик Лужняк, наш староста, оценив состояние вновь подошедшего, заключил, что надо предупредить, что это уважаемый человек и «вольню» выражаться не стоит. Представил - это наш профессор М.С. Роговин. Но состояние земляка было уже тяжелым, поэтому он произнес: «На профессора не похож...». Михаил Семенович чуть не подавился бифштексом, но поинтересовался, на кого же похож... И, услышав от сильно подвыпившего товарища, что похож он на мастера производственного обучения, спешно ретировался... И присущий профессору юмор не спас... Так что был живой человек. Со своими слабостями. Но человек замечательный...

Ю.С.: Особенно все это вспоминается в год столетия со дня рождения Михаила Семеновича, ведь такой юбилей особенный.

В.М.: Конечно. Собственно говоря, через 100 лет помнят только о действительно значимых фигурах. Вот мы дожили до столетнего юбилея М.С. Роговина. Грустно, что отмечаем не так, как планировалось. Дело в том, что мы с Генрихом Владиславовичем Залевским - первым учеником М.С. Роговина - замечательным методологом и историком психологии, большим ученым, членом-корреспондентом РАО, автором известной теории фиксированных форм поведения

планировали отметить этот юбилей достаточно ярко, в том числе и на страницах превосходного научного журнала «Сибирского психологического журнала», создателем и главным редактором которого Генрих Владиславович был [Мазилов, 2021]. Собирались подготовить статьи в «Журнал невропатологии и психиатрии», в котором М.С. Роговин публиковал в советское время статьи и аналитические обзоры. Планировали конференцию, посвященную памяти М.С. Роговина, в Калининграде, где Г.В. Залевский жил и работал в последние годы. Не случилось... В январе коронавирус унес его жизнь. Так что это интервью еще и дань памяти большого ученого, ученика М.С. Роговина...

Ю.С.: Владимир Александрович, сегодня Вы выступаете в роли интервьюируемого не только потому, что хорошо знали М.С. Роговина, но и по причине близости Ваших научных интересов его методологическим, историческим, общепсихологическим исследованиям. То есть точек пересечения не мало. Ввиду этого могли бы определить Ваш статус в отношении Михаила Семеновича? Вы являетесь его учеником, коллегой, последователем?

В.М.: Здесь нельзя не обойтись без того, чтобы не вернуться в начало. Знакомство с Михаилом Семеновичем было заочным, когда в конце первого курса своего обучения в букинистическом магазине в Москве мне попала книга М.С. Роговина «Введение в психологию». Будучи уверенным в легком чтении, я оказался удивлен, так как Введение... сильно расходилось с моими представлениями, и оно было очень не похоже на те немногочисленные руководства, с которыми я уже успел познакомиться. И вот буквально через год с небольшим он оказался профессором университета, где мы с ним и познакомились. Это знакомство я считаю одной из самых больших удач в своей жизни, так как он с удовольствием отвечал на самые разные вопросы, с удовольствием делился своим невероятно большим багажом знаний. Это было

особенно важно для меня, так как источников информации в то время было чрезвычайно мало. Поэтому свою позицию в отношении Михаила Семеновича я определяю как позицию именно ученика. Сначала были неформальные отношения, потом начались курсы, которые он нам читал - нейропсихологию, патопсихологию, социальную гигиену и другие. Совершенно неопределимыми были практические занятия по патопсихологии на базе клинической больницы. К сожалению, была неосуществившаяся возможность писать диссертацию под его руководством, когда единственное место в заочной аспирантуре досталось заведующему кафедрой Николаю Павловичу Ерастову. Так в аспирантуре я оказался не у Михаила Семеновича, который был согласен на продолжение нашего сотрудничества, а у Н.П. Ерастова. Но М.С. Роговина считаю своим учителем, одним из своих замечательных учителей. Мне в жизни на учителей везло!

Ю.С.: Владимир Александрович, я должен выразить Вам слова глубочайшей признательности за столь интересный разговор. Надеюсь, и наш уважаемый читатель получил от Ваших ответов удовольствие.

В.М.: Хотелось бы добавить, что и вопросов, и ответов осталось множество. Поэтому надеюсь, мы продолжим наш разговор в самом ближайшем будущем.

3.3. ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МАЗИЛОВУ - 65. ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛЯРОМ

Впервые опубликовано в журнале: Ярославский психологический вестник. 2019. № 3 (45). С. 96-106.

Интервью взял Слепко Юрий Николаевич.

И.: Владимир Александрович, Вам в этом году исполняется 65 лет. Эту дату принято называть юбилеем, она является рубежной в жизни человека. Ввиду подобного статуса даты, чтобы Вы об этом сказали читателям журнала?

В.М.: Большое спасибо за поздравление. Мне кажется, что этот юбилей весьма относительный, а дата достаточно условная. Но я готов согласиться с тем, что даты важны. В связи с этим мне вспоминается высказывание Бертольда Брехта, который говорил, что ожидание какой-то даты означает наличие надежды на новую жизнь, на то, что что-то может существенно измениться, естественно, в лучшую сторону. Ну, а в случае таком, как у нас, мне кажется, что это лишний повод для каких-то реминисценций, рефлексии по поводу прожитого, ну и может быть возможность подвести какие-то промежуточные итоги.

И.: Владимир Александрович, уверен, не буду оригинален, но все же спрошу. Когда звучит Ваша фамилия, у большинства представителей научного сообщества сразу же возникает ассоциация с понятием Ученый - именно с большой буквы. Как Вы относитесь к такому лестному отнесению Вас к высокоуважаемой категории людей?

В.М.: По этому поводу мне хотелось бы сказать, что к этому слову у меня существует некоторое недоверие. Возможно на меня повлияло то, когда я в юности прочитал, что великий Лев Давидович Ландау говорил про то, что он не ученый, а научный работник. Хотя я хорошо понимаю, где Ландау, а где мы. Если

говорить серьезно, мне кажется, что ученый - это довольно редкая ситуация, и на самом деле тех людей, которых можно назвать учеными, довольно мало. Я отталкиваюсь от того, что Георгий Петрович Щедровицкий, когда его попросили назвать наиболее выдающихся ученых в области психологии (а в силу определенных причин он был знаком практически со всеми ведущими психологами в Советском Союзе), смог назвать из всего множества только трех человек. При этом он говорил, что ученым он называет того, кто целиком поглощен наукой, кто живет ее интересами, для кого это безусловно и безоговорочно главное. Поэтому я к себе этого никак применить не могу, и что касается меня, то я бы себя определил скорее как человека, который склонен размышлять о психологии и не более того.

И.: Ввиду такой позиции, кого, все-таки можно назвать учеными?

В.М.: Хорошо. Следуя определению Г.П. Щедровицкого, определению безусловно субъективному, но на мой взгляд обоснованному, он назвал три имени - Сергей Леонидович Рубинштейн, Петр Аркадьевич Шеварев и Анатолий Федорович Добрынин. Это опубликовано в книге Г.П. Щедровицкого «Я всегда был идеалистом...» [9].

И.: В продолжение этого вопроса задам еще один. Вас также часто называют известным методологом, тем более, что многие Ваши работы посвящены именно методологии науки и психологии. Как Вы относитесь к такой категоризации себя?

В.М.: Не могу не посмеяться над этим, так как здесь все достаточно просто. По изящному выражению Андрея Владиславовича Юревича за занятия методологией очень мало платят, поэтому методологией в нашей стране занимается очень ограниченный круг людей, буквально несколько человек. Поэтому известным методологом быть легко, весь состав методологического корпуса составляет не более десятка человек.

И.: Что же, развенчивать мифы и стереотипы у Вас получается не менее изящно. Тогда позвольте подойти к этой теме с другой стороны. Какие бы Вы могли выделить свои качества, характеристики, которые способствуют проведению не самых простых с точки зрения науки теоретических исследований?

В.М.: Здесь я должен Вас существенно разочаровать, поскольку никаких особых талантов у меня, увы, нет. Я вообще человек довольно ординарный и, воспользовавшись цитатой из моего любимого произведения, могу сказать, что «таких, как я, здесь легион» [1; с. 93]. Поэтому повторяюсь, что особенно примечательного во мне ничего нет, кроме того, что в молодости у меня была очень неплохая память. Это меня в разных ситуациях выручало.

Если говорить чуть более серьезно, может быть какая-то чувствительность к главному, существенному, какая-то интуиция, которая позволяет выходить на наиболее существенное в той или иной проблеме.

Раз уж мы заговорили о качествах, могу назвать те, которые мне постоянно мешали. Наверное, кому-то из молодых исследователей это будет полезно. Первым таким недостатком я бы назвал собственное невежество. Всю сознательную жизнь страдаю от недостатка знаний, постоянно сталкиваюсь с тем, что нужно было бы многое дополнительно знать. И, к сожалению, объем того, что нужно было бы знать, а ты не знаешь, нарастает.

Второй недостаток - это, скорее всего, банальная лень, стремление отложить что-то до лучших времен. И когда я смотрю на своих многоуважаемых коллег, среди которых есть образцы трудоголизма, я им по доброму завидую.

Кроме этого я бы сказал, что есть и более существенный недостаток, который Карл Густав Юнг назвал мизонеизмом. Это, по Юнгу, древний страх перед новым и неизведанным. К сожалению, много раз замечал у себя такую ситуацию, когда есть желание остановиться и не додумывать какую-то идею

до конца. Здесь видится отчетливое сопротивление в доведении мысли до ее финального результата.

Ну и наконец, это еще отсутствие внутренней дисциплины и организации. Беспорядок, который окружает мой процесс, беспорядок в компьютере, необходимость длительное время искать какой-то файл - это то, что существенно мешает. Так что рекомендую начинающим исследователям использовать порядок и во внешней, и во внутренней деятельности, так как это очень сильно облегчает работу.

И.: Выше Вы сказали, что предметная область Ваших размышлений - психология. Ввиду этого поясните, почему именно психология стала областью Ваших интересов, почему Вы выбрали именно ее, а не что-то другое?

В.М.: Для этого придется вернуться в достаточно давнее прошлое, когда школьник оказывается в девятом, начале десятого классе, перед ним встает вопрос, какой путь выбрать, куда двигаться дальше. В моем случае было много разных вариантов, в том числе и история, и математика, и другие варианты, но, наверное, сыграл свою роль случай. В 1970 г. я узнал, что впервые в Ярославском государственном университете происходит набор на специальность «Психология». Мне это показалось очень интересным, я начал этим интересоваться, и, как ни удивительно, могу сейчас вспомнить, что первой книжкой, прочитанной мною по психологии, была научно-популярная книга замечательного поэта и писателя Игоря Губермана «Чудеса и трагедии черного ящика» [2]. Она была посвящена проблемам нейропсихологии и оставила во мне некоторый след. Таким образом к моменту окончания школы у меня уже сомнений не было, и я понес свои документы в приемную комиссию.

И.: Понятно, что в то время психологии как учебного предмета в школе не было. В связи с этим помимо интереса

выпускника школы к открывавшейся новой специальности, какие учебные предметы в школе Вас особенно интересовали?

В.М.: Безусловно это математика, история, литература, биология.

И.: Задаю этот вопрос для того, чтобы понять, оказали ли названные предметы влияние на то, к чему Вы сейчас пришли в плане результатов научных исследований, в плане изучения психологии?

В.М.: Я думаю, что безусловно да, потому что в общем-то приоритетом моих интересов была история. Но я, в силу разных причин, был хорошо информирован о том, что история достаточно сильно идеологизирована, причем включая те разделы, которые достаточно далеки от идеологии. Ну, например, история Античности и Средневековья. И это, конечно, наложило довольно большой отпечаток. Но интерес к истории и историческому подходу у меня безусловно сохранился. Поэтому думаю, что это не прошло даром. Остальное же в моей жизни осталось, но скорее на уровне увлечений, хобби, того, чем мне в свободное время приятно заниматься.

И.: Когда Вы начали изучать психологию в университете, какие интересы у Вас начали формироваться, что особенно привлекало в психологии?

В.М.: Безусловно, это психология мышления, точнее, понимание того, как происходит открытие нового. Кажется, я учился на втором курсе, и в руки мне попала книжка Ксении Александровны Славской «Мысль в действии» [8]. Она мне очень понравилась, и курсовые работы, а также дипломная работа были посвящены анализу творческого мышления. Руководителем этих работ был Юрий Константинович Корнилов, который давал известную свободу, что и позволило найти свой подход к изучению процессов мышления. Мне всегда казалось, что в психологии мышления недостаточно учитывается роль

опыта человека; в частности, моя любимая на то время научная школа гештальтпсихологии тоже в недостаточной степени использовала опыт человека. Также самое можно сказать и про доминировавшую в то время в отечественной психологии теорию мышления С.Л. Рубинштейна. Мне было очень важно, что можно найти новый подход к творческому мышлению - это не просто смена аспекта анализа, нужно не просто догадаться до чего-то необычного, а в начале необходимо преодолеть заблуждение. То есть у человека есть некие препятствия, которые не позволяют ему обнаружить правильное решение задачи и таким образом для решения задачи необходимо преодоление неадекватного опыта, выход за его пределы и как итог - перестройка этого опыта.

И.: Вы сказали, что одним из поводов задуматься о поступлении на психологию была книга И. Губермана, посвященная проблемам нейропсихологии. Наверное, это признак познавательной мотивации к обучению в вузе. А когда Вы поступили на первый курс, начали знакомиться с однокурсниками, какими были мотивы их изучения психологии?

В.М.: Это была действительно уникальная ситуация. Уникальная потому, что факультет психологии в Ярославле позиционировался как факультет практической психологии в том смысле, что это была психология, которая ориентирована на производство. И в этом отношении он радикально отличался от двух существующих тогда в Московском и в Ленинградском университетах факультетах психологии, где в первую очередь была представлена академическая психология. Поэтому у нас, когда мы поступили, и во все остальные годы обучения была нацеленность на то, что мы будем работать на производстве, нужно будет повышать производительность труда за счет психологических факторов, организовывать деятельность по психологическим нормам. Поэтому такая направленность была главной и ведущей.

И.: С тех пор прошло немало времени. Но все же с кем из однокурсников Вы сохранили дружеские, профессиональные отношения?

В.М.: Я с благодарностью помню своих замечательных сокурсников, и с большей частью год назад (2018 г.), когда была круглая дата окончания факультета, мы собирались. И могу сказать, что многие мои сокурсники остались в профессии, поэтому мы с ними регулярно и с удовольствием общаемся. Это касается и тех, кто в Ярославле, в других городах. Могу назвать из моих однокурсников Нину Петровну Ансимову, с которой мы работаем много лет на одной кафедре; могу назвать Владимира Анатольевича Урываева, Наталью Алексеевну Русину - коллег из Медицинского университета; Наталию Михайловну Панкову из Санкт-Петербурга и многих, многих других. При чем те, кто не работает чисто по специальности, нашли себя в других сферах. Например, талантливейший Юрий Леонидович Котляревский работает на Одесском телевидении, и я с удовольствием смотрю его сюжеты. То есть наши однокурсники не потерялись, что и подтвердила наша встреча летом прошлого года.

И.: Если говорить о специфике обучения на факультете в то время, чтобы Вы могли особенно выделить?

В.М.: Знаете, когда мы учились на факультете психологии, там была совершенно удивительная атмосфера. Она складывалась из того, что руководители и преподаватели факультета давали полную свободу, то есть если у студента была какая-то мечта, связанная с исследованиями в области психологии, это не запрещалось, а, наоборот, стимулировалось. Например, если Валера Орел любил животных и хотел их исследовать, у него были командировки в Сухумский дельфинарий, в обезьяний заповедник; или, если Саша Панкратов со своей коллегой хотели изучать сон и сновидения, им были созданы условия, чтобы они по ночам записывали биотоки мозга; Володе Познякову было интересно, как алкоголь влияет на реакции

шофера, поэтому он проводил соответствующие исследования на факультете и т.д. То есть было ощущение, что все возможно, нет никаких границ и это ощущение интеллектуальной свободы было безграничным. Понятно, что нашим учителям было трудно, и здесь в очередной раз нужно отдать должное мудрости организаторов факультета, которые смогли создать сплав из местных кадров, привлечь к работе выпускников ведущих психологических школ - Ленинградской и Московской, привлечь к работе Михаила Семеновича Роговина, человека фантастической эрудиции и образованности. Все это позволило вести образовательный процесс на очень высоком уровне.

И.: Давайте теперь сделаем небольшой по времени шаг вперед, и обратимся к Вашей кандидатской диссертации, которая называется «Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач» [3]. Если я правильно понимаю, эта тема относится к области когнитивной психологии?

В.М.: Конечно, ее можно отнести и к когнитивной психологии, тем более, что я сейчас расскажу одну смешную, интересную ситуацию. Но вообще-то нужно сказать, что эта работа, которая выполнена скорее в классической традиции психологии мышления, которая была у нас представлена и развивалась. И меня в первую очередь интересовало решение творческих задач, почему для человека они оказываются достаточно сложными; таким образом я вышел на то понятие, которое здесь зафиксировано - ограничение области поиска. То есть это одно из проявлений базового качества человеческого мышления, которое называется селективность. Могу сказать даже больше, потому что был другой термин, который я использовал в своей дипломной работе. Он принадлежал выдающемуся психологу Джерому Брунеру, и в этом смысле Вы правы, что этот термин из первых рук создателя когнитивной психологии. И термин этот - «локация ограничений» я увидел в статье грузинского психолога Нины Левановны Элиавы со

ссылкой на Брунера. Этот термин мне показался очень удачным.

Теперь смешной эпизод. Работая над диссертацией, я написал Брунеру письмо с просьбой разрешить использовать его термин, который мне показался очень удачным. Но письмо, к сожалению, до Брунера не дошло, потому что, как я потом узнал, в то время он был в Англии и получить его не мог. Но, тем не менее, исследование этого феномена - от чего зависит локация ограничений, сужение зоны поиска, которое оказывается часто неадекватным, оказало довольно большое влияние на развитие моих исследований в этой области.

И.: Со времени защиты кандидатской диссертации прошло много времени. Однако, являются ли представленные в ней результаты по-прежнему актуальными, насколько далеко продвинулась психология мышления в решении этой проблемы?

В.М.: К моему большому сожалению решение и разработка этой проблемы существенно не продвинулись - ни в классической психологии мышления, которая находится в упадке, ни в когнитивной психологии тоже. Большим и существенным недостатком когнитивной психологии является то, что она недостаточное внимание уделяет организации опыта человека. С моей точки зрения ключом понимания и творчества, и решения сложных мыслительных задач является организация опыта человека, поскольку, как показывает и опыт научных открытий, и истории науки, открытие представляет собой не столько обнаружение какого-то нового знания, выдвижение какой-то новой идеи, сколько представляет собой преодоление заблуждения. Опыт человека навязывает ему такое видение, которое препятствует обнаружению и решению задачи; мне кажется то, что было сделано, а именно разработана классификация типов сложностей творческих задач в зависимости от того, какая именно перестройка опыта требуется решающему, до сих пор осталось не востребуемым и здесь можно видеть определенную перспективу роста.

И.: После кандидатской диссертации прошло немало времени, прежде чем Вы подошли к подготовке и, собственно, защите диссертации докторской, название которой «Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки» [5]. Проблемное поле докторской диссертации уже иное - методологическое. В связи с этим хотелось бы, чтобы Вы пояснили, какие наиболее значимые события, ситуации, факты научной жизни случились, которые подвинули Вас заняться разработкой именно этой проблемы?

В.М.: На самом деле проблематика докторской диссертации и необходимость заниматься именно этими вопросами выросли из моих предшествующих исследований, посвященных творческому мышлению. Дело в том, что когда я изучал решение творческих задач, столкнулся с тем, что исследования авторов, принадлежавших к той или иной школе и их результативность по сути предопределены. Что здесь имеется ввиду. Мне тогда показалось и я многократно проверил обоснованность своих предположений о том, что представители разных направлений использовали разные экспериментальные задачи, разные инструкции испытуемому, создавали такие условия, в которых их исходные ожидания не могли не подтвердиться. И вот такой существенный момент произвола меня в общем-то огорчал и я решил разобраться, в чем здесь дело. А как мы с Вами уже упоминали, с школьных лет я вынес, что наиболее важный и надежный способ изучения чего-то - это исторический подход в развитии. И я начал изучать, как в истории мировой психологии были связаны теория и метод, то есть как исходные представления автора влияли на те концепции, которые у него получались. Оказалось, что эта гипотеза блестяще подтверждается в том смысле, что психологическая наука в ее первых формах как раз и состояла в том, что автор высказывал определенное соображение, а потом осуществлял некоторые процедуры, которые приводили его к тому, что выводы, которые он получал, буквально соответствовали его исходным ожиданиям.

И.: Проблемы, которые разрабатывались Вами в диссертационных исследованиях, крайне важны для психологической науки, но и не менее сложны для их изучения. Ввиду этого, кого бы Вы назвали своими учителями на столь долгом пути развития себя как ученого, исследователя, психолога?

В.М.: Прежде всего хотелось бы сказать, что мне удивительно повезло в том отношении, что у нас и в университете, и в дальнейшем на жизненном пути те, кто помогал справляться с какими-то вопросами, были замечательными людьми. Говоря о этапе университета, я конечно должен в первую очередь выделить наших блистательных профессоров - Владимира Дмитриевича Шадрикова, Михаила Семеновича Роговина, Николая Павловича Ерастова. Профессоров было не так много, как теперь, но зато это были выдающиеся люди. Их масштаб, значение для нашей психологии осознал не сразу, а спустя время, потому что, как сказал поэт - «Лицом к лицу, лица не увидать». Для того, чтобы это оценить, нужно какое-то время и перспектива. Когда я только что поступил на факультет, там был всего один профессор - Василий Степанович Филатов, создатель Ярославской психологической школы. На меня большое впечатление произвели его рассказы о прошлом, как психология развивалась, откуда появилась Ярославская психологическая школа. Я бы также выделил Юрия Константиновича Корнилова, под руководством которого я писал свои курсовые и дипломную работы. О каждом из названных профессоров конечно можно написать целую книгу, а не отдельные статьи, которые мною были уже им посвящены. Это люди, которые действительно понимали развитие мировой психологической науки, и их ориентация была абсолютно бесценной, потому что их личная позиция дорогого стоила. И хочу высказать благодарность в первую очередь именно этим людям. А затем меня судьба сводила с очень интересными людьми. Очень сильно на меня повлияло то, что к нам в Ярославль приезжала Елена Юрьевна Артемьева, которая читала лекции по только зарождавшейся

тогда психосемантике. И по ее приглашению я стал часто бывать в Московском университете, и таким образом получил определенное представление о психологии в этом крупном научном психологическом центре. Мне довелось послушать в живую лекции Алексея Николаевича Леонтьева, Александра Романовича Лурии, Петра Яковлевича Гальперина, Александра Владимировича Запорожца, Блюмы Вульфовны Зейгарник, то есть тех, кто составили славу и цвет психологии в Московском университете.

Когда я готовил кандидатскую диссертацию, тоже встретился с замечательными людьми. Один оппонент был Андрей Владимирович Брушлинский, известный ученик С.Л. Рубинштейна; вторым оппонентом был Виталий Владимирович Рубцов, в будущем известный психолог и многолетний директор Психологического института в Москве. Ведущей организацией была кафедра общей психологии Московского университета, где я познакомился и подружился с Олегом Константиновичем Тихомировым, замечательным специалистом в области психологии мышления. Так что мне очень везло на хороших людей, специалистов, благодаря которым я получал что-то новое, в лице которых получил необходимую поддержку.

И.: Владимир Александрович, нередко про отношения учителей и учеников говорят, что у хорошего учителя ученики должны его превзойти. Ввиду значимости Ваших трудов, значимости результатов проведенных исследований насколько справедливо говорить о том, что в чем-то Вы приблизились к своим учителям, в чем-то их превзошли?

В.М.: Здесь много разных точек зрения. И мне кажется, очень показательна та ситуация, когда в Советский Союз приехал знаменитый физик Нильс Бор. В Институте физических проблем Академии наук он встречался с советскими физиками, выступал и отвечал на вопросы, а переводчиком был Е.М. Лифшиц, соавтор знаменитого Л.Д. Ландау по учебнику теоретической физики. В один момент возникла любопытная

ситуация. Переводя реплику Бора в ответ на вопрос, благодаря чему Копенгагенская школа достигла таких больших успехов, Бор сказал, что я никогда не стеснялся говорить о том, что мои ученики умнее меня. Но переведивший Лифшиц понял эту фразу по-другому и перевел ее как «я никогда не стеснялся сказать, что мои ученики дураки». Возникла любопытная ситуация, истина восторжествовала, Лифшиц вынужден был, переспросив Бора, поправиться; но тут ясность внес сидевший в углу знаменитый физик Петр Капица, который сказал, что ему эта оговорка кажется очень симптоматичной, поскольку она показывает различие в устройстве Копенгагенской школы и школы Ландау (подробнее о ситуации см. в [6; с. 463] - Ю.С.). Поэтому здесь ситуации могут быть самыми разными.

Мне, во-первых, хотелось бы сказать, поскольку мы говорим о Ярославской школе, что причиной ее долголетия и высокой результативности является как раз безоценочность, то есть ни руководитель, ни ученики не позволяют себе каких-то неуместных сравнений. Что касается Ярославской школы, мне представляется, что мысль о том, что достижения руководителя школы будут превзойдены его учениками, сильно не оправдывается. Дело все в том, что мне приходилось заниматься анализом исследований наших учителей, в частности, В.Д. Шадрикова и М.С. Роговина. Применительно к ним я использовал такое слово, как Титаны, что показывает экстраординарность и исключительность этого случая. Здесь мы скорее должны благодарить за то, что оказались сопричастны делам и идеям наших учителей, нежели какому-то соревнованию в уровне достижений. Мне кажется, достигнуть тех высот, которые были заданы нашими учителями, было бы само по себе выдающимся, исключительным результатом. Поэтому я не думаю, что такая идея соревнования поколений для нашей школы сколь-нибудь актуальна.

И.: За длительное время научной работы Вы написали и опубликовали достаточно большое количество работ. А могли бы Вы вспомнить, когда была написана Ваша первая работа?

В.М.: Я это хорошо помню, хоть и было 45 лет назад - в 1974 году в сборнике Ленинградского государственного университета [7]. Это была работа в соавторстве с моей однокурсницей - Натальей Алексеевной Русиной, с которой мы вместе выполняли курсовую работу по проблеме понимания текста. Тогда я не придавал этому никакого значения, поэтому в том, что эта работа состоялась, сказались настойчивость моей коллеги. Нас готовили к работе на предприятиях, поэтому перспектива каких-то литературных занятий, абстрактной научной работы казалась тогда мало вероятной.

И.: Вы и сейчас активно развиваете те проблемы, которые были обозначены в докторской диссертации, беретесь за новые темы, не только методологические, но и прикладные. При этом нередко в своих работах и в общении Вы используете идею и слова Юнга о том, что психология сегодня находится только в самом начале своего пути. Для начала поясните значение этой мысли.

В.М.: Эта мысль означает пока что следующее. Был такой замечательный русский психолог и психиатр Владимир Федорович Чиж. Описывая развитие психологии в Германии в 19 столетии, он сформулировал хороший признак того, что психология делает только первые шаги в своем развитии. Суть этого признака состоит в том, что разные исследователи предлагают свои решения, которые отрицают решения их коллег. И вот у нас такое многообразие мнений и отсутствие движения вперед. И он же сформулировал очень глубокую мысль, которую мы не часто осознаем, о том, что наука в общем-то начинается там, когда идет последовательное развитие и углубление тех или иных идей. И поскольку мы датировем появление научной психологии всего лишь полтора столетия назад, то понятно, что путь, который этой наукой пройден,

еще весьма ограничен. Но и это может быть поставлено под сомнение, поскольку наш выдающийся философ и психолог С.Л. Рубинштейн высказывал обоснованное сомнение в том, что процесс становления психологии самостоятельной наукой завершен. И по его мысли процесс этот пока что не закончился и продолжается в наши дни. И он даже обозначил в своей статье то, что должно произойти, чтобы психология стала подлинно самостоятельной наукой - необходимо создать систему психологического знания. То есть чтобы то, что действительно было установлено находилось в едином поле. А, во-вторых, он настаивал на том, что необходима разработка методологии, соответствующей этому уровню. Поэтому, если исходить из этих соображений, то окажется, что психология еще делает по историческим меркам первые шаги, она подходит и заходит к изучению психической реальности с разных сторон. Так что пока конкурируют подходы, а не теории, то есть это признак того, что психология еще не развитая и зрелая наука.

И.: В продолжение обсуждения этой темы еще один вопрос. Какие советы и рекомендации современным психологам, психологам завтрашнего дня Вы бы дали?

В.М.: Первый момент, который хотелось бы, чтобы осознал молодой, начинающий исследователь в области психологии, состоит в том, что психология это замечательная наука, которая ни в чем не уступает естественным наукам. Что отличает психологию от них - это принципиальное многообразие взглядов и подходов, которое проистекает только и исключительно из сложности самого объекта и предмета. То есть в психологии куда больше число степеней свободы, чем в естественной науке, и поэтому такой разброс и такое многообразие, которое мы видим в психологии, это не упрек ей, а следствие того, что мы имеем дело с самой сложной феноменологией, какая только есть.

Второй момент, который мне хотелось бы подчеркнуть. Никогда не стоит забывать, что в психологии накоплено

огромное количество идей, концепций, обобщений разного рода и уровня. Поэтому для нас первостепенной является задача осознания того богатства, которым мы располагаем. Отсюда мое стремление видеть общее, совпадающее, отсюда идея разработки коммуникативной методологии, которая бы позволяла соотносить идеи и обобщения в разных научных подходах.

И, наконец, третье. Сопоставляя развитие психологии в западных странах с психологией отечественной, мы видим, что при всей интернациональности науки, в отечественных подходах есть некоторые очень важные особенности, которых нет в науке зарубежной. Поэтому создать систему психологического знания и соответствующую ей методологию можно только опираясь на опыт отечественной науки. В зарубежной психологии этого, в принципе, нет. К сожалению, методологию зарубежом понимают узко как дисциплину, трактующую проведение эмпирического исследования, поэтому важнейшие вопросы обоснования психологической теории оказываются вне методологической рефлексии и анализа. Поэтому я искренне убежден, что психология действительно фундаментальная наука, и в этом смысле были правы Э. Бенеке и В. Вундт, которые в 19 столетии объявляли психологию основой научного знания. В значительной степени это подтвердил Ж. Пиаже уже в 20 столетии, сказав, что психология лежит в основе всего научного знания. В связи с этим мне кажется, что занятие научной психологией - это занятие очень перспективное, тот, кто выбрал для себя эту дорогу, не должен об этом пожалеть. Мне кажется, что психологическая наука стоит на пороге очень значительных свершений, в результате которых она подтвердит тот высокий статус, который априорно ей принадлежит.

И.: Владимир Александрович, мы сегодня много говорим о психологии, ее прошлом, настоящем и будущем. Но за этим разговором не хотелось бы забыть, что интервью приурочено к

Вашему юбилею. Поэтому думаю, читателям будет интересно познакомиться и с некоторыми штрихами Вашего портрета. Многие знают, что Вы хорошо знаете литературу, много читаете, у Вас дома большая библиотека. В начале интервью мы уже упоминали книгу И. Губермана, сыгравшую определенную роль в выборе профессионального пути. А помимо нее какие еще книги оказали на Вас серьезное влияние, и что бы Вы порекомендовали к прочтению?

В.М.: Как мне где-то приходилось говорить, с некоторых пор я осторожно рекомендую для прочтения те или иные книги. И связано это с тем, что за свою жизнь человек прочитывает не так уж много книг. Статистика свидетельствует, что средний человек за свою жизнь прочтет всего две тысячи книг. Поэтому, когда мы советуем прочитать человеку что-то, мы тем самым лишаем его возможности прочесть что-то другое.

Что же касается каких-то конкретных произведений, это в значительной степени зависит от многих условий. Могу сказать, что значимо для меня - безусловно назвал бы «Фауста» И. Гете, «Гамлета» В. Шекспира и, конечно, «Божественную комедию» Данте Алигьери. В моей жизни очень многое значит поэзия, и я люблю читать стихи моих любимых поэтов. Скажу больше - они позволяют жить и справляться в трудные минуты с тяжелыми ситуациями.

И.: А можете привести пример таких поэтов?

В.М.: Безусловно. В первую очередь это будут О. Мандельштам и Б. Пастернак. Я бы не отдал пальму первенства ни одному, ни другому, потому что в разные периоды они выходили на первый план. И это же касается литературных произведений. Могу вспомнить, когда любимым произведением была «Игра в бисер» Г. Гессе, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Вообще есть ценности непреходящие, я с большим удовольствием перечитываю русскую классику - и А.С. Пушкина, и Н.В. Гоголя, и А.П. Чехова, и Л.Н. Толстого, и Ф.М. Достоевского.

И.: Еще об одной грани Ваших интересов и увлечений хотелось бы спросить. Напрямую она не связана с психологией, но, например, одна из изданных Вами книг носит название «Стены и мосты» [4], отсылая читателя к творчеству Pink Floyd. В связи с этим есть ли у Вас какие-то особые предпочтения в сфере музыкального искусства?

В.М.: Боюсь, что мои взгляды окажутся достаточно консервативными. Музыкальные пристрастия остановились на творчестве тех групп, которые были в 60-е гг. XX в. Это, безусловно, The Beatles, мои любимые Pink Floyd, сольное творчество лидеров последних - Дэвида Гилмора и Роджера Уотерса.

И.: Ну и для целостности картины обратимся к искусству кино. Какие картины, каких режиссеров Вы бы могли особенно выделить?

В.М.: Вопрос очень сложный, так как в течение длительного времени я был активным посетителем и членом киноклуба «Юность», которым руководила чета Юстиновых - Рем Александрович и Нина Николаевна. Здесь постоянно были демонстрации интересных фильмов, происходили встречи с режиссерами, актерами. Поэтому в течение длительного времени я за кинематографом следил достаточно пристально. К сожалению, в последние годы, десятилетия эта ситуация изменилась, за кино я так пристально уже не слежу. Но если говорить о предпочтениях, то очень люблю кинематограф Андрея Тарковского; кроме него отметил бы фильмы Федерико Феллини и Ингмара Бергмана. При этом очень ценю творчество композитора Эннио Морриконе. Думаю, многие фильмы стали настоящими шедеврами благодаря его замечательной музыке.

И.: Владимир Александрович, на этом мы завершим наше интервью, которое, уверен, будет интересно читателям. Позвольте поблагодарить Вас за потраченное время и еще раз поздравить с юбилеем. Желаю Вам крепкого здоровья, успехов в работе, творчества и новых и интересных идей.

ГЛАВА 4. ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии, учебники, учебные пособия

История психологии

Век психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2023.

Зарубежная психология в начале XXI века: эскиз к портрету. Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2018.

История психологии. Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2015.

Парадигмы в психологии: от истории к современности / В сб.: Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. Москва, 2012.

Проблема мышления в гештальтпсихологии / В сб.: Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль, 1990.

Психология на ярославской земле: первые шаги и становление / В кн.: Факультет психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии. Ярославль, 2020.

Становление метода эксперимента в научной психологии / В кн.: Современная экспериментальная психология. Москва, 2011.

Филатов Василий Степанович: методолог, психолог, организатор науки. Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2022.

Теория и методология психологии

Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль, 2002.

Интеграция как проблема современной психологии / В кн.: Фундаментальные и прикладные проблемы психологии и педагогики образования. Результаты исследований научных лабораторий НЦ РАО при ЯГПУ, 2018-2020 гг. Под науч. ред. Л. В. Байбородовой. Ярославль. (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2021.

Интеграция научного знания в психологии / В сб.: Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. Москва, 2007.

Интеграция психологического знания: методологические проблемы. Ярославль, 2008.

Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке / В кн.: Научные подходы в современной отечественной психологии. Москва, 2023.

Методологические вопросы психологии. Ярославль, 2005.

Методологические проблемы психологии. Ярославль, 2006.

Методология психологии. Ярославль, 2007.

Методология психологической науки. Ярославль, 2003.

Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007.

Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2017.

Объяснение в психологическом исследовании. Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2020.

Понимание. Объяснение. Творчество / В сб.: Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Ижевск, 2016.

Предмет психологии, психологическое знание и объяснение / В сб.: Психологическое знание: стадии исследовательского процесса. Отв. редакторы: А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. Москва, 2023.

Предмет психологии. Ярославль, 2020.

Природа психологического знания и возможные пути его интеграции / В сб.: Психологическое знание: виды, источники,

пути построения. Отв. редакторы: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. Москва, 2021.

Психологическое знание и методологические проблемы психологии / В сб.: Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. Москва, 2018.

Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее / В сб.: Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. Отв. ред.: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. Москва, 2015.

Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль, 2001.

Психология на пути становления фундаментальной наукой / В кн.: Педагогика и психология: Новые векторы конвергенции знания. Ярославль, 2020.

Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск, 2015.

Стены и мосты: методология психологической науки. Ярославль, 2004.

Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль, 1998.

Учебно-методический комплекс по дисциплине «Методологические основы психологии» для студентов направления «Психология» - 521000 (квалификация - бакалавр психологии). Ярославль (в соавторстве с Ю.Н. Слепко), 2012.

Чужая колея (Научная психология на пути к освобождению из плена чужих парадигм) / В кн.: Звезды Ярославской психологии. Ярославль, 2000.

*Общая психология, психология образования,
педагогическая психология*

Вклад М. Вертгеймера в разработку проблемы практического мышления / Мышление практика и практическое мышление. Хрестоматия. Москва - Ярославль, 2001.

К проблеме мыслительных способностей / В сб.: Диагностика познавательных способностей. межвузовский сборник научных трудов . Ярославль, 1986.

Методология и методы изучения способностей и одаренности. Ярославль (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, Ю.Н. Слепко), 2018.

Мышление / В кн.: Познавательные процессы и способности в обучении. Под ред. В.Д. Шадрикова. Москва, 1990.

О деятельности обусловленности локации ограничений в решении мыслительных задач / В сб.: Проблемы мышления в производственной деятельности. Ярославль, 1980.

О формировании научно-исследовательских компетенций педагогических кадров / Хрестоматия по дисциплине «Педагогика и психология высшей школы» / Под ред. П.В. Лебедчука. Курск, 2013.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 1. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, А.А. Костригиным), 2019.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 2. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, А.А. Костригиным), 2020.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 3. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, М.В. Груздевым, А.А. Костригиным), 2020.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 4. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, М.В. Груздевым, А.А. Костригиным), 2020.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 5. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, М.В. Груздевым, А.А. Костригиным), 2021.

Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 6. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, М.В. Груздевым, А.А. Костригиным), 2021.

Общая психология. Москва (в соавторстве с В.Д. Шадриковым), 2015.

Педагогика versus психология: современное образование / В кн.: Непрерывное образование: методология, технологии,

управление. Под ред. Н. А. Лобанова, Л. Г. Титовой, В. В. Юдина. Ярославль, 2018.

Предмет и задачи психологии / Общая психология: Учебник / Под ред. А.В. Карпова. Москва, 2002.

Проблема личности в академической и практической психологии (статья 1: психология академическая и практическая) / В сб.: Актуальные проблемы психологии личности. Гродно, 2016.

Психологическая диагностика математической одаренности школьников. Ярославль, 2013 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко, А.М. Ходыревым, В.Н. Друзиним).

Психология педагогических способностей. Ярославль (в соавторстве с В.Д. Шадриковым, Ю.Н. Слепко), 2021.

Современная российская высшая школа: инновационные процессы / В кн.: Психолого-педагогические основы совершенствования образования в вузе и в начальной школе. Ярославль, 2014.

Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва (в соавторстве с В.В. Козловым, Н.П. Фетискиным), 2018.

Сущность процесса воспитания студентов / Концепция воспитательной деятельности Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2005 (в соавторстве с М.И. Рожковым, Ю.П. Поваренковым).

Эффективность научно-исследовательской работы в педвузе: бакалавриат, магистратура, аспирантура (психолого-педагогический аспект). Ярославль (в соавторстве с Н.П. Ансимовой, О.В. Ракичиной), 2012.

Научные статьи

История психологии

«Возвращение» психоанализа и методологические проблемы современной психологии / Психология сегодня. Москва, 1996.

500 лет под именем психология: неюбилейные размышления о будущем // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 1.

The work of V.A. Snegirev: an historical and psychological study // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. Т. 10. № 1 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2.

Б.В. Зейгарник об эксперименте в школе К. Левина / Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. Ярославль, 2011 (в соавторстве с М.В. Базиковым, Н.В. Золотовой).

Б.Г. Ананьев и современная психология // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4.

Будущее психологической науки: позитивный сценарий // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5.

В.М. Бехтерев и объективное исследование личности в свете концепции психологического факта // Образование и саморазвитие. 2015. № 3 (45).

В.Н. Мясичев: в начале творческого пути / Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Владимир, 2013.

Великий психолог: К. Д. Ушинский как методолог психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2.

Возникновение и становление отечественной медицинской психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3 (в соавторстве с Н.В. Золотовой, М.В. Базиковым).

Времен связующая нить: о книге С.Г. Геллерштейна «Методология психотехники» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 1. С. 81-86 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Г.И. Челпанов и В. Вундт: методологические диалоги / Философско-психологические Челпановские чтения. Мариуполь, 2014.

Забытый съезд: первый всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Историко-психологический анализ понятия воли (по материалам русских учебников психологии конца XVIII - начала XX в.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5 (в соавторстве с А.Р. Батыршиной).

Историческая представленность категорий «воля» и «волевая регуляция» в отечественных учебниках психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4 (в соавторстве с А.Р. Батыршиной).

История понятий как перспективное направление историко-психологических исследований // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133) (в соавторстве с Н.А. Власовым).

История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2.

История психологии как наука: вклад М.С. Роговина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1.

История психологии: проблема факта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3.

К.Д. Ушинский в Демидовском лицее: на пути к творческой педагогике / Для великого блага отечества...: Демидовские чтения. Ярославль, 1998.

Карл Густав Юнг: возвращение в Россию // Психотехнологии в социальной работе. Вып. 1. Кострома, 1996.

Китайский опыт В. С. Филатова при создании ярославской психологической школы // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 (1).

Л.С. Выготский и методология психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5.

Метод эксперимента в школе Курта Левина: Берлинский период // Седьмая волна психологии. 2011. Вып. 8 (в соавторстве с М.В. Базиковым, Н.В. Золотовой).

Научная психология: вехи становления (ассоцианизм, позитивизм, Джон Стюарт Милль и методологические основы психологии) // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2006. Вып. 1(11).

Научная психология: вехи становления (Иоганн Герbart и развитие психологии) // Ярославский психологический вестник. 2005. Вып. 15.

Научное наследие Б. В. Зейгарник в отечественной медицинской (клинической) психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1 (в соавторстве с Н.В. Золотовой, М.В. Базиковым).

Неизвестные съезды: второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 1 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Некоторые методологические проблемы истории психологии и акмеологии, или Густав Теодор Фехнер как выдающийся психолог // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Акмеология образования. 2006. № 5 (в соавторстве с Е.А. Голубковой).

Отечественная дореволюционная философская психология как целостный подход к исследованию души человека // Психология и психотехника. 2020 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Парадигма воздействия в работах Гуго Мюнстерберга и первых психотехников // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 3 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Проблема развития самосознания в трудах отечественных психологов второй половины XIX в. // Ярославский

педагогический вестник. 2018. № 3 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Проблемы сознания в работах С.Н. Трубецкого / Психология сознания: современное состояние и перспективы. Самара, 2007.

Проект практической психологии К.Д. Ушинского // Человек. 2015. № 6.

Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42) (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Психология труда, трудового обучения и воспитания в ярославской психологической школе. Часть 2. ранние этапы становления // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 3 (27) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психология труда, трудового обучения и воспитания в ярославской психологической школе: ранние этапы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5.

Психология: возвращение к Демокриту // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1.

Пути развития психологии: методологические работы профессора М. С. Роговина // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2.

Разработка практической психологии: непонятый и нецененный проект К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 3.

Создание аппаратурных методик как проблема советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Философ психологии: вопросы методологии и истории психологии в наследии К.К. Платонова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2 (22).

Эволюция гештальтпсихологии (проблемы творческого мышления в работах Лайоша Секея) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1.

Теория и методология психологии

«Проект Маслоу»: о некоторых возможных путях развития психологии в эпоху перемен / Пути развития общества в эпоху перемен. Н.-Новгород, 2001.

De anima: предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6.

А.Р. Лурия как методолог психологии: в начале пути / I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Москва, 1997.

Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2.

Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3.

Внутренний мир человека как предмет психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4.

Возвращение мысли // Вопросы психологии. 2016. № 5. (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Иммануил Кант и методологические вопросы психологии // Ярославский психологический вестник. 2004. Вып. 13.

Интеграция в психологии: методологические аспекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24.

Интеграция сообщества и интеграция науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5 (в соавторстве с Ю.Н.

Слепко, Н.П. Ансимовой, А.Э. Цымбалюк).

К разработке концепции психологического факта // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 4.

Карл Густав Юнг и методологические проблемы современной психологии // Психологическое обозрение. 1998. № 2.

Категория «отношение»: методологический статус и практико-психологические проекции // Психология обучения. 2015. № 5 (в соавторстве с М.В. Базиковым).

Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3.

Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24.

Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции знания // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8. № 2.

Концептуальная путаница: Витгенштейно фундаментальных проблемах психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 4.

Кризис психологии: была ли Троя? // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 3.

Кризис психологии: новое понимание и трактовка // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108).

Л.С. Выготский: Три диагноза одного кризиса / Проблемы развития ребенка в дошкольном возрасте. Ярославль, 1998.

Методологические вопросы психологии в работах О.К. Тихомирова / Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Москва, 2013.

Методологические перспективы палеопсихологической теории антропогенеза Б. Ф. Поршнева // Ярославский

педагогический вестник. 2018. № 5 (в соавторстве с В.Г. Морогиным).

Методологические проблемы исследований в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 1.

Методологические проблемы исследования индивидуальности в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2. № 1.

Методологические проблемы исследования культурного фрейминга // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 3 (в соавторстве с В.А. Янчуком).

Методологические проблемы исследования электоральной активности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24).

Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1.

Методологическое значение идей Ирвинга Гоффмана для современной психологии и акмеологии / Современные проблемы развития акмеологии. Москва-Кострома, 2011.

Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4.

Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2.

Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50.

Научная психология в век глобализации // Высшее образование сегодня. 2018. № 7.

Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126).

Научная психология на пороге XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 1.

Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход // Вестник Российского фонда фундаментальных

исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90).

Новый научный журнал «Методология и история психологии» // Развитие личности. 2007. № 1 (в соавторстве с И.Н. Карицким, А.Г. Лидерсом).

Поэма: мысль и психология // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

О предмете научной психологии: утраты и обретения // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 1.

О предмете психологии // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 1.

О принципе соизмеримости теорий в психологии // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1 (31) (в соавторстве с В.В. Козловым).

О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020. № 1.

О психофизическом принципе (предмет психологии) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3 (в соавторстве с В.Д. Шадриковым).

Объяснение в структуре современных психологических исследований // Сибирский психологический журнал. 2023. № 89 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Объяснение как функция психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2.

Основания романтической психологии (Методологические проблемы психологии в работах А.Р.Лурия) / А.Р. Лурия и психология 21 века. Москва, 2002.

Особенности современной интеграции психологического знания и психологического сообщества // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 5 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Парадигма психологии в теории К.Г. Юнга / Инновационные технологии и процессы личностного и группового развития в транзитивном обществе. Кострома-Москва, 2000.

Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 3.

Перспективы психологии: сотрудничество практической и академической психологий // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 2.

Предвестник психологии нового века: о методологическом значении исследований А.Г. Маслоу // Психолого-педагогические аспекты многоуровневого образования. 2002. Т. 14.

Предмет психологии: принцип целостности и анализ «по единицам» // Высшее образование сегодня. 2020. № 2.

Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020. № 6.

Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая: на пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020. № 7.

Принцип системности и психическая деятельность // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 3.

Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19. № 4.

Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Проблема понятийного пространства современной психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Проблема факта в психологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35) (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Проблемы методологии современной отечественной психологии в работах Г.В. Телятникова // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2007. № 4.

Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6.

Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77.

Психологические исследования в современной России: опыт наукометрического анализа (по материалам «Сибирского психологического журнала») // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психологический факт // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 1.

Психологический факт в зеркале философии, психологии и философии науки // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34).

Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3.

Психология академическая и психология практическая: поиск путей к взаимопониманию и взаимодействию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 3.

Психология в XXI столетии: перспективы парадигмального синтеза // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20. № 1 (в соавторстве с А.В. Азовым, Ю.П. Вавиловым).

Психология в объективе наукометрии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6.

Психология как фундаментальная наука: движение к цели // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6.

Психология практическая и академическая: перспективы дальнейшего сотрудничества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 2.

Психология: навстречу будущему // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 1.

Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе. Ярославль, 1998.

Пятая психология // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 1.

Разработка концепции объяснения в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4.

Разработка теории комплексных и междисциплинарных исследований в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4.

Современная социальная психология: методология комплексных и междисциплинарных исследований // Вестник / Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 2.

Создатель научной психологии: Вильгельм-Макс Вундт и методологические проблемы психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2004. Вып. 2(8).

Социальное прогнозирование: от форсайта к методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Социально-психологические и методологические основания экзистенциальной психотерапии США // Вестник

Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4 (в соавторстве с В.В. Томашовым).

Способности как объяснительное понятие в современной психологии // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Утраты и обретения: еще раз о предмете научной психологии // Ежегодник Российского психологического общества. 1998. Т. 4. № 5.

Факт в современной психологии: методологические проблемы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56.

Экологическая психология: в поисках оснований / Актуальные проблемы экологического образования и охраны природной среды. Архангельск, 1998.

*Общая психология, психология образования,
педагогическая психология*

Архетип как код массовой культуры // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1 (в соавторстве с Т.С. Злотниковой).

Воспитание свободного человека как противодействие распространению терроризма и экстремизма // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6.

Воспитатель и психология: Вперед к Ушинскому! / Педагогическое образование в современных условиях. Ярославль, 1997.

Гендер: междисциплинарный анализ // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 2 (в соавторстве с А.В. Вороновой).

Динамика показателей самоактуализации личности в транзитивном обществе // Экология человека. 2018. № 8 (в соавторстве с В.А. Урываевым, И.Г. Сениным, Ю.Н. Слепко, В.В. Золотаревой).

Идентичность в контексте ценностно-потребностной сферы человека // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4 (в соавторстве с В.Г. Морогиным, К.В. Морогиной).

Инновации в современном образовании: психология vs педагогика // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1.

Исследование педагогических способностей и стратегии формирования педагогической одаренности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115).

Исследование способностей младших школьников и подростков: структурный анализ // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4 (в соавторстве с Т.В. Бугайчук).

К проблеме «латентных» свойств проблемной ситуации / Деятельность и психические процессы. Москва, 1977.

К проблеме мыслительных способностей / Диагностика познавательных способностей. Ярославль, 1986.

К психологии продуктивного мыслительного процесса / Мышление и общение в конкретных видах деятельности. Ярославль, 1984.

Коррупция: возможная психодиагностика, необходимая профилактика // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 2 (в соавторстве с В.Г. Морогиным).

Личность будущего педагога: обзор зарубежных исследований // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 2 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Мышление, мысль, одаренность // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (в соавторстве с В.Д. Шадриковым).

Новые перспективы психологии деятельности // Вопросы психологии. 2015. № 1 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

О деятельности обусловленности локации ограничений / Проблемы мышления в производственной деятельности. Ярославль, 1980.

О деятельностном подходе к исследованию мышления / Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1981.

О некоторых особенностях начального этапа решения задач / Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1976.

О некоторых особенностях процесса понимания при решении логических задач / Вопросы теоретической и прикладной психологии. Ленинград, 1974 (в соавторстве с Н.А. Русиной).

О некоторых резервах фундаментализации профессиональной подготовки психолога в современном вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 1 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

О специфическом влиянии некоторых установок на понимание текста / Текст и аспекты его рассмотрения. Москва, 1977.

Педагогическое мышление: попытка формирования творческого подхода к осуществлению деятельности / Психология педагогического мышления: теория и эксперимент. Москва, 1998.

Педагогическое призвание как психологическая проблема / Психотехнологии в образовательном процессе. Кострома, 1999 (в соавторстве с В.Я. Даскалом).

Проблема взаимосвязи мотивации и способностей субъекта деятельности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136) (в соавторстве с Т.В. Бугайчук).

Проблема мышления в гештальтпсихологии / Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль, 1990.

Проблема педагогических способностей в современной зарубежной психологии // Психология и психотехника. 2021. № 2 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Проблема педагогического таланта в современной зарубежной психологии // Психология и психотехника. 2022. № 3 (в соавторстве с А.А. Костригиным).

Проблема психологической подготовки будущих педагогов: практический аспект // Интеграция образования. 2000. № 3.

Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко, Д.В. Ушаковым, В.Д. Шадриковым).

Психолог в системе образования: проблемы подготовки // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 1.

Психологическая социология: инновационный метод изменения явки избирателей на выборы федерального и регионального уровней // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3 (в соавторстве с А.Н. Жмыриковым).

Психологическое исследование жизнеспособности человека в аспекте коммуникативной методологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3 (в соавторстве с Е.А. Рыльской).

Психологическое исследование одаренности: проблема теории и метода // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психологическое содержание профессионально важных качеств учителя начальных классов // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2. № 4 (в соавторстве с Ю.П. Вавиловым).

Психология деятельности человека: новая трактовка // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психология деятельности человека: новые разработки и перспективы // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 4 (38) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Развитие психологической системы педагогических способностей студентов - будущих учителей начальной школы // Интеграция образования. 2021. Т. 25. № 3 (104) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Развитие рефлексивных способностей студентов - будущих учителей начальных классов // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко, А.А. Костригиным).

Развитие социальных способностей студентов педагогического университета // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 3 (100) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Самооценка педагогических способностей в профессиональной подготовке учителя начальной школы // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 3 (108) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Ситуационная активность личности в вынужденной самоизоляции: социально-психологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 1 (в соавторстве с Е.А. Белан).

Способности и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Сравнительный анализ психологического содержания и развития рефлексивных способностей студентов педагогического колледжа и педагогического вуза // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Структуры субъективного опыта и решение задач / Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль, 1979.

Творческая личность, культура, война: пейзаж после начала битвы // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 2.

Технологии регулирования конфликтов и запрос на их социально-антропологическое моделирование: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 3 (в соавторстве с И.Е. Задорожнюк, М.В. Базиковым).

Учитель начальной школы: психологическая подготовка / Психолого-педагогические проблемы разработки и реализации

новых образовательных технологий в подготовке учителя. Тула, 1994.

Формирование педагогической одаренности как ключевое условие повышения эффективности современной образовательной системы // Интеграция образования. 2019. Т. 23. № 1 (94) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Формирование творческого подхода к осуществлению педагогической деятельности как приоритетная задача подготовки специалистов в педуниверситете // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3.

Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6 (в соавторстве с В.Г. Морогиным).

Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения (часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1 (в соавторстве с В.Г. Морогиным).

Библиографические статьи

«Большой психолог и методолог психологии»: к 100-летию со дня смерти Гуго Мюнстерберга // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной, А.И. Махалиным).

«Всему начало здесь»: И. А. Кедров - первый психолог на ярославской земле // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106).

Nomo succedant: несколько штрихов к портрету В.Д. Шадрикова / В.Д. Шадриков. Фундаментальный ученый. Талантливый руководитель. Творец эпохи. Кострома, 2014.

Primus inter pares: штрихи к портрету А.В. Карпова / Основатели Российской психологии XX – XXI вв. Анатолий Викторович Карпов. Ученый. Руководитель. Личность. Кострома, 2006.

Блаженное наследство (слово о Льве Ильиче Уманском) // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 2.

В.Н. Дружинин как методолог психологической науки (к 65-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5.

Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной, А.А. Костригиным).

Вклад в становление психологии как науки. К 95-летию со дня рождения М.С. Роговина // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62 (в соавторстве с Г.В. Залевским).

Выготский: неожиданный, неизвестный, аутентичный // Вопросы психологии. 2017. № 3 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Д.И. Рейтынбарг: основатель психологии воздействия в советской психотехнике // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Джон Стюарт Милль и формирование научной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4.

Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2 (в соавторстве с Н.Ю. Стоюхиной).

Ипполит Тэн и развитие концепции цивилизации // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5 (в соавторстве с В.И. Пефтиевым).

Ипполит Тэн как психолог // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4 (в соавторстве с В.И. Пефтиевым).

К 100-летию М. С. Роговина - интервью с учеником // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Классик: несколько штрихов к портрету(к 85-летию Владимира Петровича Зинченко) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 4.

М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40.

Маэстро учения, академик, императрица: памяти Н. Ф. Талызиной // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1.

Михаил Семенович Роговин - философ психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5.

Настоящий психолог: несколько штрихов к портрету Г.В. Залевского // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67.

Неистовый интегратор. Несколько штрихов к портрету юбиляра / В.В. Козлов: Уникальный ученый. Организатор. Практик. Человек. Кострома, 2007.

Николай Александрович Соколов: психотехника культурно-просветительской работы // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 2 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Николай Павлович Ерастов, профессор психологии (слово об учителе) // Ярославский педагогический вестник. 2000. № 1 (23).

Памяти большого психолога: слово о Г.В. Залевском // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79.

Портрет в Голубом зале: человек непростой судьбы (к юбилею В. В. Карпова) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2.

Профессор В. С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5.

Созидательная личность. А.Н. Леонтьев и советская психология // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46. № 2 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Творческая личность в перманентном поиске, или «бег навстречу» (энантиодромия) (Несколько штрихов к портрету Н.П. Фетискина) // Психотехнологии в социальной работе. 2002. Вып. 7 (в соавторстве с В.В. Козловым).

Хранитель традиций (Слово о М.М. Рыбаковой) // Ярославский психологический вестник. 2002. Вып. 7.

Человек на все времена: Интервью, посвященное 80-летию со дня рождения В.В. Новикова / Учитель жизни и психологии. Краткое изложение творческой, научной и учебной деятельности профессора Ярославского государственного университета В.В. Новикова и воспоминания. Москва-Ярославль, 2015.

Человек на все времена: Штрихи к портрету Виктора Васильевича Новикова / Основатели Российской психологии XX-XXI века. Виктор Васильевич Новиков: Ученый и Человек. Кострома, 2005.

Рецензии на монографии и другие издания

«Крепкая цитадель»: профессор В.В. Козлов и его новая книга о «Центральной психологической тайне» / Рецензия на работу В.В. Козлова «Психология сознания: интегративный подход». Москва, 2022.

Opus majus профессора В.В. Козлова / Рецензия на работу В.В. Козлова «Интегративная психология». Москва, 2023.

Вечная психология: Деятельность. Сознание. Личность. Рецензия на книгу Карпова А.В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: Российская академия образования, 2012. 476 с. // Ярославский психологический вестник. 2016. № 34. С. 135-136.

Душа человека: возвращение из изгнания / Рецензия на работу В.Д. Шадрикова «Возвращение души: Теоретические основания и методология психологической науки». Москва, 2021 (в соавторстве с А.Л. Журавлевым).

Лоскутное одеяло теорий, или теория всего была возможна, когда мы знали слишком мало (Рецензия на книгу Мортон Хант «История психологии») // Методология и история психологии. 2011. Т. 6. Вып. 2 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Методология и психология: новая книга профессора Козлова / Рецензия на работу В.В. Козлова «Методология интегративной психологии». Москва, 2021.

Монография Н.А. Логиновой «Антропологическая психология Бориса Ананьева» / Рецензия на работу Н. А. Логиновой «Антропологическая психология Бориса Ананьева». Москва, 2016 // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4 (109) (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Наука в современном российском обществе / Рецензия на книгу А.В. Юревича, И.П. Цапенко «Наука в современном российском обществе». Москва, 2010 // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Психология способностей и одаренности: важные результаты в исследовании вечных проблем / Рецензия на работу В.Д. Шадрикова «Способности и одаренность человека». Москва, 2019 (в соавторстве с А.Л. Журавлевым).

Психометрическая парадигма в решении проблем творчества и способностей // Вопросы психологии. 2013. № 6 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Рецензия на книгу А. В. Юревича «Психология социальных явлений» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Рецензия на книгу А. В. Юревича «Социальная психология научной деятельности» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Рецензия на книгу А.В. Юревича «Методология и социология психологии». Москва, 2010 // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2.

Современное высшее образование: экзистенциально-гуманистические перспективы / Рецензия на работу А.С. Берберян «Экзистенциально-гуманистическая психология как фундаментальное основание концепции личностно-центрированного обучения в системе высшего образования». Прага, 2018 // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4 (в соавторстве с Ю.Н. Слепко).

Что такое смысл жизни и как его изучать? Рецензия на монографию К.В. Карпинского «Источники смысла жизни:

новый метод психодиагностики личности» // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 228-234.

ГЛАВА 5. ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ЮБИЛЯРА

Кандидатские диссертации

Акимова Юлия Николаевна «Типы личности студентов в современных условиях высшего образования России». 19.00.07 - педагогическая психология, 2007.

Базиков Михаил Васильевич «Психологические и психопрофилактические воззрения А.Н. Острогорского». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психология, 2006.

Гарбузова Галина Владимировна «Студенческое самоуправление как средство формирования профессиональной идентичности будущих специалистов». 19.00.07 - педагогическая психология, 2009.

Золотова Наталья Владимировна «Психологические воззрения Б.В. Зейгарник». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психология, 2007.

Клочко Оксана Сергеевна «Взаимосвязь стереотипов профессиональной деятельности и психологической дистанции в различных профессиональных группах (на примере сотрудников УВД)». 19.00.05 - социальная психология, 2007.

Костригин Артем Андреевич «Актуальность философско-психологического наследия В.А. Снегирева для современной психологии». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2019.

Кочеткова Татьяна Николаевна «Специфика видов самоотношения личности в зависимости от выраженности эмоциональных и когнитивных компонентов». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психология, 2007.

Крупенникова Ирина Валентиновна «Учебная мотивация младших школьников с задержкой психического развития при переходе в классы основного звена». 19.00.07 - педагогическая психология, 19.00.10 - коррекционная психология, 2008.

Кузма Левонас Прано «Виды нарушений произвольного внимания у учащихся младших классов». 19.00.07 - педагогическая психология, 2005.

Лапкина Елена Валерьевна «Защитная система личности в разные периоды взрослости». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2012.

Летник Вячеслав Владимирович «Формирование безопасного типа поведения детей с отклонениями в развитии». 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования, 2009.

Лотош Лариса Сергеевна «Особенности эмоционально-личностной сферы учителей в системе дополнительного образования школьников». 19.00.07 - педагогическая психология, 2006.

Михайлова Вера Кузьминична «Психологическая готовность к обучению в вузах МВД России». 19.00.07 - педагогическая психология, 2006.

Панкова Наталья Михайловна «Влияние инновационной технологии “система согласованного обучения” на интеллектуальное и личностное развитие учащихся». 19.00.07 - педагогическая психология, 2007.

Пушканова Елена Алексеевна «Влияние рекламы на эмоциональное реагирование в зависимости от контекста». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 19.00.03 - психология труда, инженерная психология, эргономика, 2005.

Рожкова Надежда Георгиевна «Самооценка жизненных перспектив детей-сирот в разных типах замещающих семей». 19.00.07 - педагогическая психология, 2012.

Рыжова Наталия Владимировна «Развитие творчества у детей с общим недоразвитием речи в изобразительной деятельности». 19.00.07 - педагогическая психология, 2006.

Ушанова Александра Алексеевна «Личностные детерминанты агрессии подростков». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2010.

Федорова Елена Александровна «Социальный интеллект как фактор формирования отношения к социально значимым объектам у представителей разных этнических групп». 19.00.05 - социальная психология, 2009.

Фурманова Наталия Викторовна «Психологические характеристики адаптивной личности в период перехода к ранней взрослости». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2008.

Докторские диссертации

Белан Елена Альбертовна «Ситуационная активность личности как социально-психологический феномен». 19.00.05 - социальная психология, 2022.

Жедунова Людмила Григорьевна «Психология личностного кризиса». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2010.

Карпова Елена Викторовна «Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности». 19.00.07 - педагогическая психология, 2009.

Рыльская Елена Александровна «Психология жизнеспособности человека». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2014.

Чернов Александр Юрьевич «Качественный подход в психологическом исследовании». 19.00.01 - общая психология, психология личности, история психологии, 2012.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
2. Аллахвердов В.М. Пришла методологическая пора - психология, отворяй ворота! // Вопросы психологии, 2002. № 4. С. 154-157.
3. Базиков М.В., Мазилев В.А. «Человек на все времена». Интервью с В.А. Мазилевым, посвященное 80-летию со дня рождения В.В. Новикова // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 147-163.
4. Батыршина А.Р., Мазилев В.А. Историко-психологический анализ понятия воли (по материалам русских учебников психологии конца XVIII - начала XX в.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 144-151.
5. Власов Н.А., Мазилев В.А. История понятий как перспективное направление историко-психологических исследований // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 93-103.
6. Волков И. П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003 .
7. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86-96.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Наука, 1990. - 524 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. - 471 с.
10. Гете И.В. Фауст; пер. с нем. Б. Пастернака. - М.: Издательство «Художественная литература», 1969. - 510 с.
11. Губерман И. Чудеса и трагедии черного ящика. - М.: Издательство «Детская литература», 1969. - 280 с.

12. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С.97-99.
13. Залевский Г.В. Михаил Семенович Роговин - опережая время / Г. В. Залевский, В. А. Мазиллов, В. А. Урываев, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев // Медицинская психология в России. 2013. Т. 5. № 5. С. 1.
14. Залевский Г.В. О научном наследии М.С. Роговина // Методология и история психологии. 2006. Том 1. Выпуск 2. С. 99-102.
15. Залевский Г.В., Мазиллов В.А. Вклад в становление психологии как науки. К 95-летию со дня рождения М.С. Роговина // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 169-175.
16. Залевский Г.В., Мазиллов В.А., Урываев В.А., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Михаил Семенович Роговин - опережая время // Медицинская психология в России. 2013. № 5 (22). С. 3.
17. Зиновьев П.М. Душевные болезни в картинах и образах. М., 2007. 208 с.
18. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с. 98-134.
19. Искандер Ф. Золото Вильгельма. М.: Эксмо, 2011.
20. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. Томск, 2005. 217с.
21. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006. - 736 с.
22. Карпов А.А. К 75-летию Великой Победы. Михаил Семенович Роговин // Ярославский психологический вестник. 2020. Выпуск 2 (47). С. 113-114.
23. Карпова Е.В. Вспоминая Учителя... // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 74-76.
24. Козлов В.В. 100 лет света // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 76-79.

25. Козлов В.В. Дао трансформации. М.: МАПН, 1998 - 189 с.
26. Козлов В.В. Интегративная парадигма психологии: десять лет спустя // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 57-65.
27. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. - М.: Психотерапия, 2007 - 528 стр.
28. Козлов В.В. Интенсивные интегративные психотехнологии. Теория. Практика. Эксперимент. - М., 1998. - 422 с.
29. Козлов В.В. Окончательная методология профессора Мазилова В.А. // Методология современной психологии. 2019. № 9. С. 101-109.
30. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. М.: Институт консультирования и системных решений. 2019 - 280 с.
31. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера, 2016 - 296 с.
32. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. Методическое пособие. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. - 302 с.
33. Козлов В.В. Русский президент Международной академии: Биография и библиография Заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологической наук, профессора ЯрГУ. Ярославль, 2000.
34. Козлов В.В., Мазилев В.А., Петренко В.Ф. Методология психологии сегодня. // Методология современной психологии. 2017. № 7. С. 3-6.
35. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #2 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 48-68.
36. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные библиографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 104-121.

37. Козлов В.В., Мазиллов В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 31-40.
38. Козлов В.В., Мазиллов В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: некрополь // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 221-225.
39. Костригин А.А., Мазиллов В.А. Отечественная дореволюционная философская психология как целостный подход к исследованию души человека // Психология и психотехника. 2020. № 2. С. 38-52.
40. Костригин А.А., Мазиллов В.А. Проблема развития самосознания в трудах отечественных психологов второй половины XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 156-167.
41. Лозина-Лозинский А.К. Тротуар. Пг., 1916. 48 с.
42. Мазиллов В. А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019а. № 6. С. 60-70.
43. Мазиллов В.А. «Всему начало здесь»: И.А. Кедров - первый психолог на ярославской земле // Ярославский педагогический вестник. 2019а. № 1(106). С. 139-147. DOI 10.24411/1813-145X-2019-10289
44. Мазиллов В.А. «Длинное прошлое»: Рене Декарт и формирование методологических основ психологии // Методология современной психологии, 2023а. № 18. С. 284-292.
45. Мазиллов В.А. «Чужой среди своих»: рецензия на книгу «А.Ф. Лазурский. Теория личности: 100 лет забвения и развития» // Медицинская психология в России. 2019б. Т. 11, № 3(56). DOI 10.24412/2219-8245-2019-3-10
46. Мазиллов В.А. А.А. Ухтомский и будущее психологии // Наследие А.А. Ухтомского в свете современных проблем изучения и развития человека: 145-летие А.А. Ухтомского и 30-летие Мемориального Дома-музея акад. А.А. Ухтомского: сб. материалов XIII-й межрегион. конф., Ярославль, 22-23 сент. 2020

- г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021а. С. 31-88.
47. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014а. Т. 2. № 2. С. 202-210.
  48. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002. 165 с.
  49. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной российской психологии // Ярославский психологический вестник, № 1 (55). 2023а. С. 27-37.
  50. Мазилев В.А. Б.Г. Ананьев и методологические вопросы психологии // Методология и история психологии. 2008а. Т. 3, № 4. С. 59-69.
  51. Мазилев В.А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 122-130.
  52. Мазилев В.А. В.В. Новиков: человек с большой буквы // Виктор Васильевич Новиков: Выдающийся ученый. Учитель. Творец эпохи. Юбилейный выпуск / Составитель и редактор Н.П. Фетискин. Кострома: Изд-во КГУ им Н.А. Некрасова, 2010. С. 5-11.
  53. Мазилев В.А. В.М. Бехтерев и объективное исследование личности в свете концепции психологического факта // Образование и саморазвитие. 2015а. № 3(45). С. 46-56.
  54. Мазилев В.А. В.Н. Дружинин как методолог психологической науки (к 65-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2020b. Т. 41, № 5. С. 108-117. DOI 10.31857/S020595920011123-1
  55. Мазилев В.А. В.С. Филатов и методологические поиски в отечественной психологии в начале 1930-х гг. / В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Под научной редакцией И.Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 77-86.

56. Мазиллов В.А. В.С. Филатов и создание ярославской психологической школы / В сборнике: История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. Москва, 2016. С. 461-469.
57. Мазиллов В.А. Великий психолог: К.Д. Ушинский как методолог психологии // Психологический журнал. 2023b. Т. 44, № 2. С. 116-127. DOI 10.31857/S020595920024913-0
58. Мазиллов В.А. Великий русский психолог Константин Дмитриевич Ушинский // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 101-115.
59. Мазиллов В.А. Внутренний мир человека // Методология современной психологии. 2022а. № 16. С. 214-227.
60. Мазиллов В.А. Внутренний мир человека как предмет психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017а. № 4. С. 177-185.
61. Мазиллов В.А. Внутренний мир человека: версия трактовки предмета психологии для XXI в. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2018а. Т. 8, № 2. С. 143-150.
62. Мазиллов В.А. Вселенная Интегратора (зарисовка к юбилею В.В. Козлова) // Ярославский психологический вестник, 2017b. № 3(39). С. 101-111.
63. Мазиллов В.А. Гештальтпсихология: исследования творческого мышления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2011. № 1 (1). С. 80-89.
64. Мазиллов В.А. Густав Теодор Фехнер и методологические проблемы истории психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2007а. № 2(14). С. 65-78.

65. Мазилев В.А. Джон Стюарт Милль и формирование научной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2016а. № 4. С. 115-123.
66. Мазилев В.А. Загадка от Витгенштейна: научная психология в поисках ответа // Ярославский психологический вестник. 2016б. № 35. С. 12-16.
67. Мазилев В.А. Индивидуальность, цифровая эпоха, внутренний мир // «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России: Материалы научно-практ. интернет-конф. с междунар. участием, Москва, 15 нояб. - 19 дек. 2016 г. / под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой, С. В. Лобынцева. М.: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2017с. С. 45-50.
68. Мазилев В.А. Инновации в современном образовании: психология vs педагогика // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 8-22.
69. Мазилев В.А. Интеграция в психологии: методологические аспекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018б. Т. 24, № 2. С. 21-25.
70. Мазилев В.А. Интеграция в эпоху кризиса психологии / В сборнике: Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием. Под научной редакцией В.А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 37-61.
71. Мазилев В.А. Интеграция психологического знания как методологическая проблема психологии // СОТИС - социальные технологии, исследования. 2021б. № 2(108). С. 51-64.
72. Мазилев В.А. Интеграция психологического знания: идеалы, проблемы и перспективы // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: сб. науч. материалов VI Всероссийской конф. с междунар. участием, Ярославль, 31 мая 2023 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2023с. С. 48-57.

73. Мазиллов В.А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы. Ярославль : ЯГПУ, 2008. 132 с.
74. Мазиллов В.А. Исследование педагогических способностей и стратегии формирования педагогической одаренности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 96-106.
75. Мазиллов В.А. История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского государственного университета. 2014б. № 2. С. 94-100.
76. Мазиллов В.А. История психологии как наука: вклад М.С. Роговина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022б. № 1. С. 10-24. DOI 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24
77. Мазиллов В.А. История психологии: необходим новый историко-методологический подход // Ярославский психологический вестник. 2001. № 5. С. 8-13.
78. Мазиллов В.А. К проблеме объяснения в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог, выпуск 2 (12). 2006. С. 9-19.
79. Мазиллов В.А. К. Д. Ушинский и разработка практической психологии / В сборнике: История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. Москва, 2016. С. 314-323.
80. Мазиллов В.А. К.Д. Ушинский и становление научной психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 4 (48). С. 34-50.
81. Мазиллов В.А. Китайский опыт В. С. Филатова при создании ярославской психологической школы // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 (1). С. 61-67.
82. Мазиллов В.А. Классик: несколько штрихов к портрету (К 85-летию Владимира Петровича Зинченко) // Культурно-истори-

ческая психология. 2016с. Т. 12, № 4. С. 74-79. DOI 10.17759/chr.2016120407

83. Мазилев В.А. Коммуникативная методология и интеграция психологического знания // Ярославский педагогический вестник. 2016d. № 3. С. 181-191.
84. Мазилев В.А. Коммуникативная методология психологической науки // Ярославский психологический вестник. 2005. № 16. С. 15-18.
85. Мазилев В.А. Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания // Сибирский психологический журнал. 2006а. № 24. С. 65-69.
86. Мазилев В.А. Коммуникативная методология психологической науки: поиски средств интеграции // Восточно-Европейский научный вестник. 2016е. № 1(5). С. 72-81.
87. Мазилев В.А. Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке // Научные подходы в современной отечественной психологии / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Институт психологии РАН, 2023d. С. 273-289.
88. Мазилев В.А. Концептуальная путаница: Витгенштейн о фундаментальных проблемах психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016f. Т. 26, № 4. С. 86-93.
89. Мазилев В.А. Кризис в психологии: конструктивная роль // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. Київ, 2016. № 22.
90. Мазилев В.А. Кризис в психологии: конструктивная роль в профессиональном сообществе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 9. № 2. С. 22-33.
91. Мазилев В.А. Кризис научной психологии: XXI век // Проблемы педагогики и психологии. 2015b. № 3. С. 138-152.

92. Мазиллов В.А. Кризис психологии: была ли Троя? // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 3. С. 19-29.
93. Мазиллов В.А. Кризис психологии: новое понимание и трактовка // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108). С. 90-100.
94. Мазиллов В.А. Кризис психологии: прошлое, настоящее, будущее // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2016. № 1 (31). С. 100-115.
95. Мазиллов В.А. Кризис психологии: троянские мотивы // Философия и культура. 2015. Т. 247. С. 247.
96. Мазиллов В.А. Л.И. Уманский: новатор в психологии // Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л.И. Уманского): монографические материалы Всероссийского симп.: в 2-х т., Кострома, 27-29 окт. 2016 г. Т. 1. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2016г. С. 50-69.
97. Мазиллов В.А. Л.С. Выготский и кризис психологии / В сборнике: Челпановские чтения 2016: Диалог научных школ Психологического института: Л.С.Выготский, Б.М.Теплов, Г.И. Челпанов. Сборник научных материалов Всероссийской научно-практической конференции: Альманах Научного архива Психологического института. Москва : ПИ РАО, 2016. С. 53-61.
98. Мазиллов В.А. Лики личности: категория «личность» в современном психологическом знании // Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты: сб. науч. тр. Междунар. научно-практ. конф., Ереван, 26-27 окт. 2018 г. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) ун-т, 2019с. С. 200-210.
99. Мазиллов В.А. М. С. Роговин как историк психологии: завещание мастера // Ярославский психологический вестник. 2021. № 2 (50). С. 42-50.
100. Мазиллов В.А. М.С. Роговин как историк психологии / В книге: Ананьевские чтения - 2021. Материалы международной науч-

- ной конференции. Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2021. С. 46-47.
101. Мазилев В.А. М.С. Роговин как историк психологии: завещание мастера // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 50-58.
  102. Мазилев В.А. М.С. Роговин: становление психологии как науки // The Unity of Science. 2015г. № 4. С. 126-133.
  103. Мазилев В.А. М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 32-36.
  104. Мазилев В.А. М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011а. № 40. С. 80-88.
  105. Мазилев В.А. Методологические вопросы психологии. Ярославль: МАПН, 2005. 166 с.
  106. Мазилев В.А. Методологические основы компетентностного подхода / В кн.: Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций / О.В. Ракитина, В.А. Мазилев, Н.П. Ансимова и др.; под ред. М.В. Новикова. Ярославль : ЯГПУ, 2009а. 211 с. С. 6-14.
  107. Мазилев В.А. Методологические подходы в современной психологии // Методология современной психологии. - 2023. - №18. - С. 292-299.
  108. Мазилев В.А. Методологические поиски в отечественной психологии в начале 1930-х гг.: взгляды на марксистскую психологию В. С. Филатова // Ярославский психологический вестник. 2022. № 1 (52). С. 129-138.
  109. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2006б. 252 с.
  110. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии: решать или избегать? // Методологические и методические аспекты непрерывного образования: развитие профессиональной компетентности педагога: сборник статей XV национальной

- научно-практической конференции [16 марта 2023 г.] / под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023б. С. 8-21.
111. Мазиллов В.А. Методология комплексных и междисциплинарных исследований в психологии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М, 2012. С. 51-53.
112. Мазиллов В.А. Методология психологии: учеб. пособие. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2007б. 360 с.
113. Мазиллов В.А. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003. 198 с.
114. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : ЯГПУ, 2007. 352 с.
115. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: История и современность: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2017d. 419 с.
116. Мазиллов В.А. Михаил Семенович Роговин - методолог психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 2. С. 103-112.
117. Мазиллов В.А. Михаил Семенович Роговин - философ психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021с. Т. 42, № 5. С. 100-108. DOI 10.31857/S020595920017080-4
118. Мазиллов В.А. Михаил Семенович Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 80-88.
119. Мазиллов В.А. Мышление / В кн.: Познавательные процессы и способности в обучении. Под редакцией В.Д. Шадрикова. Москва, 1990. С. 101-120.
120. Мазиллов В.А. Мышление и мысль / В сб.: Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Ю.П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 115-122.

121. Мазиллов В.А. Наука, системогенез и проблема объяснения в современной психологии / В сборнике: Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. Под ред. Ю.П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 88-98.
122. Мазиллов В.А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3. С. 89-104.
123. Мазиллов В.А. Научная психология в поисках своего предмета // Ярославский педагогический вестник. 2022с. № 3(126). С. 89-104. DOI 10.20323/1813-145X-2022-3-126-89-104
124. Мазиллов В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008b. Т. 3, № 1. С. 58-73.
125. Мазиллов В.А. Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018с. № 1(90). С. 133-142. DOI 10.22204/2587-8956-2018-090-01-133-142
126. Мазиллов В.А. Нерешенные методологические проблемы истории психологии: понимание и объяснение // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 82-95.
127. Мазиллов В.А. Николай Павлович Ерастов, профессор психологии (слово об учителе) // Ярославский педагогический вестник. 2000. № 1. С. 194-201.
128. Мазиллов В.А. О деятельностной обусловленности локации ограничений в решении мыслительных задач / В сб.: Проблемы мышления в производственной деятельности. Межвузовский тематический сборник. Ярославль : ЯрГУ, 1980. С. 49-64.
129. Мазиллов В.А. О кризисе в психологии // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 3 (66). С. 18-19.
130. Мазиллов В.А. О некоторых методологических проблемах российской исторической психологии // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 185-199.

131. Мазиллов В.А. О предмете научной психологии: утраты и обретения // Ярославский педагогический вестник. 2014а. Т. 2, № 1. С. 266-270.
132. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006с. Т. 1. № 1. С. 55-72.
133. Мазиллов В.А. О предмете психологии // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 1. С. 53-58.
134. Мазиллов В.А. О природе научного психологического знания // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс: сб. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021. - С. 94-102.
135. Мазиллов В.А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020с. № 1. С. 71-83.
136. Мазиллов В.А. О теории психологического факта / В книге: Психология XXI столетия. сборник по материалам ежегодного Конгресса. Ярославль : МАПН, 2017. С. 219-225.
137. Мазиллов В.А. Объяснение в психологии // Теоретичні дослідження у психології. 2019. Т. 6. С. 2-34.
138. Мазиллов В.А. Объяснение в психологии: виды объяснения // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018d. № 2(36). С. 22-36.
139. Мазиллов В.А. Объяснение в психологической науке / В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 73-й научно-практической конференции. Под научной редакцией Л.В. Байбородовой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 8-22.
140. Мазиллов В.А. Объяснение и интерпретация в психологии / В сборнике: Философия и/или новое интегративное знание - 6. сборник материалов всероссийской научной конференции. Под научной редакцией А.В. Азова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 44-54.

141. Мазиллов В.А. Объяснение как функция психологической науки // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 175-186.
142. Мазиллов В.А. Объяснение, понимание и интерпретация в научной психологии // Методология современной психологии. 2019. № 9. С. 143-174.
143. Мазиллов В.А. Объяснение, понимание и психология: нерешенные и дискуссионные вопросы // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 49-67.
144. Мазиллов В.А. Одаренность, мышление, творчество: в поисках новых подходов / В сб.: Психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала : ДГПУ, 2015. С. 53-65.
145. Мазиллов В.А. От алгоритма до ландаматики: несколько эпизодов из жизни профессора Л.Н. Ланды // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018а. № 5. С. 93-106.
146. Мазиллов В.А. Памяти большого психолога: слово о Г.В. Залевском // Сибирский психологический журнал. 2021d. № 79. С. 6-14. DOI 10.17223/17267080/79/1
147. Мазиллов В.А. Педагогическая одаренность и теории способностей в современной психологии / В сборнике: Вопросы теории и методики профессионального образования. Сборник статей научно-практической конференции. Под научной редакцией М.В. Новикова. 2019. С. 54-63.
148. Мазиллов В.А. Педагогические способности и одаренность: от изучения к формированию // Современное дошкольное образование: Ребенок, семья, педагог: сб. науч. трудов. Т. 1. / под науч. ред. В. Н. Белкиной. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022d. С. 37-49.
149. Мазиллов В.А. Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России. 2016. Т. 8. № 1 (36).

150. Мазиллов В.А. Поэтическое творчество, психология и философия / В сб.: Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты. Материалы XIV Международной научной конференции. 2014. С. 180-186.
151. Мазиллов В.А. Предвестник психологии нового века: о методологическом значении исследований А.Г. Маслоу // Методология и история психологии. 2008а. Т. 3. № 2. С. 155-161.
152. Мазиллов В.А. Предисловие профессора В.А. Мазилова: Феномен и загадка личности // Современная личность: самоактуализация и самореализация / В. В. Козлов. М.: Изд-во «ИП Петросян», 2023е. С. 6-18.
153. Мазиллов В.А. Предмет психологии, психологическое знание и объяснение // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса: сб. ст. / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2023f. С. 11-35. DOI 10.38098/thry_23_0457_02
154. Мазиллов В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020d. 175 с.
155. Мазиллов В.А. Предмет психологии: принцип целостности и анализ «по единицам» // Высшее образование сегодня. 2020е. № 2. С. 48-56. DOI 10.25586/RNU.НЕТ.20.02.Р.48
156. Мазиллов В.А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая: на пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 59-65.
157. Мазиллов В.А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020f. № 6. С. 69-76. DOI 10.25586/RNU.НЕТ.20.06.Р.69
158. Мазиллов В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. - 2013. - Т. 19. - №4. - С. 28-32.

159. Мазиллов В.А. Природа научного психологического знания // *Философия и/или новое интегративное знание: сб. материалов VII Всероссийской науч. конф. (с междунар. участием)*, Ярославль, 15-16 апр. 2021 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021е. С. 174-188.
160. Мазиллов В.А. Природа психологического знания и возможные пути его интеграции // *Психологическое знание: виды, источники, пути построения* / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 221-255.
161. Мазиллов В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии / В сб.: *Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Сборник научных трудов*. Ярославль : ЯрГУ, 1990. С. 66-75.
162. Мазиллов В.А. Проблема объяснения в психологии / В книге: Мазиллов В.А. *Методология психологической науки: История и современность*. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 268-289.
163. Мазиллов В.А. Проблема объяснения в психологии / В книге: Мазиллов В.А. *Методологические проблемы психологии*. Ярославль, 2006. С. 175-204.
164. Мазиллов В.А. Проблема психологического факта / В книге: Мазиллов В.А. *Методология психологической науки: История и современность*. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 246-268.
165. Мазиллов В.А. Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов / В сб.: *Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. Материалы Всероссийской конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина*. Москва : ИП РАН, 2010. С. 46-54.
166. Мазиллов В.А. Проблема факта и взаимопонимание в психологическом сообществе / В сборнике: *Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Материалы IV Международной научной конференции: в 2-х томах*. Ответственные редакторы: Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ, 2016. С. 50-52.

167. Мазиллов В.А. Проблема факта: исследования в отечественной философии / В книге: Психология XXI столетия. Новые возможности. Ярославль : МАПН, 2016. С. 136-139.
168. Мазиллов В.А. Проблемы методологии современной отечественной психологии в работах Г.В. Телятникова // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2007с. № 4(42). С. 91-95.
169. Мазиллов В.А. Проблемы творческого мышления в работах Лайоша Секея // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2015d. № 3(13). С. 97-107. DOI 10.15688/jvolsu11.2015.3.9
170. Мазиллов В.А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 107-116.
171. Мазиллов В.А. Проект практической психологии К.Д. Ушинского // Человек. 2015е. № 6. С. 107-117.
172. Мазиллов В.А. Профессионал и время: о работах Л.И. Анцыферовой в области истории психологии // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 261-273.
173. Мазиллов В.А. Профессор В.С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. 2015f. № 5. С. 159-171.
174. Мазиллов В.А. Психодидактика и непрерывное образование: методологические проблемы непрерывного образования // Методология современной психологии. 2019. № 10. С. 90-105.
175. Мазиллов В.А. Психолог, педагог, человек (к 75-летию В.В. Новикова) // Азиатско-Тихоокеанский регион в XXI веке: культурно-цивилизационный и социально-психологический контекст. Научные труды IX Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. Пекин (Китай) - Хабаровск (Россия) - Харбин (Китай), 13-17 декабря 2010. Хабаровск: Дальневосточный центр «Психология», 2010. С. 147-152.

176. Мазилев В.А. Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 23-43.
177. Мазилев В.А. Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020г. № 77. С. 23-43. DOI 10.17223/17267080/77/2
178. Мазилев В.А. Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач / Автореферат дисс. ... кандидата психологических наук. Москва, 1981. 24 с.
179. Мазилев В.А. Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач: диссертация... кандидата психологических наук: 19.00.01. - Ярославль, 1981. - 196 с.
180. Мазилев В.А. Психологическое знание и методологические проблемы психологии // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития: сб. ст. / ред.: А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2018е. С. 115-140.
181. Мазилев В.А. Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015г. Т. 36, № 3. С. 81-90.
182. Мазилев В.А. Психология академическая и психология практическая: поиск путей к взаимопониманию и взаимодействию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014b. Т. 3, № 3. С. 228-236.
183. Мазилев В.А. Психология и ее термины // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018f. № 1(35). С. 49-56.
184. Мазилев В.А. Психология и методология психологической науки: нерешенные актуальные проблемы // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 46-64.
185. Мазилев В.А. Психология как фундаментальная наука: нужна ли она сегодня? // Методология современной психологии. - 2023. - №17. - С. 192-207.

186. Мазиллов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль : ЯГПУ, 2001. 112 с.
187. Мазиллов В.А. Психология на ярославской земле: первые шаги и становление // Факультет психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. К 50-летию юбилею факультета психологии / Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2020г. С. 52-86.
188. Мазиллов В.А. Психология практическая и психология академическая: проблема личности // Ярославский психологический вестник. 2017г. № 3(39). С. 18-25.
189. Мазиллов В.А. Психология сегодня: существует ли конфликт между академической и практической психологией? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015г. Т. 9, № 1. С. 124-147.
190. Мазиллов В.А. Психология способностей: история и современность / В сборнике: Вопросы общего, высшего и дополнительного образования. Сборник статей национальной научно-практической конференции с международным участием. Под научной редакцией М.В. Новикова. 2019. С. 89-100.
191. Мазиллов В.А. Психология способностей: перемены ракурсов // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020г. № 1(39). С. 88-95.
192. Мазиллов В.А. Психология: возвращение к Демокриту // Ярославский педагогический вестник. 2017г. № 1. С. 178-188.
193. Мазиллов В.А. Психология: кризис и поиск предмета / В книге: Мазиллов В.А. Методология психологической науки: История и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 149-167.
194. Мазиллов В.А. Психология: кризис и поиск предмета // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 474-491.
195. Мазиллов В.А. Пути развития психологии: методологические работы профессора М. С. Роговина // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 111-121.

196. Мазилев В.А. Разработка концепции объяснения в психологии // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 188-197.
197. Мазилев В.А. Разработка концепции психологического факта // Психолого-экономические исследования. 2015i. Т. 2-8, № 2. С. 56-71.
198. Мазилев В.А. Разработка практической психологии: непонятый и неоцененный проект К.Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2014в. Т. 2. № 3. С. 191-199.
199. Мазилев В.А. Редукционизм и объяснение в психологии // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. № 3 (40). С. 106-111.
200. Мазилев В.А. Реформирование общей психологии и идеи М.М. Бахтина // Психологический vademecum: Бахтин М.М. и Витебщина: сб. науч. ст. / под ред. С. Л. Богомаза, В. А. Каратерзи, С. Ф. Пашковича. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2020j. С. 12-16.
201. Мазилев В.А. Рецензия на книгу А.В. Юревича «Методология и социология психологии». М.: Институт психологии РАН, 2010 // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 2. С. 137-139.
202. Мазилев В.А. Романтик и мечтатель в психологии (Жизнь в поисках предназначения): к юбилею Владимира Анатольевича Урываева // Ярославский психологический вестник. 2022. № 1.
203. Мазилев В.А. Слово о Льве Семеновиче Выготском (к 100-летию со дня рождения) // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 3. С. 132-134.
204. Мазилев В.А. Слово о Н.П. Фетискине (памяти ушедшего друга) // Методология и история психологии. 2018g. № 1. С. 233-243. DOI 10.7868/S1819265318010156
205. Мазилев В.А. Современная психологическая молодежь: время выбора ориентиров // Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация: материалы X Международной

- научно-практ. конф., Владимир, 25 марта 2021 г. / под общ. ред. Е. В. Прониной. Владимир: Транзит-ИКС. 2021f. С. 19-23.
206. Мазиллов В.А. Сознание и предмет психологии // *Методология современной психологии*. 2019d. № 10. С. 106-128.
207. Мазиллов В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // *Методология и история психологии*. 2007d. Т. 2, № 1. С. 61-85.
208. Мазиллов В.А. Становление метода эксперимента в научной психологии // *Современная экспериментальная психология: в 2-х т. Т. 1*. М.: Институт психологии РАН, .2011b. С. 139-159.
209. Мазиллов В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ярославль : ЯГПУ, 2004. 243 с.
210. Мазиллов В.А. Стены и мосты: методология психологической науки: монография. Ижевск: ERGO, 2015j. 195 с.
211. Мазиллов В.А. Судьба научной психологии в XXI столетии: время и бремя выбора // *Методология современной психологии*. - 2022. - №15. - С. 220-234.
212. Мазиллов В.А. Теоретический анализ компетенций в области образования / В кн.: Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций / О.В. Ракитина, В.А. Мазиллов, Н.П. Ансимова и др.; под ред. М.В. Новикова. Ярославль: ЯГПУ, 2009б. 211 с. С. 15-33.
213. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии (Период становления психологии как самостоятельной науки): дис. ... доктора психол. наук: 19.00.01 / Мазиллов Владимир Александрович. М., 1999. 395 с.
214. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 356 с.
215. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки / Автореферат дисс. ... доктора психологических наук. Москва, 1999. 55 с.

216. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 1998. 359 с.
217. Мазилев В.А. Уроки мастера: человек, который знал все. Несколько штрихов к портрету М. С. Роговина // Ярославский психологический вестник. 2021. № 2 (50). С. 12-19.
218. Мазилев В.А. Философия психологии: вопросы методологии и истории психологии в наследии К.К. Платонова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021г. Т. 6, № 2(22). С. 169-199. DOI 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_07
219. Мазилев В.А. Философия психологии и история психологии // Методология современной психологии. - 2023. - №20. - С. 164-183.
220. Мазилев В.А. Христиан Вольф и генезис научной психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023г. № 1(45). С. 121-132.
221. Мазилев В.А. Человек на все времена: Штрихи к портрету Виктора Васильевича Новикова // Основатели Российской психологии XX - XXI века. Виктор Васильевич Новиков: Ученый и Человек. Юбилейный выпуск / Ред. и составитель Н.П. Фетискин. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. С. 38-42.
222. Мазилев В.А. Человек непростой судьбы: Виктор Васильевич Карпов // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017г. № 2. С. 105-112.
223. Мазилев В.А. Чужая колея (Научная психология на пути к освобождению из плена чужих парадигм) // Звезды Ярославской психологии. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2000б. С. 148-199.
224. Мазилев В.А. Эволюция гештальтпсихологии (проблемы творческого мышления в работах Лайоша Секея) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 162-173.

225. Мазиллов В.А. Эти вечные стены и недолговечные мосты // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: материалы II Национальной научно-практ. конф. с междунар. участием, Ярославль, 17-18 мая 2019 г. / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2019е. С. 36-44.
226. Мазиллов В.А. Я.А. Пономарев и исследования творческого мышления при решении разных типов задач / В сб.: Творчество в современном мире: человек, общество, технологии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я.А. Пономарева. Москва : ИП РАН, 2020. С. 27-28.
227. Мазиллов В.А. Ярославская психологическая школа: замысел создания, возникновение, развитие // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018h. № 1(35). С. 146-161.
228. Мазиллов В.А., Базиков М.В. Категория «отношение»: методологический статус и практико-психологические проекции // Психология обучения. 2015. № 5. С. 104-114.
229. Мазиллов В.А., Базиков М.В. Психология как фундаментальная наука: от кризиса к стремительному развитию / В сборнике: Социальный мир человека. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире». Ижевск, 2016. С. 48-53.
230. Мазиллов В.А., Бугайчук Т.В. Исследование способностей младших школьников и подростков: структурный анализ // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4. С. 14-23.
231. Мазиллов В.А., Бугайчук Т.В. Проблема взаимосвязи мотивации и способностей субъекта деятельности // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 107-114.
232. Мазиллов В.А., Голубкова Е.А. Духовно-нравственное развитие молодежи: методолого-психологические проблемы (проблема

- факта) // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2016. № 5 (72). С. 232-242.
233. Мазиллов В.А., Голубкова Е.А. Проблема факта в истории психологии / В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. С. 118-129.
234. Мазиллов В.А., Голубкова Е.А. Психология: происхождение и структура научного факта // Методология современной психологии. 2017. № 7. С. 268-282.
235. Мазиллов В.А., Голубкова Е.А. Факт в психологии: построение структурно-уровневой теории / В книге: Актуальные вопросы непрерывного профессионального образования. Сборник материалов. Под научной редакцией М.В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. С. 98-103.
236. Мазиллов В.А., Голубкова Е.А. Факт в психологии: структурно-уровневая трактовка / В сборнике: Социальный мир человека. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация». Под редакцией Н.И. Леонова. Ижевск, 2018. С. 32-35.
237. Мазиллов В.А., и др. Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории / В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко, Д. В. Ушаков, В. Д. Шадриков // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 4. С. 5-14. DOI 10.31857/S020595920027081-5
238. Мазиллов В.А., Козлов В.В., Слепко Ю.Н. Психология способностей: вчера, сегодня, завтра // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 162-175.
239. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Педагогическая психология в творчестве К.Д. Ушинского (по материалам российских дореволюционных публикаций) / В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материа-

- лы научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. С. 88-94.
240. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 390-413.
241. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17, № 3. С. 390-413. DOI 10.17323/1813-8918-2020-3-390-413
242. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Проблема педагогического таланта в современной зарубежной психологии // Психология и психотехника. 2022. № 3. С. 30-41. DOI 10.7256/2454-0722.2022.3.38668
243. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Психология в системе философского знания XIX в.: богословская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 97-111.
244. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Филатов Василий Степанович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 20-33.
245. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Филатов Василий Степанович: данные библиографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 63-68.
246. Мазиллов В.А., Максимов Д.И. Педагогические условия развития чувства ритма у обучающихся в классе фортепиано // Проблемы творческого развития личности в системе образования: сб. науч. ст. по материалам Всероссийской научно-практ. конф., Москва, 25 апр. 2019 г. / ред.-сост. О. Д. Никитин. М.: Сам Полиграфист, 2019. С. 163-166.
247. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Академическая и практико-ориентированная психологии: новые перспективы взаимодействия // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021а. № 2(42). С. 22-38.

248. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. В. Н. Дружинин как исследователь проблемы способностей / В сборнике: Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. Москва, 2020. С. 231-239.
249. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. В. С. Филатов в борьбе за марксистскую психологию / В сборнике: История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН. Ответственные редакторы: Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Н.Е. Харламенкова, А.В. Юревич, И.И. Ветрова. Москва, 2022. С. 141-143.
250. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Век психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 468 с.
251. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Век психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2023а.
252. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Век психологии: люди, идеи, события (вместо предисловия) // Век психологии в Ярославле: сб. науч. материалов Всероссийской конф. / под науч. ред. В. А. Мазилова, Ю. Н. Слепко. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023а. С. 5-14.
253. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Вклад К. Д. Ушинского в развитие психологической науки // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. № 6. С. 373-379.
254. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Возвращение мысли // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 68-70.
255. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Воспитание как предмет исследования // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека: сб. ст. междунар. научно-практ. конф., посвященной 75-летию М.И. Рожкова, Ярославль, 9-10 сент. 2021 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021в. С. 55-60.
256. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Деятельность. Способности. Внутренний мир // Ярославский психологический вестник. 2019. № 2(44). С. 29-35.

257. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Интеллектуальный потенциал в системе профессиональной подготовки педагога / В сборнике: Интеллектуальный потенциал человека в системе современных научно-образовательных процессов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редактор Л.В. Ахметова. 2020. С. 15-19.
258. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Исследование проблемы способностей в психологии / В сборнике: Психология способностей и одаренности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией В.А. Мазилова. 2019. С. 58-66.
259. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Исследования человеческого капитала и способностей в психологии / В сборнике: Дошкольное и начальное образование: многообразие подходов. материалы международной конференции «Чтения К. Д. Ушинского» педагогического факультета ЯГПУ. Ярославль, 2020. С. 62-68.
260. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Компетентностный подход в формировании профессионального сознания психолога // Бюллетень Учебно-методического объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2014. № 1 (6). С. 79-85.
261. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. М.С. Роговин: философ психологии / В книге: Ананьевские чтения - 2021. Материалы международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Шаболтас. Отв. ред. В.И. Прусаков. Санкт-Петербург, 2021. С. 48-49.
262. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Методологические размышления: психология труда через призму учебника XXI века // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 216-226.
263. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Николай Александрович Соколов: психотехника культурно-просветительской работы // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023b. Т. 8, № 2. С. 4-31. DOI 10.38098/ipran.opwr_2023_27_2_001
264. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Новые перспективы психологии деятельности // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 162-164.

265. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Объяснение в психологическом исследовании: учеб. пособие. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2020а. 157 с.
266. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Объяснение в структуре современных психологических исследований // Сибирский психологический журнал. 2023с. № 89. С. 6-27. DOI 10.17223/17267080/89/1
267. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Отношения, воспитание, внутренний мир личности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 2 (36). С. 36-45.
268. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема объяснения в психологическом исследовании / В сборнике: Развитие ТувГУ в XXI веке: интеграция образования, науки и бизнеса. материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Тувинского государственного университета. Кызыл, 2020. С. 46-49.
269. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема педагогической одаренности / В книге: Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2018. С. 122-127.
270. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема понятийного пространства современной психологии // Психологический журнал. 2023d. Т. 44, № 3. С. 93-98. DOI 10.31857/S0205920026160-2
271. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема способностей в отечественной психологии: страницы истории / В сборнике: Психология способностей и одаренности. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 49-55.
272. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Проблема формирования педагогической одаренности как условие устойчивого развития ребенка / В сборнике: Экопсихологические исследования - 5. Сборник научных статей участников 8-й Российской конференции по экологической психологии. 2018. С. 227-233.

273. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Психологическая диагностика одаренности: проблема соотношения теории и метода исследования // Страховские Чтения. 2018. № 26. С. 188-192.
274. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Психологическое исследование одаренности: проблема теории и метода // Сибирский психологический журнал. 2021г. № 79. С. 30-47. DOI 10.17223/17267080/79/3
275. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Психология труда, трудового обучения и воспитания в ярославской психологической школе: ранние этапы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 240-276.
276. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Развитие социальных способностей студентов педагогического университета // Интеграция образования. 2020г. Т. 24, № 3(100). С. 412-432. DOI 10.15507/1991-9468.100.024.202003.412-432
277. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Самооценка педагогических способностей в профессиональной подготовке учителя начальной школы // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 3 (108). С. 466-482.
278. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Созидательная личность. А.Н. Леонтьев и советская психология // Вестник Московского университета. 2023г. Серия 14: Психология. Т. 46, № 2. С. 46-66. DOI 10.11621/LPJ-23-15
279. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Соотношение теории и метода в исследовании проблемы одаренности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 2 (36). С. 141-145.
280. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Социальная компетентность и фундаментальная психологическая подготовка студентов / В сборнике: Социальная компетентность личности. сборник научных статей. Ярославль, 2020. С. 94-101.
281. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Социальное прогнозирование: от форсайта к методологии анализа социально-психологических

- последствий внедрения новых технологий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 115-121.
282. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Способности и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021d. Т. 18, № 3. С. 598-622.
283. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Способности как объяснительное понятие в современной психологии // Сибирский психологический журнал. 2022a. № 85. С. 35-50. DOI 10.17223/17267080/85/2
284. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Теоретико-методологические основы исследования педагогической одаренности / В книге: Актуальные вопросы непрерывного профессионального образования. Сборник материалов. Под научной редакцией М.В. Новикова. 2018. С. 96-98.
285. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Уровневая концепция объяснения в психологии / В сборнике: Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс. сборник статей всероссийской конференции с международным участием. Ярославль : ЯГПУ, 2021. С. 103-110.
286. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Филатов Василий Степанович: методолог, психолог, организатор науки: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022b. 223 с.
287. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Формирование педагогической одаренности: множественность подходов / В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 73-й научно-практической конференции. Под научной редакцией Л.В. Байбородовой. 2019. С. 211-217.
288. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Формирование педагогической одаренности: поиск теоретических оснований // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2019. № 2 (38). С. 135-142.
289. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Формирование профессиональной компетентности психолога средствами учебного курса «История психологии» // Бюллетень Учебно-методического

- объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2015. № 1 (8). С. 119-126.
290. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Формирование психологической школы в Ярославле: психология труда и трудового воспитания / В сборнике: Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. Москва, 2021. С. 1114-1129.
291. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Человеческий капитал и способности человека: постановка проблемы // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 211-216.
292. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. Я.А. Пономарев и методология психологии // Творчество в современном мире: человек, общество, технологии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Я.А. Пономарева / Отв. ред. Д.В. Ушаков, И.Ю. Владимиров, А.А. Медынцева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 28-29.
293. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н., Костригин А.А. Развитие рефлексивных способностей студентов - будущих учителей начальных классов // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 470-485.
294. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н., Ушаков Д.В., Шадриков В.Д. Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 5-14.
295. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Времен связующая нить: о книге С.Г. Геллерштейна «Методология психотехники» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 1. С. 81-86.
296. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Д.И. Рейтынбарг как основатель психологии воздействия в СССР // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2015. №. 2. С. 36-49.
297. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни / В книге: Вопросы теории и методики профес-

сионального образования. материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». Под научной редакцией М.В. Новиков. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 51-60.

298. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Обращение к потомкам: Выготский и мы // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 193-197.
299. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Парадигма воздействия в работах Гуго Мюнстерберга и первых психотехников // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 3. С. 179-190.
300. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Первые отечественные социальные психологи: рождение парадигмы воздействия // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2016. № 1 (31). С. 85-99.
301. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223-236.
302. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Проблема факта в психологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3(35). С. 235-241.
303. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Рождение парадигмы воздействия в работах первых психотехников Америки и Европы // Методология современной психологии. 2014. № 4. С. 126-139.
304. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Советская психотехника: проблема разработки аппаратурного инструментария // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2016. № 2 (32). С. 44-57.
305. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. «Большой психолог и методолог психологии»: к 100-летию со дня смерти Гуго Мюнстерберга // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 194-204.
306. Мазиллов В.А., Шадриков В.Д. От души к внутреннему миру человека: предмет психологии в исторической перспективе // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы междунар. конф. по истории психологии,

- Москва, 1-3 июня 2021 г. / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 49-60.
307. Мазиллов Владимир Александрович / в кн.: Профессора ЯГПУ, 1908-2008: биографические очерки / сост. А.В. Еремин, под ред. проф. М.В. Новикова. Ярославль: ЯГПУ, 2008. С. 106-107.
308. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: История и современность : монография. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
309. Мазиллов, В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазиллов // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96
310. Мантикова А.В. Личность ученого-психолога: комплементарность научности и человечности («Штрихи к портрету» профессора Владимира Мазилова) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 96-101.
311. Наука и общество: история советского атомного проекта (40-50 годы) / гл. ред. Е.П. Велихов / Труды международного симпозиума ИСАП-96. - М.: ИздАТ, 1997. - 608 с.
312. Новиков М.В., Слепко Ю.Н. Присуждение премии имени С.Л. Рубинштейна В.А. Мазиллову // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 1 (118). С. 217-219.
313. Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 1 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков при участии А.А. Костригина. Москва: РИД Рос-НОУ, 2019. 876 с.
314. Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 2 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков при участии А.А. Костригина. Москва: РИД Рос-НОУ, 2020. 512 с.
315. Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 3 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков, М.В. Груздев при участии А.А. Костригина. Москва: Литературное агентство «Университетская книга», 2020. 696 с.

316. Общая психология: хрестоматия в 5 томах. Т. 4 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков, М.В. Груздев при участии А.А. Костригина. Москва: Университетская книга, 2020. 644 с.
317. Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 5 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков, М.В. Груздев при участии А.А. Костригина. Москва: Университетская книга, 2021. 676 с.
318. Общая психология : хрестоматия в 5 томах. Т. 6 / Составители В.А. Мазиллов, В.Д. Шадриков, М.В. Груздев при участии А.А. Костригина. Москва: Университетская книга, 2021. 440 с.
319. Оллпорт Г. Личность в психологии. М. - СПб. , 1998. 345 с.
320. Панов В.И. Экологическая психология: системный анализ // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 407-433.
321. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. - 440 с.
322. Роговин М.С. Анализ познавательного стиля при психологическом изучении деятельности / М. С. Роговин, А. В. Соловьев // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1976. С. 12-22.
323. Роговин М.С. Введение в психологию. Москва : Высшая школа, 1969. 382 с.
324. Роговин М.С. Изменение семантико-логической структуры психологических исследований // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76-87.
325. Роговин М.С. Научные критерии психической патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1981. 78 с.
326. Роговин М.С. Основные направления анализа диагностического мышления в психопатологии (проблемная лекция). Ярославль: ЯрГУ, 1989. 69 с.

327. Роговин М.С. Основные положения общепсихологической структурно-уровневой теории // Познавательные процессы и личность в норме и патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1995. С. 10-12.
328. Роговин М.С. Проблема понимания : автореферат дис. ... канд. пед. наук (по психологии): 13.00.00. Москва, 1955. 16 с.
329. Роговин М.С. Проблемы теории памяти. Москва: Высшая школа, 1977. 181 с.
330. Роговин М.С. Психологическая природа неопределенности / М. С. Роговин, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. Москва: МГПИ, 1973. С. 187-230.
331. Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ. 1979. 66 с.
332. Роговин М.С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100-110.
333. Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. Москва: Наука. 1974. С. 187-230.
334. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ. 1977. 80 с.
335. Роговин М.С. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) / М. С. Роговин, Л. П. Урванцев, Л. М. Иванов // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48-61.
336. Роговин М.С. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. Томск: ТГУ, 1988. 288 с.
337. Роговин М.С. Уровневая структура действия / М. С. Роговин, А. В. Соловьев, Л. П. Урванцев // Психологическая рационализация деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1978. С. 10-21.

338. Роговин М.С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования. Ежегодник. Москва: Наука. 1978. С. 152-168.
339. Роговин М.С. Философские проблемы теории памяти. Москва: Высшая школа, 1966. 168 с.
340. Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... док. пед. наук: 13.00.00. Москва, 1968. 28 с.
341. Русина Н.А., Мазилев В.А. О некоторых особенностях процесса понимания при решении логических задач / Вопросы теоретической и прикладной психологии: Тезисы V научно-психологической конференции. - Л.:ЛГУ, 1974. - С. 27-28.
342. Рыльская Е.А. Психологическая концепция жизнеспособности человека. Челябинск, 2013. 336 с.
343. Симановский А.Э. Влияние работ К. Ясперса на содержание творчества М.С. Роговина // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 58-61.
344. Симановский А.Э. Психология понимания в работах М.С. Роговина как одно из направлений развития Ярославской психологической школы // Ярославский психологический вестник. 2020. Выпуск 3 (48). С. 108-110.
345. Славская К.А. Мысль в действии. - М.: Издательство политической литературы, 1968. - 208 с.
346. Слепко Ю.Н. Вклад М.С. Роговина в разработку проблемы уровневого объяснения в психологии // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 70-74.
347. Слепко Ю.Н. Владимиру Александровичу Мазилеву - 65. Интервью с юбиляром // Ярославский психологический вестник. 2019. № 3 (45). С. 96-106.
348. Слепко Ю.Н., Мазилев В.А. Б.М. Теплов и исследования психологии способностей в российской психологии / В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня

- ня: способности, образование, профессионализм. материалы Международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Бориса Михайловича Теплова. Москва, 2021. С. 159-163.
349. Слепко Ю.Н., Мазилев В.А. К 100-летию М.С. Роговина - интервью с учеником // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 143-158.
350. Слепко Ю.Н., Мазилев В.А. Проблема объяснения в психологии: уровневый подход / В книге: Ананьевские чтения - 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков - к новым достижениям и инновациям. материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 223-224.
351. Слепко Ю.Н., Мазилев В.А. Развитие социальных способностей субъекта педагогической деятельности / В сборнике: Социальная компетентность личности. сборник научных статей. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 135-140.
352. Соловьев А.В. Теория памяти и ее проблемы (по материалам работ М.С. Роговина) // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 28-31.
353. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Д. И. Рейтынбарг: основатель психологии воздействия в советской психотехнике // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 169-178.
354. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Д.И. Рейтынбарг как методолог практической психологии (основатель психологии воздействия в СССР) / В сборнике: Методология современной психологии. Ярославль : МАПН, 2015. С. 212-226.
355. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Забытый съезд: первый всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 4. С. 251-260.
356. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Ликвидация - 1936: последняя осень советской психотехники // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2014. № 1 (27). С. 25-41.

357. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 95-104.
358. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Психотехник Д. И. Рейтынбарг -основатель психологии воздействия в СССР // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 89-99.
359. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Создание аппаратурных методик как проблема советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 210-219.
360. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. В. А. Снегирев: психолог, богослов, учитель // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2015. № 2 (30). С. 50-65.
361. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138-149.
362. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007. 528 с.
363. Урванцев Л.П. Михаил Семенович Роговин // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 88-90.
364. Урванцев Л.П. Об учителе с благодарностью // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 9-12.
365. Урываев В.А. «Вверх по незнакомой реке...»: к проблеме психологического диагноза // Ярославский психологический вестник. 2000. Выпуск 3. С. 207-211.
366. Урываев В.А. М.С. Роговин в современном информационном пространстве // Ярославский психологический вестник. 2021. Выпуск 2 (50). С. 90-93.
367. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. - 840 с.

368. Фихте И.Г. Наукоучение в его общих чертах // Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / пер. с нем. Мн.; М., 2000. - 784 с.
369. Харламенкова Н. Е. Критерии репликации психологического знания в контексте культурно-исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки 2021. Т. 58. № 2. С. 51-58.
370. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010. 43 с.
371. Шадриков В.Д О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики, № 1, том 1, 2004, с. 5-19
372. Шадриков В.Д. Введение в психологию: мир внутренней жизни человека. М., 2002.
373. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. Москва : Логос, 2006. 389 с.
374. Шадриков В.Д. Возвращение души: теоретические основания и методология психологической науки. Москва : ИП РАН, 2021. 210 с.
375. Шадриков В.Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 15-26.
376. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006. 389 с.
377. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. Москва : Логос, 2010. 392 с.
378. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. Москва : ИП РАН, 2019. 274 с.
379. Шадриков В.Д., и др. Познавательные процессы и способности в обучении: учеб. пособие для студ. пед. институтов / В. Д. Шадриков, Н. П. Ансимова, Е. Н. Корнеева, В. А. Мазилев, Г. А. Мурашов, Т. В. Тимофеева; под ред. В. Д. Шадрикова. М.: Просвещение, 1990. 142 с.

380. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Мышление, мысль, одаренность // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6.
381. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. О психофизическом принципе (предмет психологии) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 15-24.
382. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Москва: Юрайт, 2015. 411 с.
383. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Москва: Юрайт, 2023. 411 с.
384. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. - 411 с.
385. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В.Д.Шадриков, В.А.Мазилев. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
386. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 411 с.
387. Шадриков В.Д., Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Методология и методы изучения способностей и одаренности: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2018. 159 с.
388. Шадриков В.Д., Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Психология педагогических способностей: монография. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021. 219 с.
389. Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом... Москва: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2012. 272 с.
390. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1993. 336 с.
391. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012, Т.33. №1, с. 127-136
392. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск, 2005.

393. Янчук В.А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // Парадигмы в психологии: Научковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л. Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, с. 136-157.
394. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // K. G. Jung. Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418-423.
395. Mazilov V. A. About methodology of Russian psychology of today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126-134.
396. Mazilov V.A., Kostrigin A.A. The work of V.A. Snegirev: an historical and psychological study // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. T. 10. № 1. С. 198-210.

СВЕДЕНИЯ О АВТОРАХ

Базиков Михаил Васильевич - кандидат психологических наук, член-корреспондент Международной Академии Психологических наук, г. Москва.

Бугайчук Татьяна Владимировна - доктор политических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль.

Козлов Владимир Васильевич - Президент Международной Академии Психологических наук, Ректор Университета Интегративной Психологии и Психотерапии (УИПП), доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль.

Леньков Сергей Леонидович - доктор психологических наук, профессор, главный аналитик управления координации научных исследований и подготовки кадров высшей квалификации Российской академии образования, г. Москва.

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета, г. Москва.

Рыльская Елена Александровна - доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), г. Челябинск.

Слепко Юрий Николаевич - доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль.

Научное издание

МАСТЕР ПСИХОЛОГИИ

под редакцией В.В. Козлова, Ю.Н. Слепко

ISBN 978-5-6051440-2-1

Подписано в печать 06.03.2024.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16
Объем 20.01 усл. печ. л.,
2.92 уч.-изд. л.
Тираж 150 экз. Заказ №118.

Отпечатано в типографии «Титул» (ИП Маренков А.В.)
г. Ярославль
titulyar@mail.ru. Тел. (4852) 59- 41-53
© «Титул» типография (ИП Маренков А.В.)